ОГОНЁК
№ 14 АПРЕЛЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ХОРОШО ЖИВУТ СТРОИТЕЛИ СТАЛИНГРАДСКОЙ ГЭС В МОЛОДОМ ГОРОДЕ ВОЛЖСКОМ. ТАМ, ГДЕ ЕЩЕ НЕДАВНО БЫЛА ВЫЖЖЕННАЯ СОЛНЦЕМ СТЕПЬ, ПРОЛЕГЛИ АСФАЛЬТИРОВАННЫЕ ПРОСПЕКТЫ. РЯДОМ СО СПОРТИВНЫМ СТАДИОНОМ ВЫСИТСЯ ПРОСТОРНЫЙ ПЛАВАТЕЛЬНЫЙ БАССЕЙН. КРУГЛЫЙ ГОД В ЛЮБУЮ ПОГОДУ ТРЕНИРУЮТСЯ ТАМ ФИЗКУЛЬТУРНИКИ ГОРОДА.

На снимке: тренер Константин Селезнев инструктирует будущих чемпионов.

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев в своей резиденции в Париже беседует с делегацией ассоциации «Франция — СССР».

«Последние новости о визите советского гостя во Франции!»

Фото специального корреспондента ТАСС В. Соболева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 14 (1711)
3 АПРЕЛЯ 1960
38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Б. ПОЛЕВОЙ

Маршрутами дружбы

Когда сейчас пытаешься окинуть мысленным взором путь, проделанный Никитой Сергеевичем Хрущевым по земле Франции, приходит отчетливое ощущение, что успех его государственного визита нарастал, как снежный ком, сорвавшийся в оттепельную пору с горного склона.

«Летая со скоростью 800 километров и разъезжая со скоростью 140 километров в час, «господин К.» продолжает очаровывать французов» — это шапка на одной из полос номера весьма распространенной газеты «Журналь дю диманш». Заголовков и статей на эту тему в газетах много. Я привел здесь лишь один, показавшийся мне наиболее характерным. Свидетелями все укрепляющегося сердечного контакта гостя с народом Франции мы являлись все эти дни.

— Когда французу кто-нибудь очень понравится, он обязательно начнет шутить,— говорил корреспондентам винодел Роже Бюро, считающийся одним из лучших дегустаторов вин в Жиронде.

Никита Сергеевич, попробовав предложенные ему вина, сказал шутя, что папаша Роже своими усами напоминает ему маршала Семена Буденного.

— «Господин К.» шутит совсем как бордосец! — воскликнул старый винодел.

И он был прав. Вслед за кортежем летят крылатые остроты. Современные парижские Гавроши пустили шутку: скоро-де в столице Франции не останется голубей. Эти птицы, по словам ребят, все время повторяют «кру-кру» и не договаривают полностью фамилии советского гостя. И полиция будто бы устроила охоту на голубей за... неуважительное произнесение этой фамилии.

Чтобы видеть Никиту Сергеевича во время проезда и церемоний через головы впереди стоящих, предприимчивые люди изобрели своеобразный картонный перископ. Рекламирующие это сооружение торговцы кричат:

— А вот «глаз Москвы»! Кто купит, хорошо рассмотрит «господина К.»! Покупайте «глаз Москвы»!

И меткие шутки самого Никиты Сергеевича, на которые он, как известно, не скуп, быстро, с помощью газет и молвы, распространяются по стране. Так, например, когда ему представляли в Торговой палате в Париже банкиров, промышленников и коммерсантов, он спросил:

— А нет ли среди вас, господа, промышленника, который владел когда-то шахтами в районе Мариуполя, где я в 1912 году работал на подземных работах? — И когда среди собравшихся наступило несколько смущенное молчание, он под общее оживление в зале добавил: — Господа, не беспокойтесь, хотя зарплата была у нас тогда мизерной, я вовсе не собираюсь спрашивать с вас довоенные долги.

Эту историю в разных переложениях я слышал уже по крайней мере раз пять от французских коллег.

Вся Франция улыбается. Люди, выстроившиеся на перекрестках дорог, вдоль улиц, с просветленными лицами и добрыми улыбками встречают московского гостя. Это успех мирной политики Советского правительства. Успех стремлений нашего народа к миру и взаимопониманию. Успех его намерения восстановить традиционные связи с великой Францией. И все это с огромной, неудержимой, ясной и для друзей и для врагов убедительностью с каждым днем все отчетливее проявляется на всем пути главы Советского правительства.

Н. С. Хрущев и юный марселец Жерар Сигот.

И еще одно, по-моему, убедительное в условиях Франции свидетельство успеха. Бордоский винодел сказал, что Никита Сергеевич очень похож на бордосца. Мэр города Марселя заявил в своей официальной речи, что его гость — настоящий марселец. А в Дижоне Никита Сергеевич опять услышал, что он похож на дижонца!

В день, когда московский гость прибыл во Францию, рабочие, строящие здание аэродрома Орли, повесили на стену рукописный плакат с приветствием. Полиция удалила его. Теперь, когда московский гость проделал уже не одну тысячу километров по Франции, его встречали такие плакаты в каждом городе, в каждом селе, на каждом дорожном перекрестке. Их десятки, сотни. Рядом с ними развеваются французские и советские флаги. Мо-

Париж, 24 марта. У здания Парижского муниципалитета.

лодые люди в Марселе выпустили в воздух гроздья разноцветных шаров, которые поднимали в небо советские флаги и плакаты с приветствиями. Тысячные толпы часами стоят возле резиденций, отводимых главе Советского правительства, весело и настойчиво скандируя:

— Хрущев, на балкон! Хрущев, на балкон!

И никого это уже не беспокоит. Убедившись, что гость Франции, несмотря на высокое положение, — простой, сердечный, улыбающийся людям человек, полицейские власти сквозь пальцы смотрят на все эти «нарушения этикета».

Так хороши, так волнующи, так многозначительны эти встречи во французских городах и селах! Они показывают, что в народе этой великой страны, которую кое-кто пытается после войны отодвинуть на положение второстепенной державы, представить ее в виде старой барыни с картины Василия Максимова, у которой все в прошлом, что в великом французском народе аккумулировано огромное стремление восстановить достойное и равноправное место своей страны в ряду великих держав. Французы показывают, что они с не меньшей силой стремятся восстановить былую традиционную дружбу с Советской страной. Эти встречи говорят самым убедительным образом, что широкие массы французов одобряют политику Советского Союза, направленную на достижение мира и дружбы всех народов на земле.

Париж, Бордо, Ним, Арль, Марсель, Дижон... Большие пространства Франции проехал московский гость. Различны ландшафты, различна экономика. Различны характеры и даже самый внешний облик людей в разных департаментах. Но всюду главе Советского правительства выражали радушие, теплоту, дружбу. Всюду сотни, тысячи людей выстаивали часами, чтобы хотя издали взглянуть на посланца советского народа, помахать ему рукой или вместе с другими скандировать его имя. И в этом трогательном единодушии народных масс голоса тех, кто против, звучали лишь, как комариный писк.

Но эти «против» есть, и о них нельзя забывать, если хочешь трезво оценить события.

Это не только неумные словесные выпады людей, рассчитывающих на скандальную популярность. В стране есть силы, которые пытаются противопоставить себя президенту Шарлю де Голлю, пригласившему Никиту Сергеевича. Они противостоят большинству французского народа, который давно уже и со все большей и большей силой высказывается за восстановление традиционных дружеских связей с Советской страной.

В первые же дни визита из сообщений парижских и местных газет стало выясняться, что темные силы умеют не только болтать. Так, мы узнали, что в Париже арестован некий молодой бармен, который явился на церемонию возложения венков на могилу Неизвестного солдата с флагом, на котором были написаны слова, оскорбляющие советский народ и высокого гостя.

В час, когда Никита Сергеевич прибыл в Бордо, мы узнали от западных журналистов, при-

ехавших туда раньше нас, что какие-то люди ночью разбросали гвозди на дорогах, ведущих к городу, кроме той, основной, по которой должен был пройти кортеж. Смысл этого, казалось бы, нелепого хулиганского деяния был в том, чтобы помешать рабочим и виноградарям приехать в столицу вин, как называют этот главный город департамента Жиронды, приехать на встречу советского гостя. Однако глупая затея провалилась: много крестьян-виноделов и рабочих из окрестных деревень и поселков приехали на встречу с «господином К.».

Дижон, который побратался с нашим Сталинградом. Как это широко известно, мэром этого города является весьма авторитетный общественный деятель каноник Кир. Он публично приветствовал визит главы Советского правительства и радушно пригласил его посетить свой древний город, не раз увенчанный славой за долгие века своего бурного существования. И вот в Дижоне мы узнали: мэр города отсутствует. Оказывается, католический епископ запретил ему встречаться с главой «безбожного» Советского государства. Приказом духовного католического начальства каноник Кир был удален из города.

Трудно сказать, чего хотели достигнуть этим князья католической церкви: остановить или хотя бы омрачить процесс нарастания дружбы между французскими и советскими людьми? Помешать естественному стремлению граждан Франции к миру и взаимопониманию? Подмочить ли авторитет каноника Кира, который всегда был высок среди друзей мира? Что там гадать! Ясно одно: и на этот раз затея рассыпалась прахом. Встреча в ратуше Дижона оказалась одной из самых сердечных. Никита Сергеевич в своей речи сказал:

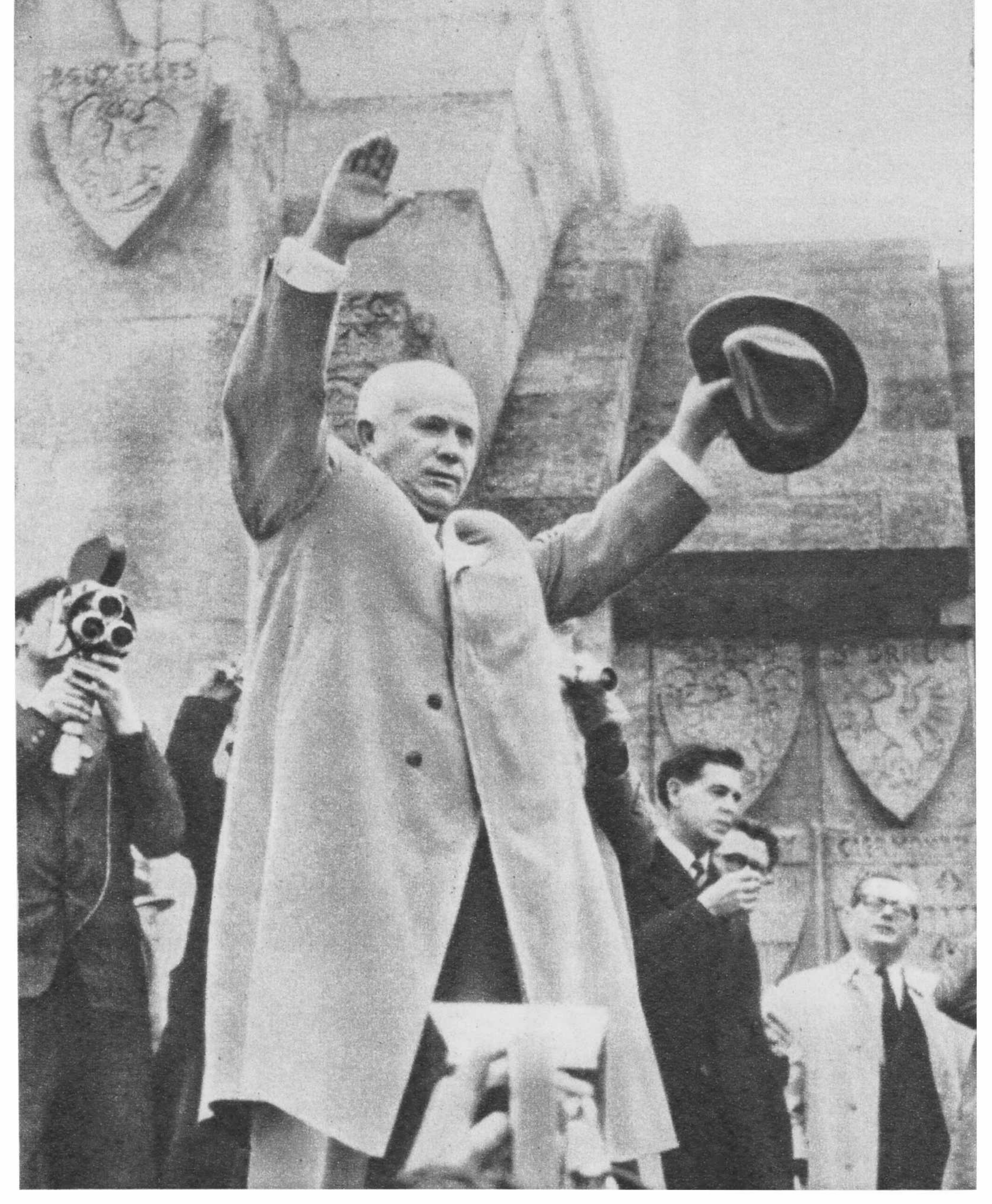
— Выражаю искреннюю благодарность за памятный подарок, который мне преподнесли от имени мэра города, каноника г-на Кира. Очень сожалею, что мне не пришлось и, видимо, не придется встретиться с этим замечательным человеком, который проявил исключительный патриотизм и несгибаемую волю в борьбе за Францию, в борьбе за французский народ.

И тысячи дижонцев, стоявших за стенами ратуши, заполнивших собою большую площадь, дружным гулом как бы подтвердили справедливость этих слов.

Успех визита Н. С. Хрущева стал уже ясным для всех, даже для тех газет, которые совсем недавно всячески протестовали против него. Больше того, он, этот успех, как бы поднимался по крутой кривой вверх, и ни у кого не было уже сил для того, чтобы помешать этому успеху или хотя бы омрачить его.

И вот сейчас, когда под шелест теплого весеннего дождя обдумываешь все, свидетелями чего мы стали в этой необычной поездке по французской земле, снова и снова приходишь к мысли: как же это здорово — быть советским человеком славных шестидесятых годов, годов побед, которые одерживают разум и мир на нашей старой, увы, еще склонной к дракам земле!

Дижон.



ВЕРДЕН. У монумента в честь победы над немецкой армией в 1916 году и в память павших.

ПАРИЖ. Жители столицы Франции приветствуют Н. С. Хрущева, стоящего на балконе дома, в котором жил В. И. Ленин.

На снимках слева направо:

ПО. Этого белого барашка жители По подарили Н. С. Хрущеву на память о своем городе.

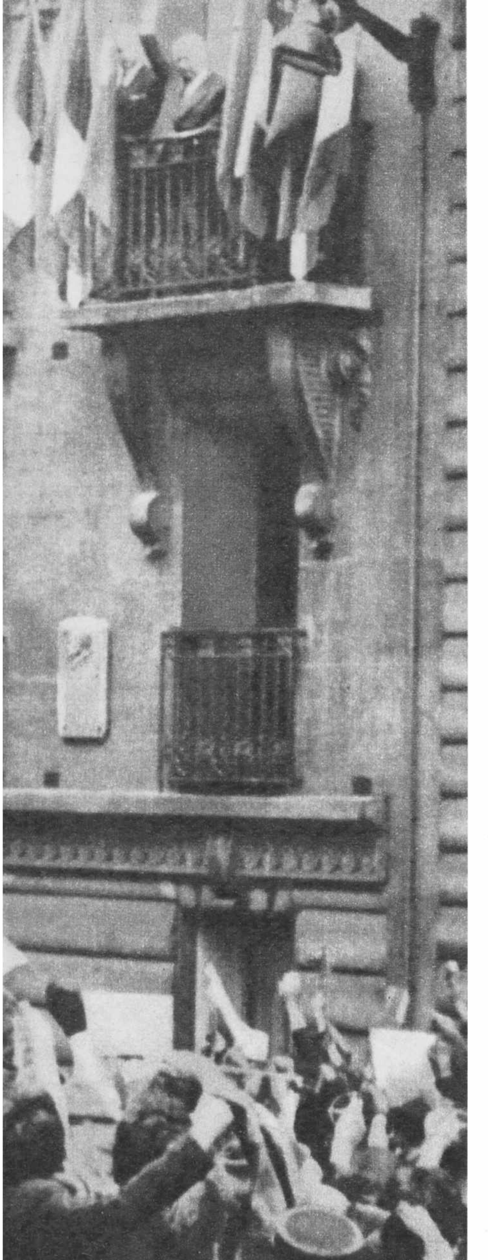
АРЛЬ. На улицах города.

БОРДО. Н. С. Хрущев преподнес подарки мэру города г-ну Шабан-Дельмасу.

БОРДО. Бокал бордоского вина в честь франко-советской дружбы.

БОРДО. В муниципалитете супруга мэра Бордо Шабан-Дельмаса подарила Н. П. Хрущевой шелковый шарф.

ИСТР. Встреча с бывшим пилотом авиаполка «Нормандия — Неман» генералом Луи Дельфино.



«ОН ПРИШЕЛСЯ ФРАНЦУЗАМ ПО ДУШЕ»

Марсель РОК,
французский журналист

Юг Франции встретил Никиту Хрущева как «своего», с истинно французским гостеприимством, веселым, простым и непосредственным. И сам гость среди этих теплых знаков внимания, видимо, не раз чувствовал себя, как у нас говорят, «французом среди французов».

Так, в Марселе Хрущев на приеме в префектуре пел вместе с приглашенными «Марсельезу», «Песню похода» и, поддержанный общим хором, запевал русскую песню волжских бурлаков.

До этого он воздал должное традиционной «буйябэс» — рыбному супу с ароматными травами Прованса — и сухому вину, которое дарят людям холмы Кассиса.

В этот большой южный французский город, один из крупнейших портов мира, Председатель Совета Министров СССР вступил под восторженные приветственные крики десятков тысяч марсельцев. Несмотря на дождливую погоду, знаменитая улица Канабьер была черна от заполнивших ее людских масс. Как колосящаяся пшеница в поле, колыхались над толпой бесчисленные советские флажки. Из края в край прокатывалось: «Хрущев! Хрущев!»

Фото специальных корреспондентов М. Савина, В. Соболева и Ассошиэйтед пресс.

Думается, эта простая, идущая от сердца теплота помогала гостю преодолевать неизбежное напряжение столь быстрого и насыщенного путешествия.

— Я чувствую себя великолепно,— сказал он в Бордо корреспонденту французского телевидения,— радушный прием, оказанный мне, прогоняет всякую усталость.

Его супруга, Нина Хрущева, со своей стороны, добавила, что не находит слов, чтобы описать дружеский прием, оказанный советским гостям в Париже и во время поездки по стране.

В Бордо Никита Хрущев посетил, впервые за свое пребывание во Франции, квартиру простого француза, рабочего Форбека.

— Советский премьер и его супруга,— рассказывает нам Форбек, — поинтересовались тем уголком, где подвизается хозяйка дома: кухней, ее оборудованием, посудой. Господин Хрущев одобрил устроенный мной самодельный душ. Я показал ему ледник, где хранится молоко для детей. Он спросил меня, сколько их у нас. Я сказал, что четверо. Господин Хрущев пожелал им мира и счастья, а нам, родителям,— еще четверку малышей. «О, это, пожалуй, слишком!» — воскликнул я. Тогда он рассмеялся и заметил, что не настаивает на полном выполнении такого плана... Симпатичный человек! Простой и веселый! Настоящий француз!..

Гость взял хозяина за руку, а Нина Хрущева обняла за плечи хозяйку, и они вместе вышли на балкон, встреченные бурей приветствий собравшейся толпы.

В промышленном городе Тарб Никиту Хрущева горячо встретило рабочее население. Когда он вышел из аэровокзала, толпа, поняв, что издалека не разглядишь хорошенько гостя, опрокинула установленные полицией барьеры. Хрущев с выражением большой сердечности на лице, подняв над головой соединенные в приветствии руки, двинулся навстречу толпе, которую полицейским удалось кое-как задержать в двадцати метрах от него. Он по-отечески наклонился и обнял двух ребятишек, мальчика и девочку, одетых в беарнские костюмы и выбежавших приветствовать его.

После посещения в Лаке предприятия по использованию природного газа Н. С. Хрущев был встречен в По веселой, красочной церемонией в традиционном духе этих мест. Группы юношей и девушек в ярких народных одеяниях несли подарки, предшествуемые флейтистами и барабанщиками. Советскому гостю поднесли белоснежного барашка, сыр из Осси, корзины, наполненные початками кукурузы, бутылку баскского ликера «Изарра». Никита Хрущев взял барашка на руки и опустил на мгновение лицо в его нежное руно. Раздался восторженный визг детей, но еще в большем восторге были фотографы и кинооператоры.

— Я люблю животных,— сказал Хрущев юношам и девушкам По.— Я доверяю этого ягненка вам, кормите его хорошо. Я буду справляться о нем. Давайте дадим ему имя «Мир»!

Назавтра утром, перед тем как покинуть По, Хрущев совершил не предусмотренную программой прогулку по городу. Встречавшимся на пути детям он дарил новейшую советскую игрушку — маленький «лунник».

Потом была триумфальная встреча в Ниме, где до пятидесяти тысяч человек ждали его два часа под проливным дождем и разразились бурными приветствиями, как только он появился. Советский гость посетил водоподъемную станцию в Пишегю, построенную компанией Рон-Лангедок и дающую возможность орошать большие площади.

— Что будут выращивать на этих землях? — осведомился советский премьер.

— Кукурузу,— ответил председатель компании г. Ламур.

Молодая девушка поднесла гостю букет из кукурузы, перехваченный красной лентой.

Когда г. Ламур сообщил гостю, что один фермер получил урожай в 125 центнеров зерна с гектара, Никита Хрущев улыбнулся и сказал:

— Но у нас на Украине, в Тернопольской области, собрали почти 225 центнеров с гектара. Если бы я имел влияние в вашей организации, я посоветовал бы получать здесь по два урожая в год...

В разговоре с собравшимися крестьянами Н. С. Хрущев с негодующей иронией отозвался о тех, кто пренебрежительно относится к труду на земле.

— Высокомерие по отношению к крестьянам,— сказал он,— бывает только у людей, которые привыкли есть сытный обед, не задумываясь над происхождением этого обеда...

Собравшиеся встретили эти слова горячими аплодисментами.

Никита Сергеевич Хрущев рассказал о грандиозных работах, которые осуществляются в Советском Союзе для орошения больших площадей хлопка.

— Мы можем продавать вам хлопок,— обратился он к г. Ламуру. Тот предложил в обмен овощи и картофель.

— Овощи! Картофель! — воскликнул Хрущев.— У нас их вволю. Как говорится: в Тулу со своим самоваром не ездят!..

Прекрасное зрелище, все пронизанное яркими красками народного искусства, встретило советских гостей в старинном Арле. На открытом воздухе, на арене античного театра, были показаны три танцевальные сцены: сначала танец, который восходит ко временам первого появления древних греков в районе Марселя; потом балет «Мраморная девушка» и, наконец, темпераментная тарантелла.

В конце спектакля советским гостям была представлена молодая девушка Генриетта Бон, которой на традиционном конкурсе красоты присвоили звание «королевы Арля».

Н. С. Хрущев и его супруга спросили, не хочет ли «королева» поехать в Советский Союз.

— О да! Я бы с большой радостью поехала! — сказала девушка.

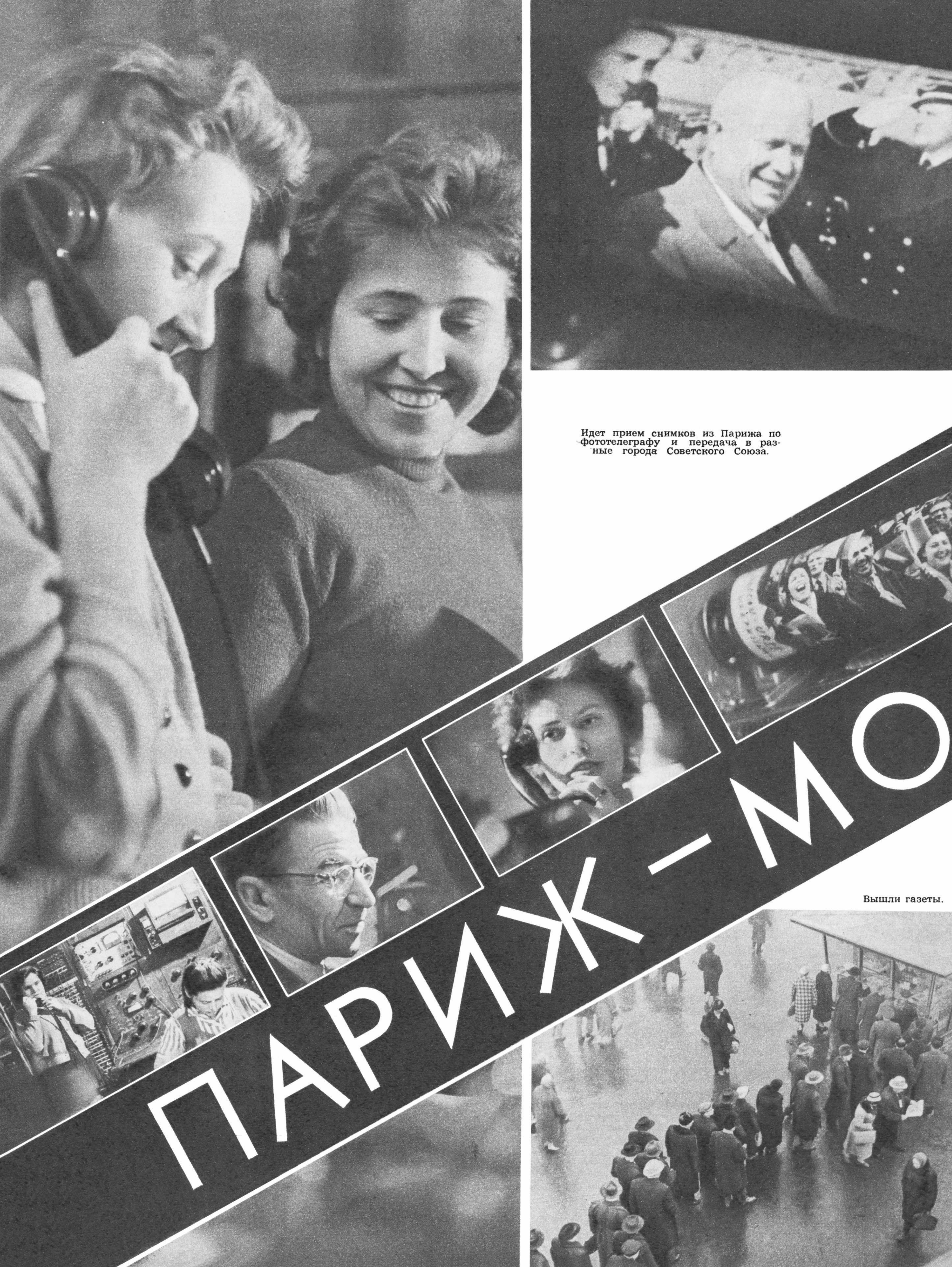
Присутствовавший тут же министр г. Жокс с шутливым испугом воскликнул:

— Осторожно! Так ведь началась Троянская война!

На что Хрущев возразил:

— Нет, вы не правы. Мы не собираемся ее похищать. Она говорит, что готова ехать по доброй воле!

Так, «по-французски», протекали непринужденные встречи главы правительства Советской страны с жителями Франции. Иначе и быть не могло: гость из Советского государства своей человечностью, прямотой, жизнелюбием и искренностью пришелся по душе французам, а больше всего — своей убежденной, страстной защитой дела мира.



Идет прием снимков из Парижа по фототелеграфу и передача в разные города Советского Союза.

Вышли газеты.

СКВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

На радость людям

Поглядишь,
и сердце радо.
И причина веская:
Светит людям
наша правда —
Ясная,
советская.

Горизонт
весенне светел.
Все вокруг весеннее.
Блещет солнце,
Веет ветер —
Ветер
потепления.
С доброй визою в кармане,
С чувствами открытыми
Дух взаимопониманья
Двигает
визитами.
И хотя мешает шибко
Всяческая шатия,
По земле
идут
Улыбка
и Рукопожатие!

Сергей СМИРНОВ

Житель города Владивостока, купив рано утром в киоске газету, рассматривает в ней фотографии, на которых изображено, как вчера французский город Бордо встречал высокого гостя из Советского Союза. Этот владивостонский читатель, конечно, понимает, что никакой «ТУ-104» не успел бы доставить эти снимки, сделанные накануне вечером у берегов Атлантики, для утреннего номера газеты, выходящей на Тихом океане. Фотографии своевременно попали в газету благодаря фототелеграфу — бильду.

Наш фотокорреспондент побывал в одном из залов Московского Центрального телеграфа, где разместилась со своей аппаратурой фототелеграфная служба. И как любой на его месте, он подошел в первую очередь к аппарату с табличкой: Москва — Париж.

Девушка-оператор устанавливала небольшой прямоугольный ящик, в котором находился лист фотобумаги, наложенный на цилиндрический валик.

Не прошло и минуты, как на щите раздался телефонный звонок. Сменный инженер Г. А. Трапезникова сняла трубку и по-английски сказала:

— Я — Москва. Пожалуйста, фазу.

Звонили из Парижа: начинается очередная передача фотографий. Через минуту-другую принимающий бильд был настроен на парижскую фазу, и работа началась.

Все происходит довольно просто. По проводам из Парижа поступает электрический сигнал. В бильдаппарате этот сигнал превращается в узкий световой луч, который падает на эмульсию фотобумаги. Валик с наложенной на него фотобумагой равномерно вращается, и луч света движется от одного торца валика к другому. Как резец токарного станка постепенно снимает со всей поверхности детали ровную стружку, так и луч света постепенно засвечивает всю площадь листа фотографической бумаги, свернутой в цилиндр. Но так как электрический сигнал, в данном случае из Парижа, становится то мощнее, то слабее, различные участки фотобумаги высвечены поразному. Когда через несколько минут передача прекратилась, кассету перенесли в темную комнату, вынули из нее бумагу, проявили, и фотография была готова.

Затем последовала другая операция — передача фотографии на Дальний Восток. Передающий бильд почти ничем не отличается от принимающего, разница лишь в том, что здесь не электрический сигнал превращается в луч света, а наоборот: луч в сигнал.

И не успеет еще курьер развезти по редакциям московских газет фотографии, только что полученные из Парижа, как на вращающемся валике бильда на Дальнем Востоке уже будет получена точно такая же фотография.

Так бильд в эти дни намного сокращает расстояние между Москвой и Парижем.

Их тут же раскупают, с огромным интересом читают в цехах. На стендах рассматривают полученные из Парижа фотографии.

Вот она, московская земля... Асхат Зиганшин, Филипп Поплавский, Анатолий Крючковский и Иван Федотов выходят из самолета.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ

Позади тайфуны Тихого океана и безбрежные просторы весенней Атлантики — два океана преодолели отважные воины, возвращаясь на родную землю. Восторженно встречали юных победителей стихии люди доброй воли на двух континентах: в Северной Америке и Западной Европе. В лице мужественной четверки весь мир чествовал Советского Человека — его бесстрашие, его волю к жизни.

— Добро пожаловать, герои! — говорит им Родина, раскрывая материнские объятия.

Указом Президиума Верховного Совета СССР А. Зиганшин, Ф. Поплавский, А. Крючковский и И. Федотов награждены орденом Красной Звезды.

Тысячи москвичей собрались во Внуковском аэропорте. →

Юных героев сердечно приветствует Председатель Исполкома Моссовета Н. И. Бобровников.

Первый автограф в Москве.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Эжен Делакруа (1798—1863).
ХИОССКАЯ РЕЗНЯ. Фрагмент.

Гюстав Курбе (1819—1877). ПРОСЕИВАНИЕ ЗЕРНА.

ФРАНЦУЗСКОЕ ИСКУССТВО

«Огонек».

Камиль Коро [1796—1875]. МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Самое сложное в строительстве газовых магистралей — сооружение подводных переходов. Это труд смелых, мужественных людей, вооруженных совершенной техникой. И я написал повесть о том, как строится один из таких переходов в очень трудных природных условиях. Строители пошли на такие трудности, отказавшись от обхода заболоченной поймы, чтобы сэкономить стране четыре километра стальных труб.

Именем героя повести — начальника участка — я и решил озаглавить свою повесть. Она называется «Знакомьтесь, Балуев». Ниже печатается отрывок из повести.

Автор

1

Виктор Зайцев организовал культпоход в районный центр на лекцию «О моральном облике советского человека».

Всего только четверо ребят явились на его призыв.

Капа Подгорная — потому, что она считала это необходимым для Пеночкиной. Зина Пеночкина сказала:

— Ну, что ж, раз я такая, пожалуйста, веди!

Марченко пошел потому, что готов был следовать за Капой куда угодно.

Изольда Безуглова согласилась пойти потому, что Зайцев просил ее:

— Ты же мой актив, поддержи мероприятие!

Полнотелый мужчина, в бедрах шире, чем в плечах, зачитывал вырезки из газет, в которых были запечатлены различные факты. Он сообщил, что какой-то гражданин из Зарайска нашел в кино дамскую сумочку и не присвоил ее, а передал администратору. Милиционер Каралов, увидя, как школьник тонет, не побоялся покинуть свой пост и вытащил мальчишку из воды. Гражданка Исакова взяла на воспитание девочку из детского дома и обращается с ней неплохо. А потом много говорил про воров, которые раскаялись и стали работать, как все люди. Лектор отвечал только на вопросы, которые задавали в письменной форме, и лишь на те, на которые у него заранее были подготовлены ответы.

Зина Пеночкина долго писала лектору записку, но все не получалось, и она разорвала ее.

После того, как лектор ответил на вопросы, которые он считал благоразумными, он сам задал присутствующим вопрос: «Как пройти к Дому приезжих?» — собрал газетные вырезки в портфель и удалился с озабоченным выражением лица, подрагивая полными щеками.

Марченко предложил пойти поужинать в столовую-ресторан. Зина воскликнула с отвращением:

— Нет, туда ни за что!

Капа заявила гордо:

— Я матери отослала почти всю получку, а на чужие не желаю роскошно питаться.

Изольда предложила:

— Я могу одолжить, пожалуйста.

Зайцев сказал, что на ночь есть много вредно.

— Ты правильник! — рассердился Марченко.

— Просто я считаю, каждый человек обязан продлевать свою жизнь,— сказал Зайцев,— и при коммунизме вполне нормально будет жить до ста пятидесяти.

— Подумаешь! — воскликнула Зина.— Разведут стариков — тоже мне достижение!

— У Гомера,— сухо произнес Зайцев,— есть описание, как старик перепрыгивал через лошадь с помощью копья.

— Может, он какой-нибудь бывший чемпион. И конь не настоящий, а пони. Писатели всегда что-нибудь преувеличивают.

— Классики не искажают фактов.

— Но он же слепой был, как же он это увидел?

— Он ослеп в молодости, а в зрелом возрасте пользовался материалом, который запомнил, когда был зрячим.

— Витька! — расхохоталась Пеночкина. — Ты вроде патефона, по голосу на этого лектора похож.

Зайцев обиделся и смолк.

Марченко произнес задумчиво:

— Конечно, выучиться вежливости и стать вроде Шпаковского можно. Но разве только с этим в коммунизм принимать будут?

— А ты какой показатель считаешь главным? — поинтересовалась Капа.

— Геройство,— угрюмо объявил Марченко.— Я бы всех, кто в Отечественную войну отличился, сразу, без расспросов принял.

— Среди них есть такие,— заметила Капа,— которые смерти не боялись, а в мирных условиях совершают необдуманные поступки и общественности боятся. А умереть вовсе не страшно, если это нужно для других.

— Нет, страшно,— сказала Изольда.

Зайцев испугался за Безуглову и, чтобы пресечь эту тему, воскликнул:

— Для меня самый главный показатель — это готовность человека целиком отдать себя служению Родине.

— Ты, Витька, всегда так говоришь, будто ты один за Советскую власть! — сердито упрекнул Марченко.

— А мне нравится, когда люди говорят возвышенно,— заступилась Подгорная.— И нечего стесняться возвышенного.

— А вот Никита Сергеевич,— заявил Марченко,— даже к народам мира обращается так, будто все они его знакомые, и получается возвышеннее возвышенного. Он торжественных выражений не любит. Он любит такие слова, которые к душе ближе. Бьет, как снайпер, в самую главную точку. И все становится ясным.

— Я считаю неправильным применять такой прием в споре! — рассердилась Подгорная.

— Это не прием, а факт! — тоже сердито сказал Марченко. И спросил Изольду:— А ты чего ежишься, молчишь?

— Я считаю, Виктор прав. Каждый должен гореть на работе, все равно как первый спутник, который сгорел на пользу всему человечеству.

— Тоже красиво выражаешься! — сказал Марченко.

— Красиво сказать легче,— тихо произнесла Изольда. — Ты прав: просто говорить — самое трудное.

— А отчего у тебя всегда глаза такие душераздирающие?

— Не знаю.

— Вот, — задорно объявил Марченко, — смотрю я на тебя и на Капитолину и не знаю, в какую из вас в первую очередь влюбиться.

— Можешь с Зайцевым посоветоваться: он среди нас самый умный!

— Ну, пошли молоть! — сказал Зайцев.

— А я сейчас одну тайну выдам,— пригрозил Марченко.— Видел тебя со свеженьким букетом, а потом гляжу, этот же букет в избе у Капочки с Зиночкой. Стоит он в тухлой воде, весь сгнивший, поскольку хозяйки находились в командировке. Но главная загадка — их две, а букет один. А ты человек целеустремленный, кому же букет предназначался персонально?

Капа возмутилась:

— Ну что ты пристал к Виктору!

— Ага, попалась! — торжествующе воскликнул Марченко и спросил Зину: — А ты чего хохочешь? Ничего тут смешного нет.

— Я смеюсь не потому, что мне весело,— призналась печально Зиночка,— а потому, что ужасно нервная. На все стала реагировать только смехом.

Изольда сняла платок с головы. Влажные хлопья снега стали падать на ее сверкающие волосы.

— Надень, а то простудишься,— сказал ей Марченко.

Она обернулась.

— Ты зачем сказал, когда мы сюда шли, что идешь по моим теплым следам, и нарочно плелся сзади, чтобы наступать на них, и говорил, что от этого тебе становится теплее?

— Ну, просто так,— смутился Марченко,— чтобы веселее было идти.

— А я решила, что это ты специально для меня придумал такие хорошие слова. А ты, оказывается, просто остроумный товарищ.

Марченко конфузливо замигал, оглянулся на Капу. Она отвернулась от него.

Прошли березовую рощу, полную белого свечения. Бледные стволы деревьев сверкали в сумерках.

Зина взяла Капу под руку и шла, зажмурившись.

— Ты что на мне так повисла? — спросила Капа.

— Устала,— пожаловалась Зина,— так устала, что, пожалуй, зубы не буду на ночь чистить, сразу спать лягу.

Потом они долго шли по размозженной трактором проселочной дороге, и окаймлявшие ее столетние корявые дубы сердито рычали на ветру. Встревоженные вороны взлетали со скрюченных ветвей.

Снег падал нехотя, осторожно на грязную, мокрую землю. Марченко похвастал:

— Глядите, как снег сразу тает у меня на лице, словно на печке!

— Верно! — изумилась Зиночка и потрогала его лоб. — Да ты же страшно горячий!

Марченко оглянулся на Капу.

— Пошел простуженный, а теперь еще жар прибавился. Вы, чудаки, зябнете, а мне тепло, даже распахнуться охота.

Зина ухватила его за руки:

— Не смей!

— Ступай сейчас же на медпункт! — приказала Капа.

— Я тебя провожу,— предложил Зайцев.

— А как же лекция?

— Что лекция?

— Так ведь учили быть вежливым: девушек оставлять не положено, надо проводить до помещения.— И Марченко лихо сдвинул кепку на затылок.

2

Огромная дамба возвышалась, как крепостная стена. У подножия ее горел ярким желтым огнем костер.

У костра сидел дежурный моторист, маленький, тощий, с красным носом.

Насосы чавкали вразнобой. Черная плеть полузатопленной газопроводной трубы покоилась на лежках. В откосе дамбы зияло жерло обсадной трубы. Из ее отверстия свисали сосули.

Моторист, обрадовавшись, что одиночество его нарушено, сказал:

— Ты послушай, Витька, мое неудовольствие. Толклись здесь весь день начальники, ходили, как петухи, а придумать ничего не могли. Ушли печально, как Чаплин по дороге, не оглядываясь. Совались в трубу водолазы, но где им просунуться! Ходить среди дремучих водорослей в водяных потемках могут, а здесь — никак. Одна медная манишка почти весь диаметр закрывает. А на кой черт сдались водолазы, когда воды в трубе только наполовину! Сыскали бы лучше малогабаритного человека, пообещали рублей тысячу — может, какой-нибудь отчаянный нашелся — и запустили бы его в трубу! Я сам лазить пробовал, но духотища в ней, еле обратно подался.

— Далеко долез? — спросил Марченко.

— Метров десять, не меньше.— Сняв шапку, моторист показал темя.— Чуть башку не расшиб, но ничего, обошлось: волос у меня крепкий, толстый, у других такой только на усы идет. И мокро, конечно, в трубе. Балуев приказал водолазного спирта выдать. Выпил разведенного собственной слезой, сразу отогрелся.

Марченко скинул пальто и приказал:

— А ну, подержи! — И шагнул к трубе.

Моторист, держа пальто в охапке, радостно объявил:

— Это правильно, ты можешь: ты отчаянный и холостой пока! — Обращаясь к девушкам, спросил:— Верно я говорю, девчата, что он в краткосрочном холостом положении?— Потом сказал озабоченно:— Тут без геройства не обойтись. Радио погоду заявило на понижение. Если до завтра сквозь трубу не пролезть, потом лед из орудия не пробить! Насосы-андижанцы взять всю воду не смогут. Одно слово — дрыгалки, хлоп-хлюп, а ее тут целый потоп.

Зайцев подошел к жерлу обсадной трубы, стал к ней спиной и сказал решительно:

— Василий, ты простуженный, тебе лезть нецелесообразно.

Марченко хотел оттолкнуть Зайцева, но вступился моторист:

— Раз бюллетенишь, не суйся!— И тут же объяснил:— По роже без градусника вижу: тридцать восемь, не меньше. Я здесь за главного оставлен. Не разрешаю, и конец обсуждению! — Набросив пальто на плечи Марченко, приказал:— Надевай в рукава, застегивай на все пуговицы и ступай отсюда! А будешь скандалить, позову разнорабочих, мы тебя коллективно сопроводим к начальнику.— Потом внимательно оглядел Зайцева, сказал:— А ты по габаритам подходишь — тощий; если здоровье и совесть позволяют, я не возражаю.

— Спасибо,— сказал Зайцев и стал раздеваться.

Увидев, сколько у Зайцева на вельветовой курточке «молний», моторист спросил:

— И все у тебя так на «молнии», для скорости? — И осведомился тревожно:— Может, ты только перед девчатами фасонишь? Если из-за этого, то я не разрешу в трубу лезть.

Зайцев действительно думал сейчас об Изольде. Она пережила большие страдания, и в них виновата война. Разговаривая с ней, он все время думал о том, как несправедливо он обидел отца, заставляя его мучиться. При встречах с Изольдой Виктор всегда смущался и поэтому разговаривал с ней, опустив глаза, официальным голосом, чувствуя, однако, что не имеет права изображать перед Изольдой руководителя. Ему приходили на память слова Балуева: «Начальников назначают, а руководителей избирают. Чем ближе мы будем подходить к коммунизму, тем меньше станет начальников и больше руководителей. Руководитель — это человек, который превосходит других не только знаниями, но и душевными качествами».

Правда, Зайцев решил лезть в трубу, потому что здесь была Изольда, но он сказал мотористу строго:

— Я комсорг. Понятно? И беру на себя полную ответственность.

— Ну, тогда полезай,— согласился моторист и попросил:— Обожди, я народ крикну: надо этот факт обставить торжественно, пускай другие воспитываются на твоем примере.

Моторист вернулся с двумя разнорабочими и сказал им внушительно, кивая на Зайцева:

— Вот, комсомол в трубу полезет. Вы там в тепляке грелись, а он за всех нас решился. Давайте поприветствуем товарища.— И стал хлопать в ладоши.

Один разнорабочий снял брезентовые рукавицы, другой аплодировал в рукавицах.

— А теперь,— деловито сказал моторист,— подавай трос.

Разнорабочие приволокли от лебедки жирный, скрученный из тонких стальных нитей трос и дали конец мотористу. Моторист примерил на Викторе петлю и конец из растрепавшихся острых проволочек обмотал снятым с шеи платком.

— Это, чтобы тебе об острые концы не пораниться. — Накинул петлю Зайцеву через плечо, затем, оглядев с ног до головы, сказал: — Галоши не снимай. Резина лучше цепляется. Когда будешь ползти в трубе, удобнее ногами отталкиваться. Ну, давай пять! Как говорится, счастливого пути! — И пожал Виктору руку.

Разнорабочие тоже пожали ему руку.

Марченко сказал хмуро:

— Зря ты, Витька. Я все равно тебя ловчее.

Капитолина, крепко сжимая его пальцы, прошептала:

— Я тебя очень уважаю, Виктор, очень!

Зина воскликнула с отчаянием:

— Ты вылезай скорее! Я буду переживать за тебя!

Изольда тихо спросила:

— А ты там не задохнешься? Может, противогаз надо?

Виктор сказал молодцевато:

— Ну, привет! Встречаемся на другой стороне дамбы!

— Послушайте,— обратилась Изольда к мотористу,— а если он там начнет задыхаться?

— Окончательно помереть не дадим,— сказал моторист.— Вытащим на тросе, как пробку.— И пояснил угрюмо: — Когда я струсил дальше лезть, меня обратно тросом выволокли. Как говорится, опыт уже накоплен.

Зайцев стал на колени перед обледеневшим жерлом обсадной трубы и сунул в затхлый мрак голову.

Ребята выстроились в линию, держа трос в руках, чтобы подтягивать его, когда Виктор будет ползти в трубе.

Моторист дал Зайцеву карманный электрический фонарь.

— Если плохо станет или на ледяной настыль наткнешься, через который нельзя проползти,— мигай, сразу обратно потянем. И если струсишь, тоже мигай, не бойся. Тут не я один—многие совались, и ни у кого не вышло. Значит, ничего особенного нет, если душа замирает. Понимать надо,— произнес строго,— это же не война, мирное дело, самопожертвования тут не требуется. Так что не дури, не упрямствуй.— Спросил: — Спиртного для бодрости и согревания не примешь?

— Нет,— сказал Виктор.

— Ну, тогда валяй! — И моторист отдал Зайцеву свои брезентовые рукавицы.

В это время по дамбе катился длинный товарный железнодорожный состав. Уже наполовину лежа в трубе, Зайцев ощутил глухое колебание почвы, труба заполнилась тугим грохотом колес. От этого она, казалось, стала еще более тесной и угрюмой. «Как в длинную могилу лезу,— подумал, ужасаясь, Зайцев,— в узкую бесконечную могилу». И, чтобы взбодрить себя, продекламировал громко:

— «Труп, который останется после тебя,— это не ты, а навоз»!

— Ты чего? — спросил обеспокоенно моторист.

— Американский поэт Уитмен,— объяснил Зайцев,— его слова.

— Нельзя о покойнике так грубо отзываться,— как бы обиделся моторист. Сказал грустно: — Я на фронте крепким был. А выходит, здесь мой нерв слабее оказался. На фронте, не мигая, в атаку бегал, а тут зажмурился и пошел задним ходом. Ну, валяй, валяй, исправляй положение!

Зайцев с трудом протиснулся сквозь обледеневший вывод трубы. Моторист толкал его сзади. Дальше обледенелость была меньше, и только вода хлюпала под грудью и животом, одежда намокала и тяжелела.

Зайцев полз, отталкиваясь локтями, ногами, и галоши скользили по ледяной коросте, покрывающей стенки трубы.

Труба гудела, в ней роились мрачные бормочущие звуки.

Когда наверху, грохоча стальными жерновами бесчисленных колес, катился железнодорожный состав из металлических вагонов и безмерная тяжесть его давила на грузный хребет дамбы, казалось, обсадная труба вот-вот расплющится.

Повинуясь этому ощущению, ребята невольно бросились к круглой железной норе.

Труба грозно, басово гудела, как бы всосав в себя весь гул мчащегося поезда.

Состав уже бесшумно исчезал в сивом тумане, а труба продолжала взволнованно рычать, словно звук мчащегося поезда, записанный на магнитофоне, воспроизводили сейчас через мощный репродуктор.

Сидя на корточках возле разверстого жерла, ребята ждали, пока из трубы вытекут заполнившие ее звуки.

Марченко крикнул в отверстие:

— Виктор!

Труба ответила долгозвучно:

— Чего тебе?

— Ну, как ты там?

— Тело маленько озябло,— протрубила труба голосом Виктора.

— А сам как?

— Сам ничего, ползу помаленьку.

— Не сильно жмет?

— Тесно, где труба наружу выходит: там промерзла! Под дамбой она еще теплая, только воды много!

Падал липучий снег. Низкое, заваленное толстыми тучами небо тоже давило на дамбу своей тяжестью. Насосы громко хлебали воду. Моторист включил дизели на полные обороты, озабоченно замерил уровень воды хворостиной.

Ребята, выстроившись в ряд, подтягивали трос, медленно сматывая его с железной катушки лебедки.

И когда трос, изгибаясь, вдруг упирался в невидимое препятствие, все тревожно замирали. Моторист шагал к жерлу трубы, залезал туда и кричал. Труба все тише отвечала слабеющим голосом Зайцева.

Вернувшись, моторист объявил:

— Скоро шестнадцатидюймовой глотки не хватит, чтобы с ним разговаривать. Шуршит голос, а смысла уже нет. Далеко пролез, значит... Я же вам приказывал: толкайте! Трос, он же ему с каждым метром все тяжельше становится. Вы его пикой суйте, облегчайте человеку продвижение.

Капа посоветовала Зине:

— Ты бы пошла погрелась у костра, а то лицо у тебя совсем ультрафиолетовое.

Зина деловито сказала:

— Ступай ты, а я греться пойду перед тем, как Витя появится. А то опять посинею, и ему будет противно смотреть на меня.— Произнесла мечтательно: — Я в него сейчас так влюбилась!..

— Ну, подумай, что ты мелешь? Зайцев в таком положении, а ты глупости порешь.

— Я просто очень откровенная,— сказала кротко Зина.— А то, что мои чувства без всякого ответа, это же вполне ясно!

Долговязый разнорабочий, тот, который аплодировал Зайцеву, не снимая рукавиц, вдруг сказал Изольде:

— А ты бы не глядела на меня, как на гада, потому что не я в трубу полез, когда при ней состою. Я лазил, но сердце зашлось. Меня во время войны в блиндаже завалило. Просунул сквозь землю ствол винтовки, вынул затвор, двое суток через винтовку дышал, пока выкопали. В трубе снова, как тогда, все пережил, ну, и не мог.

— Я про вас ничего не думала. Должно быть, у меня глаза какие-то нехорошие. Я просто смотрю, а людям кажется что-то обидное.

— Вы извините,— произнес второй разнорабочий, маленький, курчавый,— но Егоров правильно вас информировал. И я тоже считаю долгом про себя сказать: под Вильнюсом жил восемь месяцев в земле, в катакомбах. Это был сплошной ужас. Я свою дочь и жену там под землей похоронил. И я тоже лазил в трубу, содрогался и лез. Но вы же понимаете, что такое душевная травма! Война — это такая сволочь! Стоит перед вами нормальный человек, а он травмированный. А вы знаете, сколько таких?

— Знаю,— тихо сказала Изольда и отвернулась. Но, не удержавшись, добавила громко:— Я вот от немца родилась во время войны.— Она зачерпнула снег, вытерла им лицо и выговорила еле слышно: — Вот какая я, понятно?

— Ну, это вы, извините! — возмутился курчавый.— Никакая вы не такая. Вы просто хороший советский человек. И совершенно неправильно, когда хотите внушить окружающим, что вы какая-то особенная. При чем здесь вы? Ни при чем. Повторяю: война — сволочь!

— Это ты правильно, Матвей,— поддержал долговязый. — Если каждый из нас будет свое горе от войны помнить всю жизнь, опутаешь душу—не выпрямишься.— Спросил Изольду:— Вы как, сыр плавленый обожаете? Отведайте. У меня его целая коробка. Купил, упаковка понравилась. Попробовал — вроде мыла. Поешьте. Ползти ему долго, зачем же натощак парня ждать?

— Спасибо,— сказала Изольда,— я очень люблю плавленый сыр, очень!

— А глаза у вас сногсшибательные!— сказал курчавый и подмигнул в сторону трубы: — Гарантирую, что этому парню они там, в темноте, как фонари, светят. Вы же, конечно, заметили, как он именно на вас в последнюю секунду оглядывался?

— Вы веселый! — улыбнулась Изольда.

— Именно,— согласился курчавый,—природный юмор. Зачем отказываться, если можно доставить людям удовольствие?

3

Виктор Зайцев все сильнее ощущал тяжесть троса и промокшей одежды. Он полз, задыхаясь в промозглой, едкой духоте, ободрал рукавицы и штаны на коленях о выступы накладных колец, потерял галоши, ботинки тоже ободрались о выступы.

Он разбил о шершавый свод лоб. Кровь, стекая, склеивала глаза. Но все равно здесь ничего нельзя разглядеть в этой тьме. Он чувствовал всего себя замкнутым, стиснутым в стальной бесконечной дудке. От удушья тошнило, кружилась голова. Временами казалось, будто труба начинает вращаться и он вращается вместе с нею. Тело стыло в мокрой одежде, а лицо покрывалось холодным потом. Скрежет троса о стены трубы, зловеще усиленный эхом, казался грохотом обвала.

Был момент, когда Зайцев вдруг начал пятиться и пятился до тех пор, пока свившийся в спираль трос не остановил его. Виктор ужаснулся, поняв, что он хотел сделать... Тогда он лег и лежал, вытянувшись, глушил стук сердца, больно отдававшийся в висках.

Чтобы не было так страшно, он стал думать вслух. Слушая свои слова, грозно усиленные эхом, разговаривал уже с ними, с этими оторванными от себя словами.

— Мне больно дышать! — жаловался один Зайцев.

— Может, тебе вентилятор поставить? — издевался другой.

— Сбросить бы петлю и ползти обратно, ведь нет же больше сил.

— И первое, что увидят,— это твою мокрую задницу!

— Стоит лечь на спину, положить на грудь фонарь, помигать — и тебя вытянут тросом обратно. Выползешь на спине ногами вперед, скажешь честно: «Не смог».

А мама ползла с обеспамятевшим раненым отцом! Потом, когда сама обеспамятела, ее нес отец... Они ползли через болота. Шлепали пули. Болото было покрыто хрупким черным льдом, и они проваливались в этом льду. И все ползли. Отец приказал: «Ползи, ты же скинуть можешь, а я отлежусь, отдохну и поползу за вами». Будто мать уже была не одна. А она сказала: «Что же я потом скажу ему, если ребеночек вырастет? Бросила отца умирать, да? Я не хочу, чтобы он меня презирал». Они, полуживые, спорили, как отнесется к ним их будущий ребенок, став взрослым. И снова ползли, поочередно волоча друг друга.

Про это ему рассказывала мать. Рассказывал и отец, когда матери не стало. «Она родила тебя еще здоровой, а потом ее от простуды скрутило. От боли она полупомешанной делалась. Кололи ее каждый день. А потом и уколы не действовали, так ее сводило всю. Гладил я ее утюгом через шерстяную шаль, сутками синим светом прогревал, а она все мучилась и даже кричать уставала... Ты прости меня, Виктор, я с ней очень замучился, но никогда виду не подавал. Сколько лет вроде домработницы при вас был. На пенсию жили. А я же здоровый человек. И от всего отошел. Можешь ты понять меня?»

Но Виктор не мог простить отцу и даже перестал называть его отцом.

И теперь, замкнутый в трубе, обессиленный, он впервые за два года громко и нежно сказал:

— Папа, папочка! — И совсем по-детски: — Я больше не буду так с тобой, папочка! Я сегодня же у тебя в письме прощения попрошу.

И он стал двигаться по днищу трубы, цепляясь за стены всем телом, волоча за собой тяжелеющий трос.

Когда Виктор лежал, вытянувшись, не зная в смятении, что он делает — отдыхает или уже сдался, — трос недвижимо свисал из жерла трубы.

По эту сторону дамбы остались оба разнорабочих, Пеночкина и Подгорная. Моторист, Марченко и Безуглова перебрались на противоположную сторону.

Снегопад прекратился. Стало сухо в воздухе. Раскрылось чистое, твердое, сияющее небо.

Моторист сказал встревоженно:

— Боюсь, труба на выходе промерзла, и тогда парню не выкарабкаться. Надо выход прочистить.

Взяв скарпель и кувалду с короткой ручкой, он стал карабкаться на откос. Марченко и Изольда молча последовали за ним.

Моторист оказался прав. Выходящая из-под дамбы обсадная труба промерзла.

Сначала лед обивал моторист, потом Марченко, потом Изольда. Они все дальше углублялись в трубу и, обвязавшись веревкой, выволакивали поочередно друг друга, когда рука от усталости уже не поднимала кувалды.

На том конце трос обессиленно свисал из трубы, и из нее не доносилось ни звука, как ни кричала в жерло, доходя до полного исступления, Зина Пеночкина.

Она сбросила на землю пальтишко и, оставшись в одном легком платье, решительно полезла в трубу.

— Я только погляжу, что с Витей, и сейчас же обратно! — крикнула она и скрылась в темном зеве.

Курчавый разнорабочий, стоявший ближе к трубе, кинулся в жерло. Он что-то кричал оттуда, но что, понять было нельзя.

Долговязый рабочий успел схватить Капу Подгорную, заломил ей за спину руки, когда она ногами стала отбиваться. Он только просил:

— Вы по колену не бейте, оно у меня разбитое, срослось кое-как. Не ломайте, а то снова охромею.

— Пустите! — молила Капа.

— Нет, не получится. И так начинка в трубе — дальше некуда. Натворили делов! Столько людей сгубили, а все почему? Это же геройство, как зараза... Вы будьте умная, и я вас отпущу. Бегите к Балуеву, информируйте про чепе. Надо людей спасать. Они же теперь только трубу закупоривают, друг дружку душат. Паренек-то на сквозняке дышал. Бегите!

На объединенном техническом совещании «трассовиков» с «подводниками» было решено протащить трос через обсадную трубу с помощью компрессора: засадить в трубу деревянный пыж соответствующего диаметра, прикрепить к нему конец троса и продуть трубу сжатым воздухом, как это делают, прогоняя через газопроводные плети металлический ерш для очистки их от мусора.

И вот когда решение было найдено, в контору ворвалась Подгорная и сообщила, что в обсадной трубе погибают люди.

За многие годы Павел Гаврилович Балуев выработал защитный рефлекс: в самые критические, грозные минуты он мгновенно обретал невозмутимое, даже, пожалуй, какое-то ленивое, равнодушное спокойствие, зная, что нет ничего опаснее горячей суетливости.

Снисходительно улыбаясь, он попросил Подгорную успокоиться. Одеваясь, расспрашивал, вполголоса отдавал приказания и даже успел похвастать начальнику СМУ-8 Жаркову:

— Видал, какие у меня орлы!

Позвал водолаза и приказал шоферу:

— Саша, включай реактивную скорость: люди гибнут!

В машине Балуев снял ботинки и натянул сапоги, которые у него всегда хранились здесь, завернутые в брезентовый балахон, вместе с сухарями и банкой консервов.

Балуев помнил все несчастные случаи, которые когда-либо происходили с людьми на строительствах.

В прежние годы чаще всего причиной их было равнодушие к технике. Но война научила людей неутомимому вниманию. Солдатское бесстрашие — это, в сущности, мудрое умение ни на секунду не утрачивать вдумчивой, спокойной осмотрительности. Молодежь, которая приходила сейчас на стройку, была воспитана на глубоко уважительном отношении к механизмам. Но что для хозяйственника поистине являлось опасностью — это отважная героика в труде. Предотвратить ее почти невозможно, тут не помогают никакие самые суровые правила техники безопасности. Предусмотреть и предотвратить такой героизм — задача непосильная даже для самых маститых и высокомудрых начальников строительств, прославленных высоким организаторским искусством.

Хозяйственники не любят, когда на их объектах обнаруживаются факты отважного героизма: если потребовался героизм — значит, они что-то просмотрели, недоучли, недодумали.

Но недаром в строительстве существует термин «фронт работ». Это не только топографическое понятие. Оно проникнуто духом борьбы, музыка его звучит мажорным, волнующим боевым маршем. И как ни лукавят некоторые хозяйственники, как ни отрекаются, как ни уверяют, что героизм — это случайность, форс-мажор, чепе, порожденные непредусмотрительностью администрации, дерзость, отвага берут над ними верх. Хозяйственники частенько и сами бросаются очертя голову навстречу опасности.

То же случилось с Балуевым. Он твердо решил лезть в трубу, чтобы вытащить оттуда потерпевших. У него уже был опыт: в Сталинграде он, пробираясь по подземным канализационным коммуникациям, подрывал доты врага.

Обернувшись к водолазу Кочеткову, Балуев сказал:

— Я лезу первым, а ты сзади будешь мне светить фонарем.

Водолаз промолчал, потом сказал загадочно:

— Ладно, там на месте будет видно, кто кому откуда светить будет.

Выскочив на ходу из машины, Балуев бросился к трубе.

На земле лежала бледная, в изодранном в клочья платье Зина Пеночкина. Курчавый, сидя подле нее, оттирал свои разбитые в кровь руки снегом.

Второй разнорабочий сказал угрюмо:

— Я его за ноги волок, а он за ее ноги держался, так и отбуксировал. Спасибо, недалеко пролезли, а то бы не вытащил.

Очнувшись, Пеночкина старалась прикрыть себя руками. Она вся скорчилась, пытаясь натянуть на колени обрывки юбки.

Балуев снял пальто, завернул в него Пеночкину и понес в машину. Когда он нес ее, на землю просыпались розовые бусы.

Кочетков разделся и, оставшись в одном шерстяном водолазном белье, бодро шагал к трубе. Но долговязый разнорабочий остановил его:

— Ты обожди, не суйся без ума. По тросу видать: парень уже много прошел, с той стороны путь к нему короче.

Водолаз молча полез на откос дамбы. Рабочий крикнул насмешливо:

— Ходите там, среди дремучих водорослей, как водяные цари, а в трубу слазить побрезговали. Да ежели бы она канализационная была, раз стройке надо, — забудь, что водяной, лезь, и все. Подожди, я вас на собрании упрекну. Ты мое лицо запомни, я человек твердый. — И тоже полез на дамбу.

Балуев карабкался вслед за ними...

Подгорная с Пеночкиной уехали на медпункт.

Зина говорила возбужденно:

— Все мое оборудование пропало. Бусы порвались, клипсы потеряла. Один клипс всю щеку разодрал... На медпункте сразу потребую лекарство от боли. — Наклоняясь над зеркальцем, недовольно оглядела свое лицо. — Ну и рожа!..

Капа сказала с отчаянием:

— Вдумайся, о чем ты говоришь!

— А что? — испугалась Пеночкина. — Неправильно что-нибудь? Есть очень хочу... Худышки все прожорливые.

На медпункте выяснилось, что, кроме других повреждений, у Зины сломан нос. Она молила в отчаянии:

— Доктор, пожалуйста, он ведь не только

для того, чтобы нюхать! Это же главное украшение лица!

— Слушайте,— попросил доктор, — давайте так: плакать будем тихо, а смеяться громко.

Зина спросила доверчиво:

— Значит, нос у меня по-старому останется?

— Вполне,— заверил медик.

Лежа с забинтованным лицом, Зина мечтательно говорила:

— Знаешь, Капа, я бы всю жизнь могла питаться одной любительской колбасой и ситро.

— Ну о чем, о чем ты говоришь?! — возмутилась Подгорная.

Глаза Зины стали испуганными, она простонала в отчаянии:

— Ну, Капочка, не расстраивайся. Могу же я одна на всех вас быть глупая!

Подгорная обстоятельно расспросила врача о здоровье Зины. Узнав, что той ничто не угрожает, на всякий случай предупредила:

— Товарищ Пеночкина совершила подвиг: она спасла человека в обсадной трубе.

— Скажите! — удивился врач. — А на вид пичужка!

Когда Подгорная уходила, Зина сказала жалобно:

— Я ведь, Капочка, никаких мучений не люблю: ни физических, ни нравственных. А почему-то мне всегда достается. — Спросила испуганно: — Ты не знаешь, меня доктор будет резать? Или, может, у меня сотрясение мозга? Знаешь, как сильно за ноги тащили!

— Спи,— сказала Капа,— спи. Завтра тебя уже домой отпустят.

Пеночкина притянула подругу и попросила тихонько:

— Я бы очень хотела, чтобы Витя меня навестил, чтобы он увидел, как я здесь лежу забинтованная. Он ведь меня всегда чернил, а я его всегда белила.— И тем же шепотом: — Или, может, Вася Марченко навестит? Он тоже хороший.

Капа сокрушенно вздохнула и закрыла за собой фанерную крашеную дверь с плакатом на наружной стороне: жирный желтый младенец с самодовольным лицом важно восседал на белых весах.

Капа подумала: «Если у меня когда-нибудь будет ребеночек, я обязательно куплю вот такие же эмалированные красивые весы и буду взвешивать его каждый день...»

...Съехав на спине с дамбы, Балуев, прихрамывая, побежал к выходной плети обсадной трубы.

Моторист и Марченко, положив на плечи трос, вытягивали его из трубы. Рядом в рифленой железной бочке дымным столбом горел солидол.

Виктор Зайцев в черных, влажных, источающих пар лохмотьях поворачивался к огню то спиной, то боком. Жирная копоть уже успела покрыть его лицо, и только белки сверкали перламутром.

Изольда подошла к Зайцеву и вдруг поцеловала его.

— Я же грязный! Ты испачкаешься! — ошеломленно сказал Зайцев.

Марченко, увидев Балуева, бросил трос и доложил:

— Порядочек, товарищ начальник! Можно плеть в обсадную трубу протягивать, согласно отстающему расписанию «трассовиков».

— А вам кто разрешил?! — закричал вдруг Балуев, испытывая пьянящее ощущение переполнявшего его сейчас счастья. — Безобразие! — Он сам с удивлением слушал свой зычный, начальнический голос. Но, не в силах удержаться, топнул ногой и снова крикнул: — Я спрашиваю, кто разрешил?

Подошел вразвалку моторист. Вытирая ладони о штаны, сказал:

— Привет Павлу Гавриловичу! Меня обсудить надо, я допустил... — и улыбнулся — ...такое безобразие.

Балуев притянул моториста, потряс за плечи, потом обнял Марченко и Зайцева.

— Витенька,— сказал Балуев,— дорогой ты мой человечишка!

Он тискал и прижимал к себе Зайцева, гладил его по голове, сбивчиво шептал нежные слова. Потом отвел от пылающей бочки и вдруг заявил:

— А отцу твоему я сейчас же телеграмму, понятно?

— Я папе сам по телефону позвоню,— сказал Зайцев тоже шепотом.

— Вот это, Виктор, будет по-человечески, даже лучше, чем то, что ты трос протащил.

Подошли тракторы «трассовиков», чтобы протянуть газопроводную плеть сквозь обсадную трубу.

По приказанию начальника строительно-монтажного участка Жаркова по обе стороны дамбы уже были вкопаны столбы с фанерными дощечками и на них торжествующие надписи: «СМУ-8».

Балуев, оглядевшись, произнес печально:

— Подперли нас «трассовики». Вставили нам «фитиль» нашими же руками.

Уже вступил в действие пережиток производственной ревности. Терзаясь ею, Балуев думал сейчас только о том, как опустить с высоких и рыхлых песчаных откосов траншеи дюкер, обходясь своими трубоукладчиками, а не «занимая» их у «трассовиков», которые, конечно, «пойдут навстречу» и даже с удовольствием, но пришлют потом счет с графой «накладные расходы».

Жарков любил рекомендовать себя такими гордыми словами: «В экономических вопросах я тигр. Никого не щажу». Как всякий добрый и мягкий человек, он страшился этих своих качеств и проявлял иногда даже излишнюю скаредность, когда дело касалось государственных средств. Но в данном случае он решил быть щедрым. Подойдя к Балуеву, великодушно предложил:

— Дай список своих ребят. Представлю к денежной премии из своего директорского фонда.

— Сами не нищие,— сказал, недовольно морщась, Балуев. — Ты к чужой славе не подлаживайся, моих орлов я сам награжу. Присутствовать приходи, пожалуйста. Можешь даже в ладоши похлопать... Из толпы, конечно.

Пошли к машине. Впереди шагали Балуев и Зайцев. Безуглова шла чуть позади, стараясь своей тенью касаться Виктора.

Моторист, провожая Марченко, говорил, кивая на Изольду:

— А она девка неудержимая! Не хуже шахтера в трубе лед вырубала. А я думал, маникюр, куда ей!

Марченко молчал. У него болело все тело. Было мутно в глазах, сухо во рту. Он сказал раздраженно, для того, чтобы хоть что-нибудь сказать и отвязаться от моториста:

— Два года стыки на трубах варю, а первый раз как следует внутри облазил.

— Это верно,— вздохнул моторист,— неуютное помещение. А на кой вы столько обручей внутри засаживаете? Пошкарябались об них все до крови.

— Без подкладного кольца стык не сваришь.

— А я думал, для особой прочности,— сказал моторист. — Так это, выходит, только из-за вас, сварщиков, столько металла зря натыкано!

— Из-за нас,— покорно согласился Марченко, думая совсем о другом: почему это Изольда ни разу не оглянулась на него?

Он шагнул к ней, взял бережно за локоть и спросил, заглядывая в лицо:

— А здорово мы все-таки Витьку из трубы извлекли. Ведь это ты до него первая добралась и, как утопленника, за волосы тянула.

Губы у Изольды были строго сжаты. Марченко подумал: «Если она когда-нибудь поцелует человека, то все равно сурово сжатыми губами. Такие же суровые губы у Подгорной. А вот у Пеночкиной они добрые, мягкие». И он вспомнил, как Зина сказала ему однажды: «Я, Вася, никаких мучений не люблю: ни физических, ни нравственных, и на собрании я про себя рассказала не потому, что очень принципиальная, а потому, что не умею одна, сама с собой, мучиться...»

Изольда сказала мотористу:

— Я вашу спецовку дома постираю и принесу.

— Мне после вас ее надевать — одно сплошное удовольствие,— галантно ответил моторист.

Изольда обратилась к Марченко:

— Так ты не забудь Зину навестить. Ты не знаешь, какая она хорошая.

Марченко кивнул головой и ничего не ответил. Ему было очень плохо, и перед глазами все расплывалось...

Юмор

Перевод с французского Т. Балашовой.

Рисунки Э. Рогова

На стадионе.

— Почему все они бегут так быстро?

— Ну, как ты не понимаешь: тот, кто прибежит первым, получит приз.

— Но зачем же бегут остальные?

Один гражданин пришел наниматься на должность ночного сторожа. В конторе его спросили:

— А вы обладаете всеми необходимыми для этой работы качествами?

— О, да! Я просыпаюсь при малейшем шуме.

Мамаша сыну:

— Ты невыносим, мой дорогой! Я скоро поседею, и все из-за тебя: ты совсем меня не слушаешься!

— Так, значит, ты тоже не очень хорошо вела себя, когда была маленькая? Бабушка-то совсем седая...

В обувном магазине покупательница перемерила одну за другой множество пар туфель. Когда же она наконец остановила свой выбор на первой паре, продавец, раздвинув горы коробок, воскликнул:

— Нет, как раз ту, первую, пару я дать вам не могу: второй продавец продал ее час назад...

Во время маневров капитан дал задание юнге определить местонахождение корабля. Тот долго высчитывал, затем уверенным тоном назвал широту и долготу.

— В таком случае,— серьезно сказал командир корабля,— остерегайтесь головокружения. Если ваши подсчеты точны, мы находимся в данный момент на верхней точке Эйфелевой башни.

Мама-собака своему сынку:

— Тише, тише, если будешь мчаться как угорелый, можешь разбить нос о стену...

И добавила, указав на проходившего мимо бульдога:

— Видишь, что с ним случилось?..

СЕМИЛЕТНИЙ ТОТО ДОМА, В ШКОЛЕ И НА ПРОГУЛКЕ

За завтраком.

— Папа, это правда, что большие рыбы питаются сардинами?

— Конечно, правда, сынок.

— Но как же они открывают банки?

В парке незнакомая дама расспрашивала Тото:

— У тебя есть и сестренки и братишки? Сколько же вас всего у мамы?

— Девять.

— Так ты не самый старший?

— Нет, самый старший дедушка...

Учитель: — Объясните мне, что такое прозрачный предмет?

Тото: — Это предмет, сквозь который можно смотреть.

Учитель: — Правильно. Приведи пример.

Тото: — Ну, например, балконная решетка...

Вернулся из школы весь в слезах. Мама спросила его:

— Что ты плачешь, Тото?

— Меня учитель наказал...

— За что?

— За то, что я ответил на его вопрос.

— Значит, неправильно ответил.

— Нет, правильно.

— Странно... А что же он спрашивал?

— Он спросил, не я ли подбросил мышонка ему в стол?

КОГДА ЛЕНИН В СЕРДЦЕ

Дом в Берлине, где жил В. И. Ленин.

Вл. РУДИМ

Два узника

...Берлин. Апрель 1945 года. На площадях и улицах города рвутся мины, рушатся дома, дым заволакивает целые кварталы.

Мы торопимся в Плетцензее — в северо-западный район Берлина, только что освобожденный нашими войсками. Улицы становятся совсем непроезжими, нашему джипу приходится пробираться по дорожкам огромного старого кладбища. Среди могил чернеют сгоревшие фашистские танки, разбитые орудия, минометы. За пустырем мы видим большое здание, в несколько этажей, с решетками на окнах. Это тюрьма. Гитлер заточил в ней более 1 500 антифашистов.

Среди узников тюрьмы Плетцензее были не только коммунисты, активные борцы против гитлеризма, но и беспартийные, профсоюзные деятели и просто те, кто когда-либо неосторожно выразил недовольство фашизмом.

Возле походной армейской кухни, где освобожденные узники получали еду, я познакомился с Теодором Мюллером. Ткнув себя пальцем в грудь, Мюллер сказал по-русски:

— Круженьевихрь. Четыре месяца тюрьма.

Четыре месяца в тюрьме — это понятно. Но что означало «круженьевихрь»? Заметив мое недоумение, Теодор начал приплясывать.

— Танцор?

— Да, да, танцор, круженьевихрь.

Сообща мы добрались до смысла этого слова. Оказывается, по мнению Мюллера, оно должно было означать «виртуоз».

Актера Мюллера фашисты арестовали за то, что он слушал советское радио. Теодор был берлинцем. Мы отвезли его домой — в полуразрушенном доме чудом уцелела его квартира.

Прощаясь, Мюллер подарил мне фотографию. Она изображала дом по Клопштокштрассе, 22, в котором жил Владимир Ильич Ленин. Меня очень взволновал неожиданный подарок: это был не просто снимок, это была частица души немца, человека, для которого в черной ночи фашизма имя Ленина значило так много!..

Несколько позднее, в мае, отмеченном небывалым цветением каштанов на улицах германских городов и сел, мне стала известна и другая история, подобная только что рассказанной. В Саксонии-Ангальте, на одном из рудников, я впервые услышал имя коммуниста Отто Брозовского.

Георг Квач рассказывает молодежи историю маленького бронзового бюста.

Еще в 1928 году Брозовский, тогда председатель рудничного профсоюзного комитета, побывал с делегацией в Советском Союзе, на руднике имени Дзержинского в Криворожском бассейне. Советские рабочие подарили немецким товарищам красное знамя, на котором был вышит портрет великого Ленина. Знамя было поставлено на почетном месте в профсоюзном комитете рудника. С этим знаменем горняки всегда выходили на демонстрацию.

После фашистского переворота гитлеровцы ворвались на рудник, чтобы захватить советское знамя. Однако его на прежнем месте не оказалось: Отто Брозовский успел его спрятать.

Гитлеровцы схватили коммуниста, бросили в тюрьму, пытали, издевались над ним, но так и не узнали, где укрыто знамя с портретом самого дорогого для рабочих человека — Владимира Ильича Ленина.

Долгих двенадцать лет провел Брозовский в тюрьме и был освобожден только после разгрома фашизма. Горняка, измученного пытками, нашли совсем больным. Без посторонней помощи он не смог даже встать с нар. Его отнесли в машину.

— Куда мы едем? — спросил Брозовский.

— В больницу, вам нужна срочная врачебная помощь.

— Везите меня прежде всего на рудник.

Отто Брозовского привезли на рудник, и он показал место в стене, где было запрятано знамя с портретом Ленина.

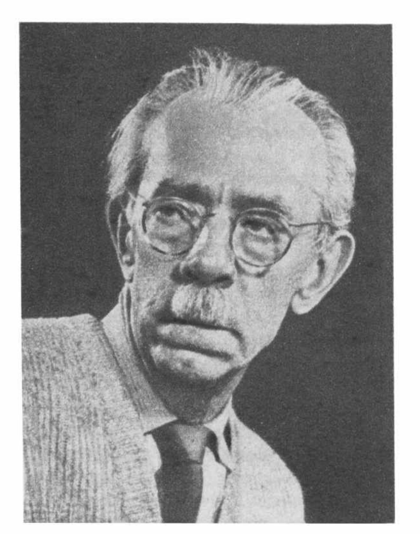
Товарищи приподняли коммуниста на руках, чтоб он видел, как вынимали из стены кирпич за кирпичом.

— Я верил, что этот день придет! — взволнованно воскликнул Отто Брозовский.

Драгоценный подарок

В Дрездене, на заводе «Заксенверк», мое внимание привлек небольшой бронзовый бюст В. И. Ленина на постаменте, обтянутом кумачом и окруженном живыми цветами.

Этот подарок рабочих московского завода «Динамо» делегаты «Заксенверка» с огромными трудностями провезли в 1924 году через границы панской Польши и капиталистической Германии и установили на самом видном месте в комнате заводского комитета.



Художник Отто Нагель, сохранивший гипсовую маску, снятую с лица Владимира Ильича.

Потом произошло то же, что и на руднике в Саксонии: скульптурный портрет Владимира Ильича пришлось спрятать в надежном месте. Фашисты бросили в застенок старого коммуниста, председателя завкома. Он погиб, не выдав тайны. Один за другим были арестованы и замучены еще семь коммунистов. Бронзовый бюст прятали в квартирах, на чердаках, в подвалах; однажды гитлеровцы едва не наткнулись на него. Тогда коммунисты, ушедшие в подполье, поручили Георгу Квачу, одному из членов делегации в Москву, увезти бюст Ленина из города.

Была осень. Георг Квач взял с собой корзинку грибов, запрятал в ней скульптуру Ленина и на автобусе добрался до небольшой деревни возле Эльбы, недалеко от Чехословакии. В тридцати километрах от Дрездена тщательно упакованный подарок советских рабочих был зарыт в землю. Там он пролежал до прихода Советской Армии.

Бюст В. И. Ленина снова появился на заводе «Заксенверк». Это

были торжественные и радостные минуты. Много людей приходило в клуб, чтобы своими глазами убедиться в том, о чем уже шла молва по всему городу. Молодежь «Заксенверка» организовала первую ударную бригаду и назвала ее именем Владимира Ильича.

А когда в Берлине собрался III съезд Социалистической единой партии Германии, коллектив «Заксенверка» решил преподнести съезду эту дорогую реликвию. Из ложи прессы, где находились и мы, советские журналисты, хорошо было видно, как рабочие «Заксенверка», и в их числе Георг Квач, несли в президиум съезда скульптуру Ильича. Делегаты и гости поднялись в едином порыве с мест. Передовые люди новой Германии горячо аплодировали. Долго длилась волнующая овация в честь великого Ленина.

В знак признания больших производственных достижений драгоценная реликвия была снова передана на хранение заводу...

Выдающийся художник Отто Нагель, ныне президент Немецкой академии художеств, рассказал мне о ленинской гипсовой маске. Отто Нагель до войны несколько раз приезжал в Советский Союз, подружился со многими советскими художниками, в частности со скульптором Меркуровым.

В 1932 году С. Д. Меркуров подарил Отто Нагелю копию посмертной гипсовой маски, снятой с лица В. И. Ленина.

Шли месяцы. Был подожжен рейхстаг, начался фашистский разгул. Маску пришлось закопать. Несколько раз эсэсовцы врывались к Нагелю с обысками и, хотя ничего не нашли, все же бросили прогрессивного художника в концлагерь.

Настал светлый день освобождения от гитлеризма. Художник достал из укрытия гипсовую маску. Разве расскажешь словами, сколько чувств вызвала в нем эта реликвия после стольких мрачных лет, после стольких переживаний!.. И в знак своей величайшей признательности Отто Нагель преподнес ленинскую маску советским воинам, освободителям Берлина...

Знамена, переходящие границы

Это произошло в Берлине, во время общегерманского слета молодежи.

В самом центре города, недалеко от станции метро Фридрихштрассе, в театре на улице Шиффбауэрдамм, выступали со своей художественной программой юноши и девушки из Западной Германии. Особенно горячо были встречены десять парней из Рура, десять молодых горняков. Они прорвались через все боннские рогатки на межзональной границе и явились на концерт в последнюю минуту, даже не успев сменить рабочую одежду. Они вышли на сцену в касках, припорошенные угольной пылью, в резиновых наколенниках, рваных ботинках. Вышли и запели сперва одну песню — о своей трудной жизни, потом вторую — о Ленине.

Эти парни из Рура сочинили песню о Ленине.

Фото автора.

После концерта я разыскал парней. Мы вышли на улицу, уселись прямо на мостовой и долго беседовали. Оказывается, обе песни парни сочинили сами — и музыку и текст. А когда я спросил, почему они пели именно о Ленине, бригадир достал из верхнего карманчика маленький значок с портретом Владимира Ильича.

— Этот значок,— сказал парень,— привез из Советской России мой дед. Он ездил к вам еще в 1924 году. После смерти деда значок перешел к отцу. А когда отца фашисты бросили в концлагерь, значок хранил я. Отец так и не вернулся домой. Он умер от пыток. Я никогда не забуду того, что он рассказывал мне о Ленине.

Под конец беседы кто-то из парней сказал:

— Мы слышали, что на общегерманскую встречу привезли знамена с портретами Ленина мюнхенские делегаты. Или гамбургские, точно не знаем.

Действительно, некоторые из западногерманских юношей прибыли на слет со знаменами, тайно пронеся их через межзональную границу. Это были разные знамена: с портретами Ленина, с именем Ленина... Одно такое знамя было привезено в Берлин из района Швейнфурт-Брюккенау членами западногерманского Союза свободной немецкой молодежи. К ним знамя было прислано по почте в анонимном пакете. Потом удалось выяснить, что сделала это группа бывших солдат, живущих в Западной Германии.

Немало можно было бы рассказать и о других знаменах, но ограничусь лишь одной историей. В памятный всему миру 1924 год московские обувщики преподнесли знамя обувщикам Берлина. После захвата власти фашистами знамя было переправлено в Париж. Оно стало словно эстафетой, которую русские рабочие передали немецким, а те — французским. Верные интернациональному долгу, парижские коммунисты не подвели своих собратьев — рабочих Берлина, рабочих Москвы. Впоследствии так его и назвали — Ленинское знамя международной солидарности. И когда знамя снова вернулось в Берлин, Центральное правление профсоюзов постановило: награждать знаменем лучшую профсоюзную организацию.

Паровоз в подарок Ильичу...

«Заслушав доклад т. Муранова... шлем в память 50-ти летия нашего великого международного вождя пролетариата товарища Ленина созданный из совершенного мертвеца бесплатным коммунистическим трудом живой гигант паровоз «Красный коммунар»...

Это строки из резолюции, принятой на митинге челябинских железнодорожников в апреле 1920 года.

Машинисты депо Ф. Алябьев и С. Новожилов повели паровоз в Москву с большим эшелоном хлеба. На промежуточных станциях сотни рабочих и крестьян с восторгом встречали этот необычный, любовно разукрашенный поезд.

В Москве делегация челябинских железнодорожников была принята В. И. Лениным.

Вот что рассказал об этой встрече корреспонденту «Огонька» 75-летний пенсионер Сергей Владимирович Муранов, бывший слесарь депо, инициатор подарка Ленину:

— Дежурный по станции сообщил, что за нами из Кремля прибыла машина. Вначале нас принял управляющий делами Совнаркома Бонч-Бруевич.

Вместе с ним мы пошли к Ленину, который ждал нас во дворе Кремля. Когда мы подошли к Ильичу, то очень волновались: ведь мы и мечтать не могли о такой встрече. Поздоровавшись с нами, поблагодарив за подарок — паровоз и эшелон с хлебом для трудящихся Москвы,— Владимир Ильич спросил: «Долго вы добирались?»

«Четверо суток»,— ответил я.

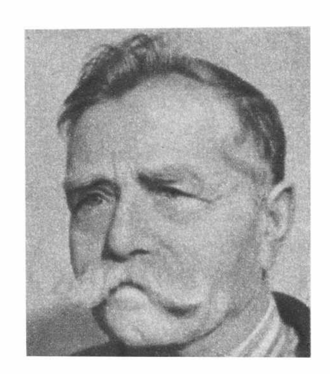
«Всего четверо суток? — удивился Ильич и, обратившись к В. Д. Бонч-Бруевичу, сказал: — Вы слышите, от Урала до Москвы можно провести маршрут за четверо суток. А меня товарищи из Наркомпути убеждают, что на это потребуется десять — одиннадцать дней. Запишите, Владимир Дмитриевич, поставить в Наркомате путей сообщения вопрос о скоростном продвижении маршрутов с хлебом».

Ленин подробно расспросил о том, как нам удалось так быстро доехать, а затем, извинившись, попрощался. Он торопился на встречу с курсантами, которых отправляли на польский фронт.

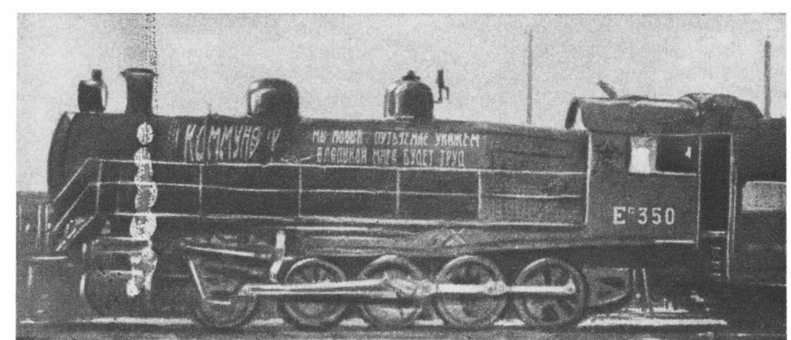
Паровоз «Коммунар» многие годы работал на Московском железнодорожном узле, а затем на Карагандинской и Амурской железных дорогах. Недавно по ходатайству южно-уральских железнодорожников Министерство путей сообщения возвратило исторический паровоз на станцию Челябинск.

К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина реставрированный паровоз «Коммунар Е-350» будет установлен как памятник у Дворца железнодорожников.

А. ГРИГОРЬЕВ



С. В. Муранов.



Паровоз «Коммунар» в апреле 1920 года.

В первой мастерской Гипрогора (слева направо): архитекторы М. В. Щукина, С. С. Райтман, Л. В. Вавакин, техник Л. И. Пчелкина.

Обычно мы вспоминаем архитектора, когда пытаемся вычертить план квартиры, объясняя друзьям, как бы построили ее мы сами, или когда, гуляя по городу, обратим внимание на красивый фасад здания. Комната, квартира, дом — этим ограничивается наше привычное представление о работе архитектора. И право же, нам не приходит в голову вспомнить недобрым словом зодчего, когда, например, мы долго едем на работу, петляя по городу, или поблагодарить его, добравшись вечером за пять минут из дома до кино.

Наши старые города возводились столетиями, и естественно, что в их облике смешение времен, стилей и вкусов.

А каким же должен быть город, который возникает сейчас по единому архитектурному плану и строится за семилетие?

...Надо построить город! Новый Тайшет — потому что рождается крупное металлургическое предприятие; Братск — потому что сооружается ГЭС; Альметьевск — потому что открыты богатейшие месторождения нефти.

В Государственном институте проектирования городов — Гипрогоре — создаются контуры будущего города, здесь же завершают проект каждого квартала, каждого дома, каждой квартиры.

В первой архитектурной мастерской Гипрогора руководитель С. С. Райтман и два молодых архитектора, Л. В. Вавакин и В. С. Высоцкий, закончили генеральный план Тайшета. Пройдет пять лет, и на реке Бирюсе, где стоит сейчас деревянный городок, раздвинув лес, вырастет большой, современный город. В нем сначала будет жить 150 тысяч человек, а пройдут годы — 250 тысяч.

Проектируя город, архитекторы думали и о солнце в квартирах, и о коротких путях до заводов и учреждений, и об удобной встроенной мебели, и о прачечных, расположенных недалеко от домов, и о спортивных площадках в каждом квартале, даже о воздухе...

Содержание города, идея его — вот первое, что заботило зодчих. Есть город-столица, город промышленный, высших школ, научный, курортный, и у каждого свой источник жизни, свой пульс, свой ритм. От того, как поймет архитектор интересы своих будущих «квартирантов», и зависит успех планировки.

Большая группа градостроителей выехала в Сибирь, в Тайшет.

Ходили, измеряли, смотрели, прикидывали. Говорят, что местные условия — важный фактор, от него многое зависит, он накладывает отпечаток на логическое построение города. Но и этот «важный фактор» архитекторы умеют подчинять своим планам.

В районе будущего большого Тайшета протекает речка. Буреломы, лесные пожары теснили, засоряли ее. Художники приехали, говорят: красиво! А градостроителям не понравилось. Они сказали: чтобы пользоваться речкой, приведем ее в порядок. Невдалеке болотистые места — осушим. Мелкие речушки авторы города тоже не проглядели: они помогут им создать пруды в жилых кварталах. А вот лес особенно точно переносится на карту, даже небольшие семейки деревьев — все будет знать архитектор.

Поговорите в любой мастерской Гипрогора, остановитесь у любого плана, и каждый архитектор с увлечением расскажет вам, сколько он создал эскизов, расставляя дома так, чтоб сохранить зеленые точки на карте. Таков новый принцип градостроителей: вместо того, чтобы сначала рубить старый лес, а затем насаждать молоденькие деревья, сохраняется вековая зелень.

Язык архитекторов — чертеж. На этом языке и начали вести разговор три автора проекта Тайшета, вернувшись в мастерскую. У каждого были свои соображения насчет будущего города. На одном чертеже автор ратовал за то, чтобы административный центр расположить близко от реки. Красиво, слов нет. Но тогда он оказывается на краю города. Удобно ли это? На другом проекте центр получился очень живописный, но и здесь таилась беда: район плохо организован, не собран, раздерган на кусочки.

В третьем варианте центральная часть города расположена на равном расстоянии от жилых районов, рассечена прямыми, спокойными улицами. Поспорили и порешили это предложение принять за основу. Ведь в деловой части города расстояния должны быть короткими, подъезды прямыми, ясными, чтобы легко было ориентироваться. Геометричность, строгость планировки придает району деловой характер. Для того, чтоб не было уныло, улицы перемежаются зелеными живописными площадями — торговыми и театральными.

Жилые кварталы, конечно, потребовали совершенно иного решения. Здесь надо сохранить как можно больше зелени, свободно поставить дома: это придает уют району, как любят говорить архитекторы.

Между авторами бывали и такие разговоры. Один говорил другому:

— У тебя хорошо проложены транспортные линии от жилых кварталов до металлургического комбината. Но если горожанин, который живет у реки, поедет к своему товарищу, поселившемуся в районе стадиона, как он будет добираться?

— Верно, ему добраться трудновато. Но, с другой стороны, нельзя же загромождать город транспортными магистралями!

И снова все трое возвращались к плану: «селились» в разных районах и «отправлялись» друг к другу в гости.

И наконец нашли решение. Никому не придется далеко ходить до остановки трамвая, ехать на работу больше 45 минут. Жилые районы разделены полоской леса 300-метровой ширины...

— Планировку жилых кварталов,— рассказывает архитектор С. С. Райтман,— мы решали различно. Но в каждом предусматривали одинаковые условия обслуживания, равные удобства. Нам думается, что при современном строительстве, когда дома типовые, надо как можно шире использовать богатства природы. Планируя город, мы старались не ровнять под гребенку рельеф, а, наоборот, подчеркнуть все его разнообразие. Овраги, возвышенность, берег реки, лес дали нам возможность создать совершенно различные по характеру районы.

А на улицах города встанут 4—5-этажные дома, по типовым проектам, разработанным Гипрогором и получившим аттестат от многих жильцов.

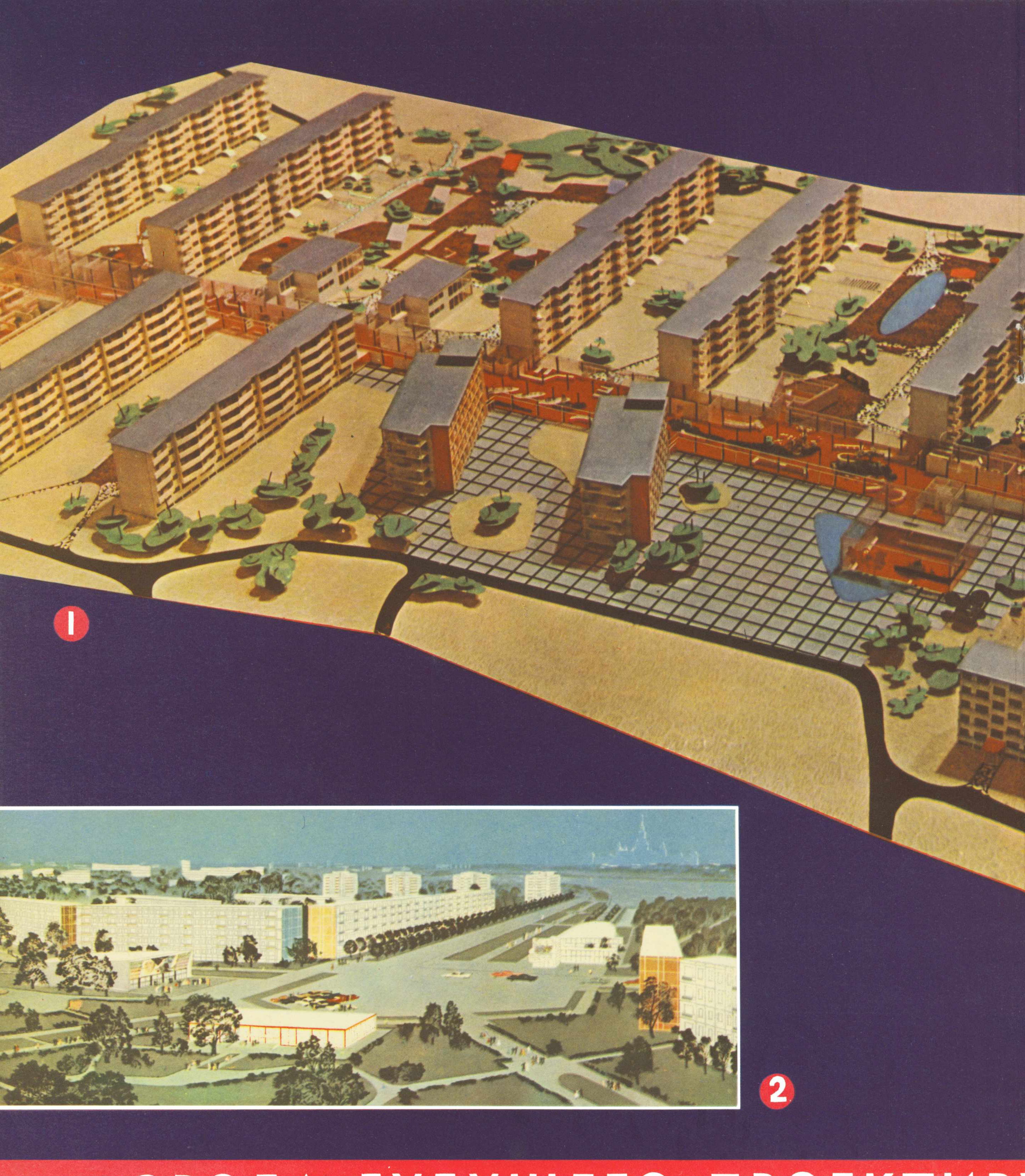
Пусть наша фантазия опередит время всего на три-четыре года. Давайте пройдемся по улицам этого города в сибирских лесах. Ар-

На страницах этой вкладки воспроизводится несколько из представленных на международный конкурс проектов экспериментального жилого района Юго-Запада Москвы. Справа — проект архитекторов Гипрогора.

В таких городах мы

БУДЕМ ЖИТЬ!

Н. СВЕТЛОВА

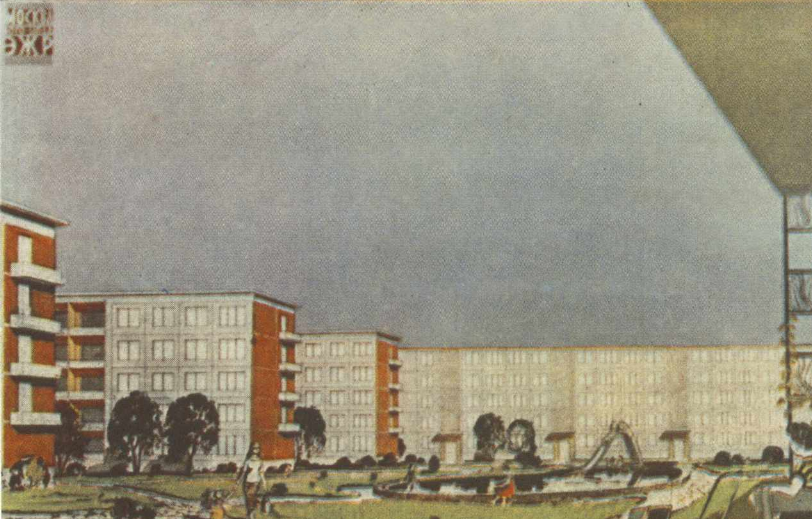


ГОРОДА БУДУЩЕГО ПРОЕКТИРУ
СЕГОДНЯ ★ ПУТЬ СМЕЛЫХ ИСКА
МЕЧТА ЗОДЧИХ СТАНОВИТСЯ

В ТАКИХ ГОРОДАХ МЫ БУДЕМ ЖИТЬ

3. Коллектив Гипрогора решил, что в этой школе хорошо будет ребятам.

3

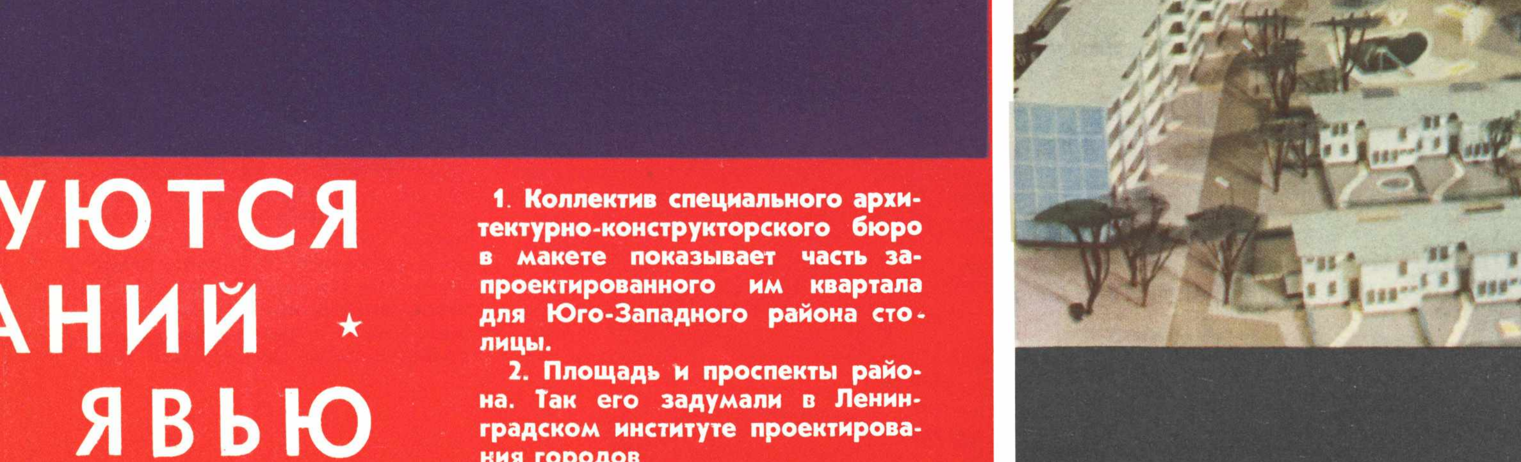


4. Среди предложений архитекторов Украины есть и такая группа жилых домов.

4

5. Образцы зданий для массовой застройки микрорайона; их предлагают зодчие Эстонии.

5



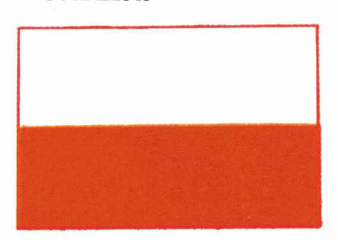
уются
аний ★
явью

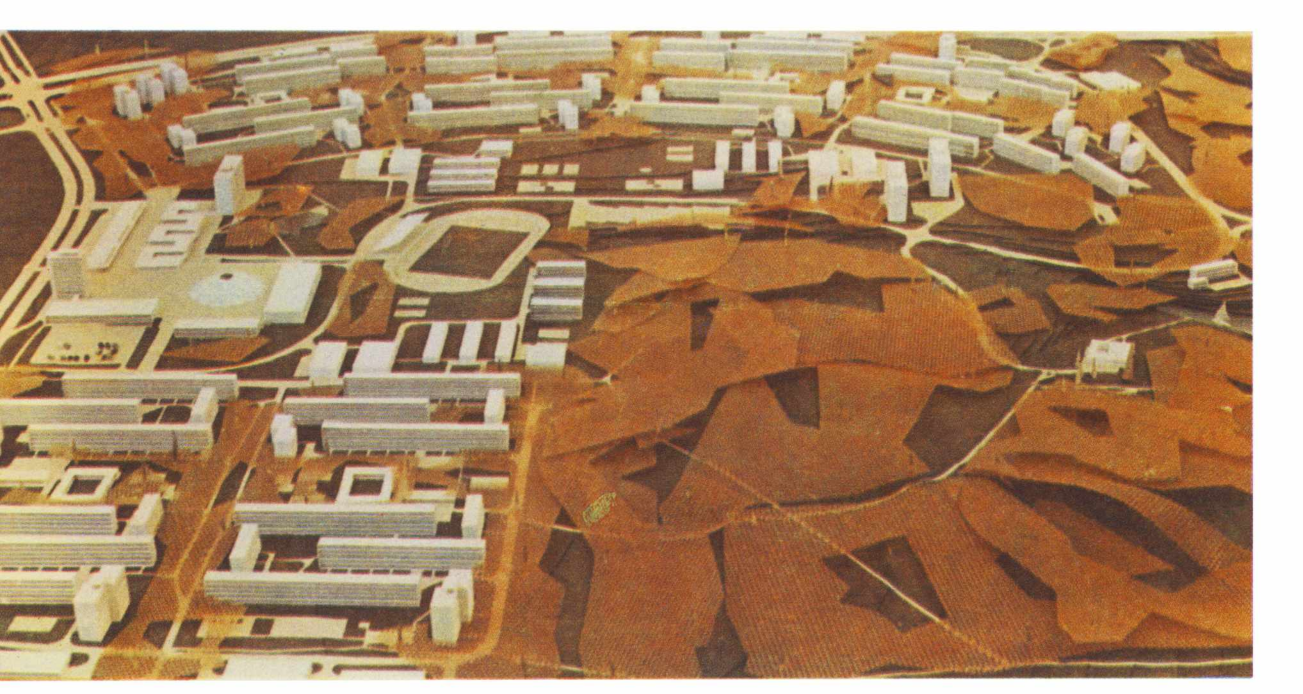
1. Коллектив специального архитектурно-конструкторского бюро в макете показывает часть запроектированного им квартала для Юго-Западного района столицы.

2. Площадь и проспекты района. Так его задумали в Ленинградском институте проектирования городов.

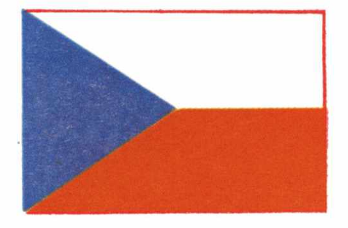
Наши друзья, архитекторы стран социалистического лагеря, прислали на конкурс интересные предложения. Вот некоторые из них.

ПОЛЬША.





ЧЕХОСЛОВАКИЯ.



РУМЫНИЯ.

Фото М. САВИНА, А. УЗЛЯНА, С. ФРИДЛЯНДА.

ВОДОЛАЗЫ

Борис ДУБРОВИН

Их поглощает темнота скупая,
Ни проблеска навстречу не даря...
В подводном царстве, медленно ступая,
Вперед пускают руку фонаря.

Когда-то поднималось в небо круто
Орудие,
Но в студенистой мгле
Замолкло рабски,
Стало троном спрута,
Корявый краб,
Как свастика, в стволе.

Цепей никчемных сомкнутые звенья,
Коряги бесполезных якорей,
В песке,
В ракушках липкого забвенья
Распоротые днища кораблей.

Не кончилось последнее сраженье,
Не изменился заданный маршрут.
Погибшие не знают примиренья —
Они единоборствуют и тут.

Я помню:
Открывались мне
Сквозь пламя
То палуба,
То киль,
То якоря.
Их из былого вырывает память,
Как смутный луч
Морского фонаря.

Их водолазы пристальнее ищут,
Ощупывают пальцами лучей,
Чтоб рыжие ржавеющие днища
Ушли в огонь мартеновских печей.

Они идут по водорослям к скалам,
Подводное молчание храня.
Скафандр —
Как шлем с опущенным забралом,
Рубаха водолазная — броня.

Идут они
Сквозь смерти загражденья —
Сквозь спящий гром
Невыловленных мин.
Несут огни
Посланцы возрожденья —
Трудящиеся рыцари глубин.

НА РАССВЕТЕ

Любомир ДМИТЕРКО

На зорьке в птичьем стане суетня:
Концерт за окнами организуют.
Сто голосов звучат во славу дня,
Звенят, щебечут, ласково воркуют.

Пусть я не спал — пичугам все равно
Что я сидел над новыми стихами
И строки лишь тогда связал в одно,
Когда в оконной засветлело раме!

Что ж, говорю я, ночь преодолев:
Спасибо, птицы, за минуты эти,
За то, что счастья звонкого напев
Мой дом услышал нынче на рассвете;

За то, что много разных голосов
Слилóсь с природой голосом единым,
А чистой песни немудрящий зов
Сулит, сулит отраду впереди нам!

Перевел с украинского
Марк ШЕХТЕР.

ВОЗРОЖДЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Терень МАСЕНКО

Камни. Сосны. Серебром звеня,
С гор потоки мчатся мне навстречу.
Не смолкает в сердце у меня
Плеск и шум лесных карпатских речек.

Надо мною неба синий шелк.
Хорошо мне здесь, в краю зеленом,
Словно я через века пришел
К дедам и отцам своим с поклоном!

Подходи, стучись в любую дверь —
Примут, угостят тебя, как брата.
Сам народ — хозяин тут теперь,
Нищете и горю нет возврата.

Полон днем твоим грядущим я.
Горестей, невзгод былых не зная,
Расцветай, Гуцульщина моя,
Русь моя червонная, родная!

Перевел с украинского
Петр СЫНГАЕВСКИЙ.

хитектура зданий очень проста, она не подавляет вас, не обманывает роскошным фасадом, а приветливо предлагает зайти в дом, где буквально все насыщено удобствами. И то, что все дома светлые, — не случайно: как красиво они сочетаются с вечной зеленью сосен!

А если вспомнить о хороших дорогах и транспорте, который нам пообещали авторы проекта, то ведь действительно можно представить, какой сказочный город вырастет в сибирских лесах.

...Да, транспорт — одна из насущных проблем нового города. И эту проблему решал архитектор Евгений Иванович Кутырев — руководитель третьей мастерской Гипрогора, автор проекта Нижне-Камска. Прежде всего подсчитать, сколько человек должны будут ездить к местам нефтеразработок. Узнать их число помогут штатные расписания будущих предприятий. У каждого рабочего семья. Помножим первое число на три или четыре. Кто-то еще должен и обслуживать город. Прибавим их, и картина станет полной. Для всех жителей во все концы города провели линии транспорта — пока они легли тоненькими полосками туши.

Теперь надо сообразить, сколько же для жителей этого нефтяного центра потребуется хлебозаводов, молочных и мясных комбинатов, аптек, больниц, кинотеатров, бассейнов... А хозяйки будущего города подскажут: не забудьте, чтоб поближе магазины, но не на первом этаже нашего дома: мешают! Магазины, в которые ходишь каждый день,— рядом. Ну, а промтоварные можно и подальше отнести. И еще хорошо, чтоб разные магазины располагались близко друг от друга: в один заход все купишь. Значит, нужно строить торговый центр.

Железнодорожники напомнят: рядом с вокзалом — складские помещения. Будущие водители автобусов, которые первыми повезут новоселов по красивым улицам сверкающего города, уже сейчас просят не забыть об удобных городских автопарках...

Профессия градостроителя — профессия сложная. Если вдуматься, сколько надо иметь навыков, знаний не только в своей специальности, но и во многих смежных областях!

Не так давно бывало, да и сейчас случается, что один архитектор планировал город в общих чертах, а другой подробно разрабатывал план и, как говорится, привязывал его, то есть приспосабливал к конкретным условиям. Теперь практика подсказала иной путь. Появились архитекторы, которые могут создать общий облик города и вместе с тем разработать детальный план отдельных его частей.

Даже в лучших старых городах можно говорить лишь о красивых проспектах, красивых фасадах и красивых внутренних планировках. Но пройдите по переулку вовнутрь квартала, загляните во дворы — где же тут искусство архитектора?

Градостроители — наши современники — думают о каждом доме, о всех его четырех сторонах: нет пышных фасадов с резьбой и колоннами, но нет и неопрятного тыла, нет закоулков и темных дворов.

Создавая город, архитекторы выступают и как живописцы: они думают о его цвете. В мастерской Е. И. Кутырева проектировался Альметьевск. Сейчас это живой, действующий город. Но архитекторы не забывают о своем детище: весной они поедут, чтоб раскрасить его дома, сделать его цветным. Центральная площадь будет светло-кремовая: этот цвет приятен в сочетании с зеленью парка, который свободно расположился здесь. А цвет улиц, стекающихся к площади, яркий — желтый, оранжевый. Новые эмульсионные краски, которые сейчас выпускает Ленинградский химический завод, помогут архитекторам воплотить задуманное...

Простота — вот что выгодно отличает новую архитектуру от той помпезности, ложной величественности зданий, которая не так давно привлекала наших зодчих.

Сейчас Госстрой СССР проводит конкурс на лучший архитектурный проект застройки экспериментального жилого района в юго-западной части Москвы. Свои соображения, продуманные, выверенные, — в чертежах, макетах, планшетах — прислали не только архитектурные организации Советского Союза. Из Китая, КНДР, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Польши, ГДР прибыли на суд жюри проекты. Лучший проект конкурса будет воплощен в жизнь.

Здесь нет повторений. Каждая группа архитекторов шла к решению квартала будущего своеобразным путем. Общее во всех проектах— современность. Современна строительная техника, современны архитектурные формы, объемы, современен жилой комфорт.

Здесь должно быть все подчинено человеку, чтобы ему было удобно, просторно и уютно в доме, на улицах, площадях.

Условия были даны всем одни и те же: площадь — 243 гектара, расселить более 15 тысяч людей, лесной массив постараться сохранить, на реке сделать запруду.

По-разному выглядят предложения. Какое богатство творческого воображения!

...В квартале рядом с 4—5-этажными домами надо строить двухэтажные коттеджи — это для многосемейных и пожилых людей. Им здесь будет спокойно, да и заняться есть чем на приусадебных участках, которые им отводят архитекторы.

...В квартале должны быть два дома для молодоженов и одиноких.

...Удобно все здания соединить застекленной галереей. По ней можно провести детей в школу, детский сад, ясли. По дороге вы можете купить продукты. Трудно даже перечислить, что архитекторы разместили в галерее: и кафетерий, и банкетный зал, и зимний сад, и спортивные залы, и комнаты для хранения велосипедов и детских колясок...

Другое содружество архитекторов нашло прекрасное место для школы — со всех сторон зелень. Как приятно будет выбегать ребятам на большой перемене в этот двор-лес!

...У каждой школы свой стадион.

...В цокольных этажах удобно расположить детский клуб, камеру для хранения домашних вещей, самодеятельные мастерские со столярными и слесарными инструментами.

Участники международного конкурса учли условия настоящего времени и требования будущего. После того как выстроенный квартал пройдет испытания, все талантливое, разумное воплотится в города Советского Союза, которые сегодня строятся для будущего.

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Фото А. Гостева.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПИ

В

ам на рудник «Молибден»? — спросили у нас в обкоме партии Кабардино-Балкарии. — Ну, что ж, поезжайте в город Тырны-Ауз, и там рядом...

Спустя полчаса, уже на шоссе, шофер разговорился и сообщил:

— От Тырны-Ауза до рудника двадцать восемь километров.

Мы переглянулись, но промолчали, решили выяснить все на месте.

А в Тырны-Аузе недоумение возросло. В нескольких шагах от гостиницы из приземистого белого здания круто вверх на отвесную скалу взлетали стальные тросы пассажирской канатной дороги. По ним, слегка покачиваясь, скользил вагон с широкими окнами.

Молодой машинист в ватнике, прищурившись от солнца, следил за вагоном и не собирался скрывать чисто профессиональной гордости за сложное сооружение:

— Шесть минут — и на руднике. Не пыльно и бензином не воняет.

— Значит, мы можем сесть в вагон и сразу очутиться на руднике?

— Пока нет. До рудника двадцать восемь километров...

Признаемся честно: с такой путаницей мы никогда раньше не встречались. Кто же прав: товарищи из обкома или наш шофер? И что означают слова «пока нет»?

Директор комбината «Молибден-Вольфрам» Валериан Нариманович Кобахидзе выслушал нас и лукаво усмехнулся.

— Вам все правду говорили. Никто не обманул. Но горы есть горы, и в горах свои законы измерения расстояний. По прямой, из долины, где расположен Тырны-Ауз, до рудника всего семь километров, но чтобы туда попасть, надо действительно подниматься по серпантину двадцать восемь километров.

— А машинист с канатной дороги сказал...

— Догадываюсь, — перебил Кобахидзе. — Он тоже правильно сказал. Только о канатной дороге лучше потом потолкуем. Надо вам сначала на рудник подняться. Может, невежливо, но для пользы дела предлагаю вам на собственном опыте все испытать.

На прощание Валериан Нариманович снова усмехнулся:

— Необыкновенностей разных у нас много.

Узкую ленту дороги от Тырны-Ауза до рудника нельзя назвать обычным горным серпантином. Она скорее похожа на суживающийся кверху штопор, многочисленными кольцами обвитый вокруг пика Молибден.

Машина взбирается осторожно, не торопясь, внизу, в долине, хорошо виден весь Тырны-Ауз, словно с борта идущего на посадку самолета. На этой дороге нет светофоров и придирчивых представителей ОРУДа: сложная и опасная езда — лучший регулировщик. Разминуться со встречной машиной во время езды невозможно, и поэтому существует нигде не записанное, но всеми шоферами строго соблюдаемое правило: увидишь первым встречную — немедленно остановись и пропусти. Кстати, когда комбинат берет на работу шоферов даже первого класса, они обязательно проходят специальную стажировку, прежде чем им доверят крытый брезентом грузовик, именуемый здесь «пассажиркой». Вот по такой дороге в пургу и в дождь, в солнечный день и в туман движется цепочка «пассажирок», перевозящих туда и обратно за сутки три смены шахтеров.

Машина взбирается все выше и выше, и вдруг за каким-то очередным крутым поворотом внизу вместо ровных геометрических кварталов Тырны-Ауза уже плотное, клубящееся облако. Город исчез внезапно, будто затушеванный белесой клубящейся ватой...

«Необыкновенностей у нас много», — вспомнились слова Кобахидзе. Необыкновенной была и вся история пика Молибден.

Еще в незапамятные времена местные охотники, кабардинцы и балкарцы, пробираясь по козлиным тропам за турами, заметили в складках одной из вершин странный, тусклый блеск. Такой блеск бывает только от металла, и по цвету он больше всего походил на свинец. Отсюда и родилось первое название пика Молибден — Кургашилли-ере, что значит Свинцовая гора.

Даже очень опытные специалисты порой путают блестки вольфрамовых и молибденовых руд со свинцовым блеском. Недаром само слово «молибден» происходит от древнегреческого μόλυβδος — свинец.

В 1938 году в Наркомат тяжелой промышленности была подана специальная докладная записка о необходимости детальных поисков и разведок в районе Тырны-Ауза. А уже в 1940 году рудник вступил в строй, и Кургашилли-ере переименовалась в пик Молибден...

Вот и поселок рудника. Поселок, где нет ни одной улицы, ни одного переулка. Дома прилепились ступеньками друг над другом на каждом мало-мальски пригодном карнизе. Между домами — деревянные лестницы. Их условно можно считать улицами, и самая короткая равна подъему на шестой этаж.

Во время прогулок по вертикальным «проспектам» бросились в глаза многочисленные заплаты на крышах, разрушенное здание с поломанной трубой, а под ногами, словно остывшие осколки, звякали камни с острыми краями.

— Похоже, как после бомбежки. Верно? — спросил начальник рудника Игорь Иванович Лисовский. — Грустно признаваться, но это наши издержки производства. Как ни рассчитывай взрывные работы, взрыв остается взрывом, особенно в горных породах. Называется у нас такая бомбежка «разлет». Завтра все сами увидите, завтра у нас минный день...

На руднике «Молибден» вся добыча руды производится только при помощи взрывов. Рудное тело, запрятанное внутри гранитного пика, если посмотреть на него в плане, напоминает серп. Зная контуры его залегания, к нему подводят специальные галереи — минные выработки, закладывают взрывчатку, и в результате взрыва вниз, в заготовленные воронки — «дучки», сваливается руда, а наверх выбрасывается часть пустой породы. Из «дучек» руду спускают по отвесным шахтам — «рудоспускам», и дальше она продолжает путь по семикилометровой грузовой канатной дороге к своему конечному пункту назначения — обогатительной фабрике.

Пожаловавшись с грустью на искалеченные крыши поселка, Игорь Иванович Лисовский, очевидно, из скромности умолчал, что за последние годы на руднике «Молибден» в опаснейшем и коварном взрывном деле достигнуты выдающиеся успехи, опрокинувшие все известные ранее установки и нормы. Из-за близости поселка, по правилам, узаконенным техникой безопасности, разрешалось взрывать не более 25 тонн руды в один прием. Ограниченный взрыв давал очень мало руды, а разлет все равно получался угрожающим. Перед инженерами рудника встала задача, на первый взгляд, казалось бы, неразрешимая: как увеличить количество взрывчатки, а разлет свести на нет? Не сразу, не легким путем нашли выход. На руднике «Молибден» применили такой способ взрывания, что взрывная волна стала меньше, следовательно, снизился и разлет, несравнимо улучшилось дробление руды. Теперь здесь взрывают от 200 до 500 тонн сразу, и производительность рудника неуклонно прибавляется на 10—12 процентов ежегодно...

Минный день — хлопотливый день. С рассвета мощный динамик методично и упорно напоминает всему поселку:

— Граждане! Взрыв назначен на двенадцать часов дня. Сбор населения к половине одиннадцатого на площадке перед столовой. Ни одного человека в домах!

Динамик сухо щелкает, минут десять молчит, и снова, эхом ударяясь о горы, рокочет металлический голос:

— Граждане! Взрыв назначен на двенадцать часов дня. Сбор населения...

И по «улицам»-лестницам спускаются к столовой семьи шахтеров, живущих в поселке пика Молибден. Несут закутанных в одеяла грудных младенцев, ведут за руку ребятишек постарше, кое-кто тащит авоськи с бутылками молока и кефира. У столовой выстроились в ряд грузовики, крытые брезентом, шоферы помогают недовольно ворчащим мамашам разместиться поудобнее, и все «мирное население» (хочешь не хочешь, а это напоминает эвакуацию) вывозится за несколько километров, в безопасную штольню.

Диспетчерская в минный день — главный командный пункт. Здесь, не отрываясь от телефонной трубки, сидит начальник рудника Игорь Иванович Лисовский и принимает рапорты из глубин пика Молибден.

— Докладывает начальник четвертой шахты. Все люди поднялись на поверхность.

— Хорошо. Поднимайтесь и вы.

— Говорит начальник третьей. Все на поверхности.

— Есть! Поднимайтесь.

В брезентовых спецовках, с еще не погашенными фонариками на шлемах, начальники шахт появляются в диспетчерской, и каждый расписывается в журнале за полное отсутствие людей на своем участке.

Идет напряженная и ответственная работа. И не то удивительно, что проводится она четко и слаженно. Поразительно совсем другое: несколько лет назад трудно было представить себе начальника крупнейшего в стране рудника в возрасте тридцати одного года, а ведь Игорю Ивановичу Лисовскому действительно тридцать один год. Не старше и главный инженер Ярмизин, и, кажется, моложе их обоих парторг всего комбината «Молибден-Вольфрам» депутат Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР Константин Калеметьевич Тлостанов...

Расписался в журнале последний начальник шахты и с последним грузовиком покинул поселок. Теперь в диспетчерской остались только четверо: начальник рудника, главный инженер, диспетчер и начальник второй шахты, где производится взрыв, Александр Федорович Скицан.

Поселок словно вымер. Ни одной живой души на лестнице.

Лисовский отдает приказ:

— Выключить энергосистему!

Медленно гаснут электрические лампочки в коридорах, со вздохом, нехотя останавливается сердце рудника — компрессорный цех.

Опять в руках Лисовского телефонная трубка:

— Зажигай!

Где-то там, глубоко под нами, вспыхнул в эту же секунду бикфордов шнур, и неумолимое, непогасимое пламя побежало к взрывчатке. Мы все из диспетчерской направляемся в главную штольню. Сюда должны подняться и подрывники. В темноте непривычно громко звучат голоса, гулко разносятся шаги. Тревожное напряжение растет с каждой минутой. А разговор между начальником рудника и начальником второй шахты продолжается, словно они в кабинете на небольшом производственном совещании.

— Как у вас, Александр Федо-

К МОЛИБДЕН

ровнч, со сквозным методом? Конфликтов нет?

— Думаю, и не будет,— хрипловатым баском отвечает из темноты Скицан.— Ребята сами разбираются между собой...

Дело в том, что на второй шахте по инициативе бригады коммунистического труда Николая Гавриловича Фролова впервые на руднике вся шахта перешла на сквозной метод работы. Коммунисты и комсомольцы шахты собрались и решили, что если одна смена выполнит норму на все сто процентов, а вторая вытянет лишь восемьдесят, то и первая все равно должна получить расчет только за восемьдесят. Такая в самом лучшем смысле слова «круговая порука» сразу подтянула шахту: рабочее место сменщики сдают друг другу в идеальном порядке, чувство локтя лишний раз напоминает о коллективной солидарности в труде, и производительность неуклонно растет.

— А пианино вы успели дочке купить? — спрашивает неожиданно Лисовский.

— Прозевал,— огорченно вздыхает Скицан.— Но теперь жену заставлю — пусть в магазине дежурство несет...

Вдруг в глубине штольни появляется желтоватое пятно, оно быстро приближается, и к нам подбегают подрывники. У инженера по подрывным работам зажат в руках горящий бикфордов шнур. Шнур называется контрольным. Он точно такой же длины, как и тот, присоединенный к заряду, и подожжен секунда в секунду вместе с ним.

Шипящей огненной змейкой шнур падает на цементный пол штольни. Технорук второй шахты молодой инженер Магомед Фузельевич Шебзухов философски замечает:

— Вроде судьбу в кулаке носим. Остановись на полдороге, подожди, пока догорит, и можешь не сомневаться: тебе крышка.

Огонек, потрескивая и разбрызгивая голубые искры, добирается до конца шнура. От глухого, тяжелого взрыва мягко вздрагивают стены штольни, чуть-чуть потянуло давно забытым с войны кисловатым, особенным запахом артиллерийского обстрела...

После взрыва Лисовский и Ярмизин обошли весь поселок. Разлет оказался незначительным: пробило крышу компрессорной; возле столовой очутился новый камень величиной с футбольный мяч.

— Удачно и чисто,— резюмирует Лисовский.— Но скорее бы вступало в строй генеральное вскрытие...

...Поздно вечером в уютной комнате, где живут начальник рудника и главный инженер, мы наконец поняли таинственные слова машиниста с канатной дороги: «Шесть минут — и на руднике».

Романтичная горная дорога от Тырны-Ауза до рудника с самого начала его эксплуатации была бедствием для комбината. Шахтеры, живущие внизу, тратят по полтора-два часа, чтобы добраться до места работы. Не секрет, что в туман и гололедицу езда по «штопору» далеко не безопасна, вдобавок за один месяц рейсы грузовика-«пассажирки» обходятся государству не больше, не меньше, как в семнадцать тысяч рублей! Кроме того, поселок рудника стоит в зоне обрушения: под ним непрерывно ведутся взрывные работы, пик Молибден сам себя уничтожает, и все дома поселка неумолимо ползут вниз, теряют под фундаментом опору.

Эта сложнейшая проблема пика Молибден добрый десяток лет волновала крупнейших горных специалистов нашей страны. Предлагались различные проекты.

Сущность генерального вскрытия проста, как проста всякая мудрая и правильная мысль. На высоте примерно в 1 200 метров было решено прорезать пик Молибден прямой трехкилометровой бетонированной штольней. От Тырны-Ауза до площадки, где начинается штольня, подвести канатную пассажирскую дорогу, а по штольне пустить электропоезда. Конечная станция электропоездов — у мощного подъемника. на котором шахтеры подымаются еще на 600 метров по вертикальной шахте и потом расходятся по участкам. По расчетам, до самых дальних участков рудника путь займет не более тридцати — сорока минут.

— Теперь все кажется просто!— сказал нам заместитель начальника шахтностроительного управления Андрей Степанович Власенко, человек, отдавший пику Молибден двадцать пять лет своей жизни.— Вот перед вами канатная дорога, вот забетонированная штольня. Месячишко-другой — и побегут по ней поезда, весь горный поселок переберется вниз. А еще пройдет годика три — и новые шахтеры даже и не поверят, что был другой способ добираться на рудник. Прямо скажу: не легко далась штольня. Помню, например, в одно воскресенье вдруг, вопреки всем геологическим данным, вместо гранита наткнулись мы на слабые породы. Хлынула вода. Чистая водичка и то катастрофа при горных работах, а здесь она с камнями вперемешку. Ничего, справились. Больше чем полкилометра с креплением прошли, а потом по креплению бетонировали. У нас и термин появился: «деревобетон»...

Генеральное вскрытие, или главная штольня, вот-вот вступит в строй. При нас уже велось опробование одной из наимощнейших в Союзе подъемных машин. Андрей Степанович Власенко прав: скоро только по рассказам будут известны невеселые «эвакуации» при разлетах и от горного поселка без улиц не останется и следа...

Тырны-Аузский рудник. Пассажирская канатная дорога.

4 апреля — пятнадцатилетие освобождения Венгрии от фашистских захватчиков

Я. ГОЛОВАНОВ Фото И. ГРИЧЕРА.

«Вооруженные Силы великого Советского Союза освободили нашу страну от немецко-фашистского ига, разгромили антинародную государственную власть помещиков и крупных капиталистов, открыли перед нашим трудящимся народом путь демократического развития». Это первые слова Конституции Венгерской Народной Республики.

Пятнадцать лет строит Венгрия рука об руку с другими странами социалистического лагеря новую, счастливую жизнь. Прошли годы борьбы и труда, годы тяжелых испытаний и замечательных побед.

Венгрия сегодня... Пальмовую ветвь мира подняла над головой женщина на горе Геллерт — символ благодарности советским воинам, отдавшим свои жизни за счастье сегодняшней Венгрии. Венгрия сегодня — это грохочущие цеха заводов, кооперативные поля, на которых шепчутся на ветру кукурузные листья. Это чуткая тишина университетских аудиторий, шум многолюдных улиц городов, бетон и кирпич новых жилых кварталов и песочные куличики играющих на бульварах ребятишек. Это полные товаров прилавки магазинов, достаток в доме, счастливые улыбки людей.

В день исторической годовщины сердца советских людей с венгерскими братьями, отстоявшими свое рабоче-крестьянское государство, твердо идущими по пути мира, демократии и социализма.

БРАТСКИЙ П

1. Сталь идет. Внимательно следят за плавкой бригадиры мартеновского цеха Чепельского металлургического комбината. Чепель — сердце венгерской индустрии: здесь станкостроительный, автомобильный, велосипедный, трубопрокатный заводы, кожевенная, бумажная и суконная фабрики. Здесь работают 32 тысячи человек — славная рабочая гвардия Чепеля. Это они пятнадцать лет назад, организовав партизанские отряды, помешали фашистам разрушить и ограбить родные заводы.

2. Венгрия строится... Новые районы, поселки, целые города. Десять лет назад не было на карте кружочка с надписью «Сталинварош», теперь это один из крупных городов страны.

Только в Будапеште ежегодно получают квартиры 8—9 тысяч семей. Вот одна из столичных новостроек — жилой массив Улеи, расположенный в рабочем районе.

3. Сельскохозяйственный производственный кооператив имени 21 марта в селе Адонь. Два года тому назад приезжал сюда Никита Сергеевич Хрущев, знакомился с молодым хозяйством, давал дружеские советы по возделыванию кукурузы — основной культуры здешних мест. С тех пор три небольших кооператива слились в один. Общий доход всех членов кооператива составил в прошлом году без малого 3 миллиона форинтов.

На свиноводческой ферме кооператива, где работает старый крестьянин Янош Тот, в коллективном стаде 300 свиней, они хорошо обеспечены кормами.

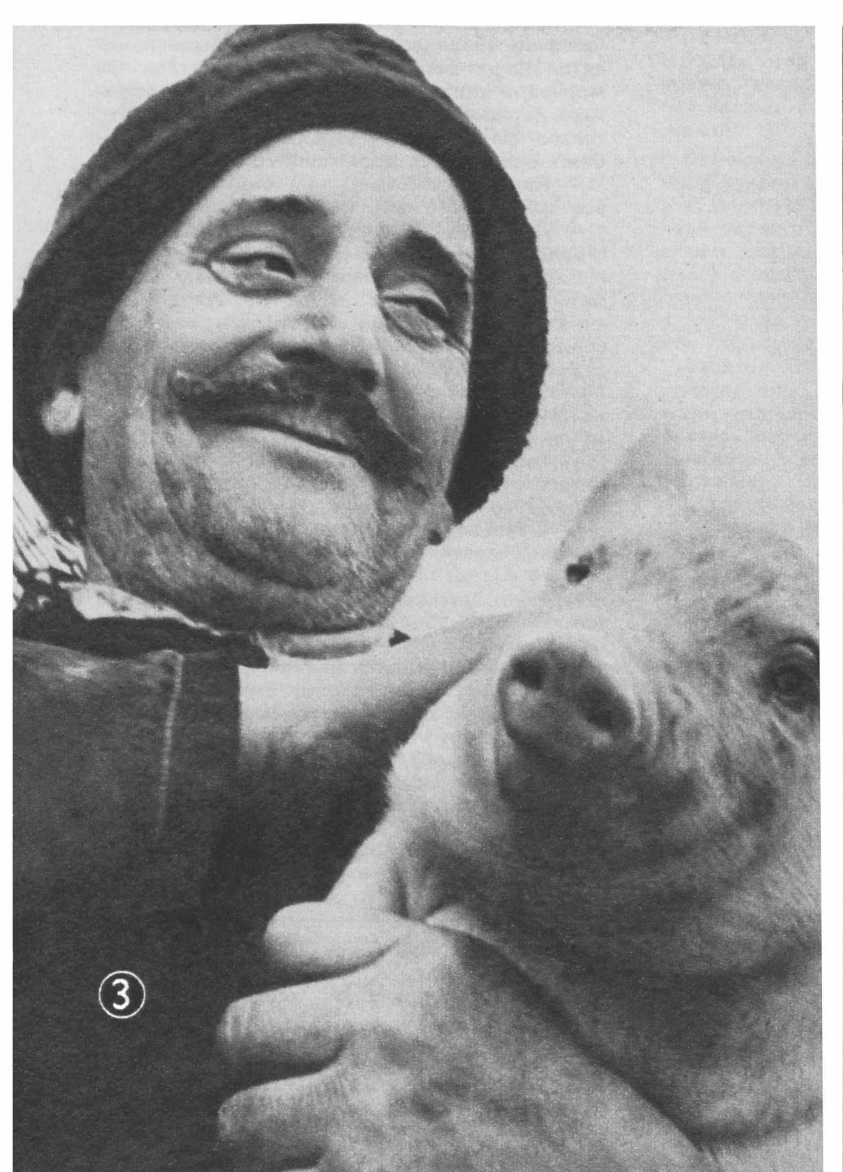
4. Рая Тарасова и Женя Давыдов (в центре), студенты московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, приехали в гости в Венгрию. На оптическом заводе «МОМ», где изготовляют теодолиты, нивелиры и другие геодезические приборы, частью экспортируемые в СССР, нашим студентам найдется, о чем расспросить молодого рабочего Бела Гезе.

Хорошо, что Бела в совершенстве владеет русским языком: он окончил русско-венгерскую школу имени Максима Горького.

1

2

РИВЕТ НАРОДНОЙ ВЕНГРИИ!


3

4

НАСТОЯЩИЙ ДРУГ

Рассказ

Клара БИХАРИ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Жофи Дегрэ любила своего отца и все же сердилась на него. Сердилась еще с той поры, когда была жива мать, слабая, болезненная женщина, целый день суетившаяся на кухне. Жофи сначала не понимала, почему так волновалась ее мать, если отец задерживался где-то; почему, не скрывая тревоги, подолгу стояла она вечером на пороге их одноэтажного кишпештского дома; почему, как только приближались знакомые шаги в вечерней тишине, по бледному, поблекшему лицу матери пробегала мучительная судорога.

В такие вечера отец часами бесцельно слонялся по квартире, разглаживал скатерть, молча переставлял на столе тарелки. Мать робко и в то же время с упреком глядела на него. Вздыхая, она дрожащими руками подавала ужин.

Жофи, усаживая младших ребятишек за стол, чувствовала, как гнетет всех тяжесть молчания. Но, по правде говоря, ей, старшей дочери, некогда было размышлять о семейном разладе. Как и отец, она работала на текстильной фабрике, только в другом цехе. После работы надо было спешить домой, чтобы успеть все прибрать, постирать, погладить, проверить, как справились с уроками ребята, и помочь матери приготовить ужин.

Однажды Жофи узнала, чем вызвана тревога, которую она замечала в глазах матери. Был уже вечер. Жофи уложила в постель Карчи, Пишту и восьмилетнюю Марику, сама забралась под одеяло, но никак не могла уснуть. И вот открылась ведущая во двор дверь, в кухне задвигались, зашевелились. Послышались тяжелые и легкие, шаркающие шаги. Жофи не видела, но знала, что отец положил портфель, снял пальто, подошел к умывальнику, затем к столу, переставил хлебницу и кружку, передвинул вилки и ножи. Мать налила ему супа. Взявшись за спинку стула, она стояла, глядя с тревогой и укором на медленно евшего отца. Она судорожно держалась за деревянную спинку, но старалась не выдать этого. Когда вся картина отчетливо, в мельчайших подробностях возникла перед глазами Жофи, там, на кухне, заговорила мать; ее дрожащий высокий голос проник сквозь узкую щель неплотно прикрытой двери.

— Ты снова был у этой Бунчик... Только от нее ты приходишь так поздно.

Жофи вздрогнула, словно ее ударили. Мать не спрашивала, а утверждала то, в чем окончательно убедилась и что нельзя было изменить. Жофи знала: отец не умеет лгать. Он молчал, и это так выдавало его! Жофи с упрямым детским отчаянием желала лишь одного: только бы мать не продолжала... Но вскоре опять послышался дрожащий голос:

— Напрасно скрывать, ты ведь видишь, я все знаю, мне сказали. Ты был там, правда?

— Да, там,— смущенно пробормотал отец, страдая оттого, что ему ничего не приходит в голову и он не может шуткой или ложью скрыть правду.

— Да не принимай ты это так близко к сердцу! — сказал он спустя некоторое время с раскаянием, стыдом и сожалением.— Это... не так уж важно. Я ведь ни единого филлера не отнимаю у семьи, и чувства мои к тебе не изменились...

— Тогда не делай так больше! — плачущим голосом прервала его мать.— Обещай, что это больше не повторится!

— Обещаю, больше этого не будет,— поспешно ответил отец.

В его голосе прозвучали готовность, участие и какое-то детское облегчение. Но именно эта торопливость убедила Жофи в том, что ему не сдержать своего слова. До сих пор она гордилась тем, что этот большой, красивый седовласый человек — ее отец. Его спокойствие, мягкая доброта как бы возвышали его над всеми. Хотя он в последние недели несколько раз не приходил домой к ужину, Жофи не подозревала его ни в чем. А теперь она внезапно поняла, что такой уступчивый он не только в кругу семьи. Его доброта и мягкость в другом месте становятся слабостью, постыдной беззаветностью и зависимостью.

В эту ночь Жофи не уснула. В соседней комнате плакала мать и невразумительно утешал ее смущенный отец. А здесь, уткнувшись

в подушку, рыдала она сама, так велика была горечь первого большого разочарования. Перед ее глазами неотступно стояла вдова Бунчик, словно какой-то страшный идол. Они не раз встречались в раздевалке на фабрике, там часто произносили ее имя: вдову окликали подруги. И Жофи почему-то боялась ее, боялась той силы, что исходила от нее. У вдовы могучие плечи, руки, грудь, бедра. Тонкая коса закручена на затылке в маленький пучок. Черные, лишенные блеска волосы туго зачесаны назад. Лицо смуглое, словно закопченное. Вокруг большого бескровного рта и под ушами кожа еще темнее. А холодное выражение маленьких, подстерегающих глаз!

Сколько бы раз лицо этой женщины ни возникало перед глазами Жофи, к ее горю примешивался жгучий стыд: ее отца влекла к себе коварная, отвратительная, низменная сила.

На другой день, хотя никто не обмолвился о вчерашнем вечере, их жизнь все же изменилась. Дегрэ после работы возился с малышами и, болтая с ними, часто высказывал то, что хотел сообщить жене или старшей дочери. А дней через десять он снова задержался и вернулся домой только к полуночи.

Задержки стали регулярными. Дегрэ становился все молчаливее. Он словно сам наказывал себя за то, что отходил от семьи. Жофи с гневом и болью отмечала эту перемену. Отец не держал голову прямо, сутулился. Она догадывалась: отец знает, как он слаб, знает, что у него нет сил побороть в себе эту слабость.

Временами Жофи надо было обсудить с отцом общие дела. Они вдвоем содержали всю семью: на их заработок жили и прихварывающая после последних родов мать и трое детей. В такие минуты дочь, слегка отворачиваясь, разглаживала на коленях платье и взгляд ее был прикован к неспокойному движению собственных рук. Отец тоже старался не смотреть на нее; с опущенной головой он спрашивал и отвечал, одобрительно бормоча, если Жофи что-либо предлагала. Они чувствовали: надо еще что-то сказать, что рассеяло бы, разрядило напряженность. Но оба никогда не находили таких слов и торопились поскорее разойтись, словно их ждали неотложные дела.

Три месяца спустя умерла от разрыва сердца мать. Гроб ее не сопровождали ни громкий плач, ни причитания. Дегрэ с опущенной головой, в темном костюме чинно шагал за черной повозкой. Жофи шла позади отца. Остановившимися глазами она смотрела на блестящие стекла катафалка. Ей мерещилось холодное лицо Бунчик, и просвечивающие сквозь стекла цветы, казалось, вились вокруг приглаженных волос вдовы, словно та была одета в подвенечный наряд. Дети сначала точно онемели от непривычной торжественности. Они уставились на странную повозку, на черных, с султанами лошадей, которые механически покачивали головами, точь-в-точь как непрестанно вздыхающие родственники покойной. Затем дети развеселились. Они не ощущали потери. Долгие годы старшая сестра заменяла им мать: мыла, причесывала, спрашивала уроки, хвалила и наказывала.

Неделя, последовавшая за похоронами, была полна напряженной, полной ожидания тишины. Дегрэ приходил по вечерам с фабрики со склоненной набок головой, с опущенными плечами, но Жофи чувствовала, что сутулит его не горе, а сознание вины и он страдает, так как уверен в одном: несмотря на свое решение, он совершит то, за что сам будет презирать себя. И действительно, уже на третьей неделе он задержался и пришел домой около полуночи. Он осторожно переступил порог с таким видом, точно жена и сейчас ждала его. А потом, случалось, Дегрэ и вовсе не являлся домой: шел на работу прямо от вдовы.

Однажды он взял в свою большую ладонь руку дочери (Жофи стояла около плиты, ожидая, когда закипит молоко).

— Жофика, ты видишь, мне тяжело одному. Надо, чтобы кто-нибудь обо мне заботился, — начал он смущенно, голос его прервался.

Жофи отодвинула горячую миску, не заметив даже, что обожгла пальцы.

— Делайте так, как вы находите нужным, отец,— отвернувшись, хрипло ответила она, не в силах сдержать слезы.— Напрасно отговаривать вас жениться...

Дегрэ после долгого молчания сказал:

— И детям лучше будет...

Неуверенный голос выдал его: он тоже знает, что детям не станет лучше, если он приведет в дом мачеху. И Жофи снова почувствовала мучительный, жгучий, нестерпимый стыд оттого, что ее отца привязывает к этой страшной, чужой женщине какое-то низменное влечение. Она не могла говорить. Дегрэ с облегчением вздохнул, будто освободившись от чего-то, и поспешил в свою комнату.

Через две недели они поженились, и вдова Бунчик вместе с заботливо упакованными вещами переселилась к новому мужу. Первые часы она внимательно, детально осматривала квартиру — конкретные результаты тридцатипятилетней работы Дегрэ. Жофи казалось, что, закончив осмотр, мачеха тотчас же вступила во владение домом.

Уступая просьбе отца, она приготовила праздничный ужин. Когда все уселись за стол и на месте матери Жофи увидела другую женщину, руки девушки задрожали, и она едва смогла побороть прорывающиеся рыдания.

Новая хозяйка тотчас же почувствовала в ней врага. Холодным взглядом она долго следила за тем, как Жофи, опустив глаза, без аппетита ковыряет мясо, как на круглом, полном, с гладкой смугловатой кожей лице девушки подрагивают от сдерживаемого плача мышцы.

— Что ты строишь такое постное лицо? — проговорила мачеха хриплым голосом, безжалостно-громко, радуясь тому, что есть причина показать Жофи: «Ты мучаешь своего отца! Меня ты все равно отсюда не выживешь!»

Дети, которые сейчас без всяких уговоров вели себя тише, чем на кладбище, робко потянулись к Жофи.

Дегрэ вздрогнул и быстро, заикаясь, произнес:

— И правда... не надо нарушать мира... К чему это?..

С этого дня отца отделила от семьи невидимая, но все растущая стена. Если он хотел поиграть с детишками, то сначала робко оглядывался по сторонам. Он лишь тогда гладил их по головкам, когда жена выходила во двор. К Жофи отец обращался редко да и говорил кратко, чужим, фальшивым тоном. Он знал, как каждое его слово будет расценено новой женой.

Однако из дому убывала не только любовь, но и деньги. С тех пор, как появилась мачеха, все скуднее становилась еда. Дегрэ отдавал свой заработок не дочери, а жене. Та без всяких объяснений откладывала и свою зарплату и все, что могла урвать из денег мужа, словно упорно и настойчиво готовилась ко второму вдовству. Вскоре Жофи обнаружила, что младшие дети живут только на ее заработок. Но разговаривать с мачехой о деньгах она решалась лишь в том случае, если кому-либо из детей надо было купить платье или обувь. Дрожа всем телом, она отважно требовала денег. В ответ у мачехи вырывалось крикливое клокотание, будто слова уже давно жгли ей горло.

— Нечего их одевать, словно графов! — кричала она.— Ничего с ними не случится, походят в прошлогоднем! Платье можно надставить, да и ботинки еще могут поносить. Нечего капризничать, нигде им не жмет!

Через день после такой стычки отец молча и воровато совал в руку Жофи необходимую сумму. Торопливость, с какой он это делал, быстрое, сильное пожатие руки говорили о многом: он дает отложенные или тайком раздобытые деньги и просит о сохранении тайны.

Какая бы неприкрытая ненависть ни чувствовалась в словах и взгляде новой жены, в каком бы страхе она ни держала трех малышей, Дегрэ всегда стушевывался и униженно уговаривал ее прерывающимся голосом. А когда женщина, пресекая его робкий протест, вставала из-за стола, за которым они ужинали, и хриплым голосом приказывала: «Пошли!», — он безмолвно, опустив голову, следовал за ней так быстро, будто боялся, что у него отнимут недавно протянутую милостыню.

Это «Пошли!», этот короткий уверенный приказ всегда хлестал Жофи, словно кнутом. За ним скрывалась та постыдная сила, которая приковывала отца к жестокой, холодной, расчетливой женщине.

Ночью, если Жофи не спала, она часто слышала безудержные и все-таки заученно-плавные жалобы мачехи, в которых вновь и вновь повторялось ее имя. И слабый, несмелый, умоляющий шепот отца. Потом оба голоса стихали, растаивая во вздохах... Жофи, дрожа от плача, утыкалась головой в подушку.

Спустя некоторое время она познакомилась с новым слесарем цеха Ференцем Галом. До этого у нее не было поклонников, она и не думала о развлечениях. С работы спешила домой, потому что надо было позаботиться о доме, по дороге купить продукты. После смерти матери бежала домой, чтобы дети не оставались одни с мачехой. И все же Жофи замечала, что почти все семнадцати- и восемнадцатилетние девушки, работающие рядом с ней, носят обручальные кольца. Некоторые из них были женами, другие счастливыми, радостными невестами. Она задумывалась о том, что ей уже двадцать один год, и легкое маленькое облачко заволакивало сердце. Но заботы о сестренке и братишках гасили эту втайне пробуждающуюся жажду любви.

Когда двадцатипятилетний широкоплечий парень, которого начальник цеха послал исправить станок, улыбнулся ей, сердце Жофи сжалось. Дрожащими руками она связывала порвавшиеся нити на ткацком станке и каждый раз, взглядывая на сидевшего на корточках парня, видела его улыбку.

«Как он медленно работает!» — думала она, но тут же замечала, что его движения строги и методичны. Большие руки на мгновение застывали в воздухе над разложенными на замасленном полотне инструментами, затем он брал нож или клещи. Если они были уже не нужны, клал их обратно, на то же самое место. Работая, он хмурил лоб, его полные губы странно оттопыривались, но, если он взглядывал на Жофи, лицо его прояснялось, кожа разглаживалась и в улыбке показывались безукоризненно белые зубы. Эта улыбка приводила Жофи в замешательство и в то же время рождала в ней новое, пугающее, но все же сладостное чувство.

— Вы гуляете по вечерам? — спросил Фери, аккуратно вытирая паклей руки.

— У меня нет времени,— прошептала Жофи, а затем, в страхе, что не испытает больше это пугающее, но приятное чувство, которое узнала впервые, робко и смущенно добавила: — Иногда после ужина, если не очень поздно, я прогуливаюсь со своими двумя братишками и сестрой...

— Вот и хорошо! — спокойно улыбаясь, произнес парень.— Я буду у вас пятым.

И дважды в неделю Жофи стала водить малышей на прогулки. Ребятишки, взявшись за руки, послушно шли впереди, а она с Фери следовала за ними. На полчасика они присаживались на окруженную деревьями скамью у площадки для игр, где опьяненные свободой дети гонялись друг за другом.

Они говорили мало, словно само знакомство уже все решило. Жофи с испугом замечала, что она стала чувствительней и уже не могла найти в себе силу, когда нужно было что-то отвоевывать для детей. Любое слово, произнесенное в повышенном тоне, вызывало у нее на глазах слезы. Она становилась снова спокойной и ее силы возвращались лишь тогда, когда рядом с ней был Фери.

Здесь, на площадке, в тени большой липы, они впервые поцеловались. Ветерок раскачивал ветви, и в лунном свете неслышно колыхались их тени. Жофи казалось, что и она в сладком головокружении качается вместе с ними. Она будто вылетела вместе с Фери из полной строгих и тяжелых обязанностей жизни, понеслась к звездам, к их чистому, ослепительному свету, источник которого находился все же не наверху, а где-то в глубине ее груди.

— Я пристроил комнату к маленькому домику, в котором жила моя мать,— неожиданно и тихо сказал Фери однажды вечером.— Я работал три года, никуда не ходил и все деньги тратил только на дом.

— Зачем? — тихо спросила Жофи.

— Зачем? Старая комнатушка скорее похожа на маленькую каморку,— сказал он, безмятежно улыбаясь глазами.— Ведь надо готовиться...

Он не договорил, к чему, но Жофи поняла и так. Здесь у всего была прочная основа.

Когда дом был закончен, Фери стал по частям выплачивать за мебель.

— Ты сколько денег отложила на посуду, на постельное белье? — спросил однажды Фери.

И она в замешательстве, опустив глаза, пробормотала:

— Я... я... все тратила на дом, на детей... Я и не думала собирать...

Фери с жалостью покачал головой, словно понимая, насколько это веские причины, но все же в этом покачивании сквозило легкое неодобрение.

— Разве ты не ждала меня? — спросил он, сжимая ее руку и глядя ей в глаза.— А я ждал тебя, только одну тебя!

Он впервые рассказал ей, почему не женился: ждал, когда придет единственная, настоящая, с которой они без слов поймут друг друга. Жофи знала: он спросил о деньгах не из расчета, не из корысти, а потому, что ему казалось, будто и она с такой же силой и верой, с такой же обстоятельной деловитостью, как и он, должна была готовиться к их встрече.

— Когда мы поженимся? — спросил он после долгого молчания.

Жофи взглянула на луну, выглядывавшую из легких облаков, на звезды, которые, казалось, ликуя, открывали и закрывали свои искрящиеся глаза. Когда она снова посмотрела на землю, ее взгляд упал на беспомощно стоявших ребятишек, дожидавшихся, пока наконец взрослые не опустятся со своих высот.

Луна исчезла за медленно плывущими облаками, звезды закрыли ресницы. Рука Жофи дрогнула в большой теплой ладони парня.

— Когда?.. Потом... когда дети сдадут экзамены,— чуть слышно проговорила она и опустила голову.

Жофи готовила в кухне ужин для себя и детей. Отец переставлял посуду на накрытом столе. Он сдерживал дыхание, словно борясь с внутренним волнением, и вдруг заговорил с ней нерешительным, смущенным голосом:

— Я... я думаю, ты скоро выйдешь замуж...

— Кажется, да,— тихо ответила Жофи. Она стеснялась говорить об этом не только из-за детей. Ей было стыдно за отца, так как она часто слышала за стеной приказывающий голос мачехи: «Спроси ее, чего она хочет. Выйдет она замуж или нет? Скажи, пусть выходит, если он ей сделал предложение. Не могу я видеть ее постную рожу... Она потому и такая тихая, что хочет показать, какая, мол, она хорошая, хочет вывести меня из себя!»

Отец робко, униженно уговаривал мачеху, покорно обещая поговорить с дочерью.

Услышав ответ Жофи, он поспешно закивал головой.

— Ты хорошо сделаешь, дочка, так нужно... такой уж порядок...

В голосе его слышались облегчение и радость, словно у ребенка, которого перестало гнести тяжелое чувство или который понял, что его не будут бить. Жофи почувствовала это и отвернулась, чтобы отец не заметил, как она стыдится его слабости и унижения.

В этот вечер произошло то, чего уже давно не случалось. Они сели ужинать одновременно, вшестером.

— Ну садитесь,— накрыв на стол, хрипло сказала мачеха примирительным и одновременно пренебрежительным тоном.

Жофи не хотелось отказом возбуждать ссору. Да и отец с таким волнением, счастьем и покорной торопливостью усаживал малышей на стулья, что на сердце у нее стало тяжко от жалости к нему, и она не могла вымолвить ни слова. Когда они уселись, мачеха холодным взглядом окинула детей. Маленькие ножки перестали раскачиваться под столом, никто не посмел облокотиться. Неловко, сгорбленно, одеревенело сидели дети на стульях, уверенные в том, что как бы ни поступили они, большая страшная женщина обязательно найдет их в чем-то виновными. Но Карчи все же не выдержал и принялся играть ручкой фарфоровой чашки. Он двигал чашку взад и вперед, потом повесил на указательный палец. Тяжелая рука мачехи стукнула его по затылку.

— Сейчас же поставь чашку! — закричала она в гневе, который всегда был готов вырваться наружу, словно в ней вечно на одном и том же градусе кипела ненависть.— Чашка не для того, чтобы ею играть!

— Не трогайте его! — Жофи прижала мальчика к себе. Из-под темных бровей ее глаза с укором смотрели на женщину.

— Ну-ну,— проговорила мачеха, вызвав подобие улыбки на больших бледных губах, стараясь показать, что она пошутила,— недолго еще терпеть...

Ночью Жофи внезапно проснулась, словно ее толкнули.

Серебристая пелена лунного света колыхалась в комнате. Жофи посмотрела на стоявшие напротив маленькие кроватки. Ей показалось, что оттуда уставились на нее три пары глаз. Глядящие сквозь расплывчатую серебристую пелену, эти глаза испугали ее. Девушка не знала, спит она или нет, хотела заговорить, но тяжелый сон сковал губы. Она сделала усилие, чтобы приподняться, но внезапно исчезли и лунный свет и комната, и сама она провалилась куда-то.

Утром она одела детей, приготовила для них завтрак и побежала на фабрику. Возвращаясь с работы, Жофи с удивлением увидела их всех на улице у дома.

— Почему вы здесь?

— Мы думали, что ты вышла замуж,— жалобно сказала Марика.

Тоненькой рукой она ухватилась за юбку старшей сестры. Оба мальчика ковыляли следом.

С этих пор каждый день они стояли на улице, подозрительно и внимательно наблюдая, куда направится Жофи. Молча они брались за руки и сопровождали ее. Вместе с Фери все отправлялись на площадку для игр. И там дети не раз появлялись перед скамьей, на которой сидела она с женихом. Широко раскрытыми глазами они внимательно смотрели на Фери; его ласки уже не принимались с такой благодарной радостью, как раньше, теперь дети лишь принужденно улыбались.

Однажды вечером на скамье Фери обнял девушку за талию.

— Скоро экзамены,— прошептал он, склонившись над ней, и его синие глаза смеялись.— Как бы ребятишки их ни сдали, мы пойдем и распишемся.

Он наклонился еще ниже, губы их встретились.

Дети стояли на другой стороне площадки, у карусели. Короткие, неподвижные, косые тени делали их фигурки еще более сиротливыми и беспомощными. Они слегка повернулись к скамье... Да, они смотрели молча, пристально. Жофи порывисто освободилась от объятий. Фери взял ее руку, и они продолжали сидеть рядом в молчании...

Через несколько дней, поддавшись на уговоры Фери, она пошла с ним посмотреть их будущий дом. В одной комнатке старенького домика было два маленьких, почти квадратных окна, но в новую, пристроенную к кухне комнату свет лился со двора сквозь большие стекла. Жофи смущенно оглядывалась, дыхание ее стеснилось, словно она прибежала сюда издалека. Они уселись в новой комнате на новой тахте.

— Скоро мы сможем поставить сюда трехстворчатый шкаф,— показал, протянув руку, парень,— а потом, через год, и радио... В углу будет зеркало, чтобы ты могла посмотреть на себя. Подставки для цветов я сделаю сам. Я уж накупил целую гору гнутого железа.

В глазах у Фери заблистали искорки. Он обнял Жофи за плечи и притянул к себе. Она смотрела на эти стены, и ей уже виделись расставленные вдоль них и шкаф, и радио, и зеркало, и подставки для цветов с гнутыми ножками. Всей душой она чувствовала его заботу о семейном гнезде. В то же время она ощутила расстояние, отделяющее ее от прежнего дома. Откуда-то издалека на нее надвинулась страшная, тяжелая темнота, в которой возникли лица сестренки и двух братишек, с немой тревогой и нетерпением ожидавших ее сейчас перед их старым домом.

Она закрыла лицо руками.

— Нет... я не могу... выйти за тебя... Я не могу выйти замуж...

Фери отнял ладони от ее лица и заглянул в полные отчаяния глаза.

— Почему не можешь? — спросил он серьезно, почти строго.

— Я не могу оставить детей... Эта женщина...— Жофи чувствовала, что она действительно не может расстаться с детьми, что она привязана к ним той силой, которая родилась в ней после смерти матери.

Фери, держа ее за руку, тихо сказал:

— Из-за этого мы не можем расстаться. Ты приведешь их с собой. Они поместятся в маленькой комнатке.

Широко раскрыв глаза, Жофи глядела на парня. Еще не веря этому, она с трудом произнесла:

— Ты говоришь... я могу их привести?

Фери кивнул и, подавшись вперед, через раскрытую дверь кухни заглянул в маленькое, выходящее на улицу помещение.

— Я тебе говорю, они там поместятся. А если я приду к твоему отцу и мачехе, не бойся, они отдадут и мебель, и белье, и все, что полагается. Ведь теперь нам нужно всего гораздо больше.

Он прошел в другую комнату. Усевшись на корточки, он подсчитывал, вымерял места для маленьких кроваток. Словно он уже давно готовился к тому, чтобы принять ее и детей.

Сверкающий, почти непереносимый свет разлился вокруг Жофи. Она поднялась и стала на пороге между кухней и маленькой комнатой.

Сидя на корточках, Фери глянул на нее, как тогда в цехе, при первой встрече.

— Ну? — спросил он, шутливо мотнув вверх подбородком и подмигнув веселыми, искрящимися глазами.

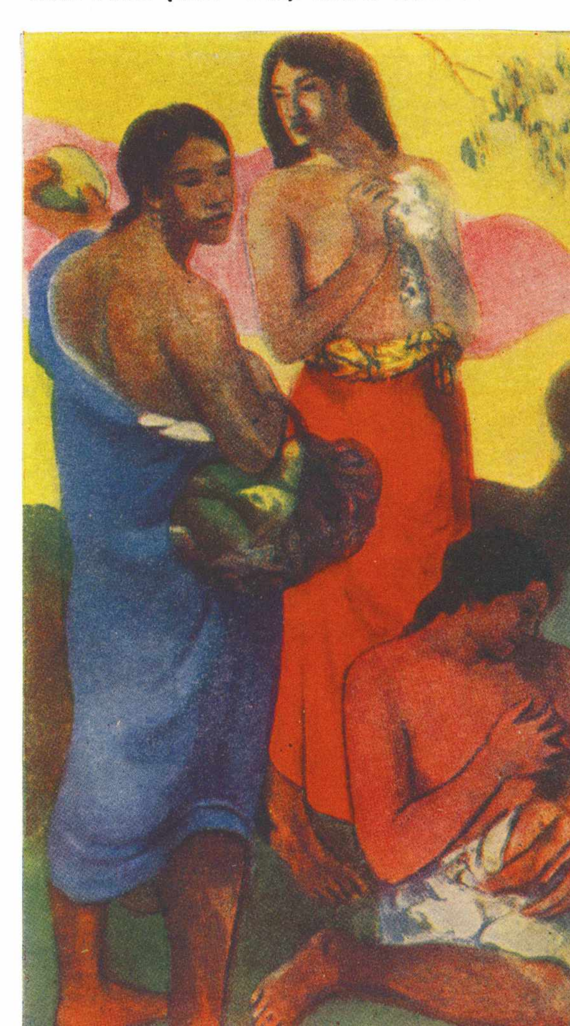
— Да... да... да! — дрожащим голосом прошептала в ответ Жофи. Она почувствовала, как это идущее из глубины души «да» нерасторжимо связало их. В груди она ощутила огромное согревающее спокойствие. Сложив за спиной руки, она распрямилась и, улыбаясь, легко, совсем по-домашнему оперлась о дверь.

Перевела с венгерского
Елена ТУМАРКИНА.

Клод Моне (1840—1926). ПОЛЕ ТЮЛЬПАНОВ.

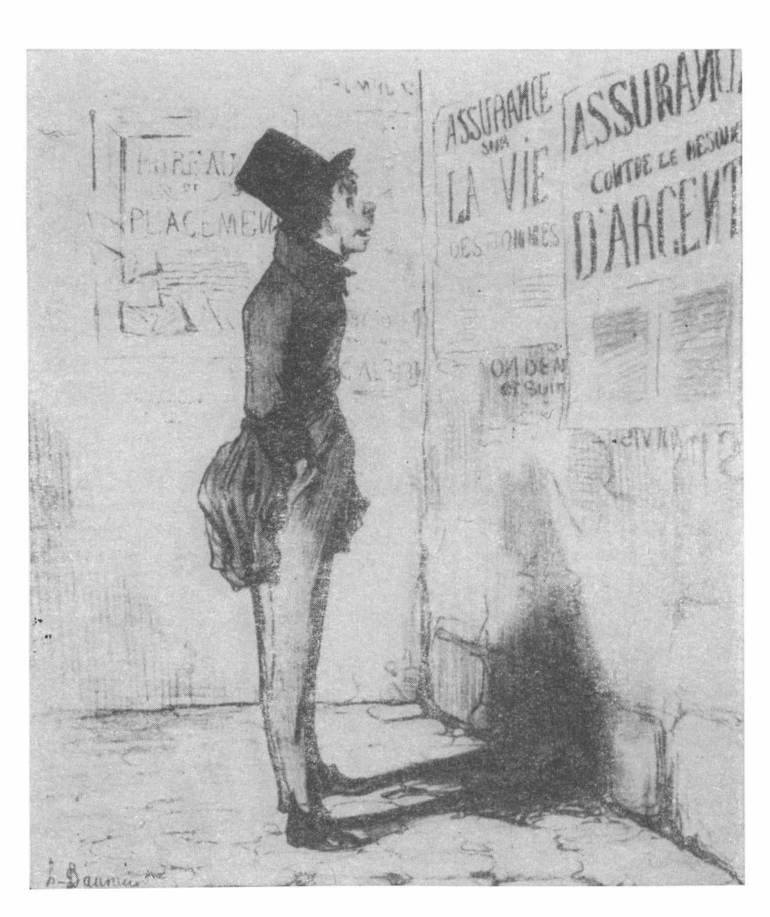
Эдуард Мане (1832—1883). ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

Поль Гоген (1848—1903). МАТЕРИНСТВО.



Пьер Огюст Ренуар (1841—1919). ПАРИЖСКАЯ НОЧНАЯ ЖИЗНЬ.

Теофиль Стейнлен (1859—1923). Литография.



Оноре Домье (1808—1879). Литография.

ЕГО ИМЯ БЫЛО ЗНАМЕНЕМ

От самодельных пушек, установленных на полозьях, грубо откованных пик и сабель веет седой стариной. Но это оружие изготовлено сравнительно недавно. Оно принадлежало партизанам Дальнего Востока.

Тут же, за стеклом, в одном из залов Музея Советской Армии лежат личные вещи легендарного героя гражданской войны Сергея Георгиевича Лазо, подписанные им документы.

Сообщение С. Г. Лазо с Забайкальского фронта от 11 марта 1918 года гласит:

«Противник в панике бежал... Отступая, семеновцы взрывают путь, увозят аппараты, кассы, билеты и частные грузы».

Далее Лазо сообщает о бегстве семеновцев в Маньчжурию. Донесение заканчивается словами: «Лично подтверждаю факт бесчеловечных истязаний, грабежей и расстрелов над мирными пассажирами со стороны семеновцев».

Зверствовали и японские интервенты во Владивостоке, о чем рассказывают фотографии, выставленные в музее.

Но уже никакой террор интервентов не мог спасти белогвардейцев от разгрома. По поручению большевистской организации Сергей Лазо возглавил восстание в Приморье. Во Владивостоке установилась Советская власть.

На снимке — двухэтажный каменный дом на Полтавской улице во Владивостоке. Здесь заседал Владивостокский Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов. С этой трибуны Лазо убежденно говорил о том, что ни один партизан, солдат, матрос не сложит оружия, пока Приморье не воссоединится с Советской Россией.

Сорок лет назад, в начале апреля 1920 года, японцы вероломно нарушили перемирие. За два дня в Приморье они убили и ранили около пяти тысяч человек и захватили в плен Лазо и его соратников Луцкого и Сибирцева.

Один из документов, хранящийся в музее, рассказывает о судьбе отважных революционеров. В японской контрразведке арестованных долго пытали. Потом их завязали в мешки и отвезли на станцию Муравьев-Амурский, где стоял под парами паровоз. Прогнав машиниста и кочегара, палачи ударили Лазо по голове и в бессознательном состоянии бросили в пылающую топку паровоза. Луцкого и Сибирцева пристрелили в мешках, а потом сожгли.

Но и мертвые, большевики продолжали оставаться грозой для врагов. С именем Лазо вели бои и побеждали части Народно-революционной армии, освободившей Приморье. Память о Сергее Лазо живет в сердце народном.

Сергей Георгиевич Лазо.

Моряки-художники на плавучей базе «Рига». Второй помощник капитана Л. К. Салминьш (слева) и инспектор И. В. Дмитриев.

Фото И. Семина.

Вернисажи на корабле

Флагманская плавучая база «Рига» возвращалась в родной порт из Северной Атлантики. Позади — двухмесячный штормовой рейс, впереди — заслуженный отдых, встреча с близкими.

«Рига» — большой океанский пароход водоизмещением в 17 тысяч тонн. На судне отличный кинозал, сцена для самодеятельности, библиотека-читальня, парикмахерская, сапожная мастерская, лавка, почтовое отделение. Моряки и рыбаки промысловых судов, сдающих в открытом море свои уловы на плавбазу, получают здесь медицинскую помощь и разнообразно проводят свой досуг.

Теперь, когда плавание подходило к концу, на борту «Риги» состоялся вернисаж. Более 30 полотен было развешано на стенах салона. В большинстве своем это пейзажи: «Ранняя весна», «Березки», «Осень». Были представлены на выставке и марины: «Ночь у Фаррер», «Исландия», «Фаррерские острова»...

Написанные маслом в реалистической манере, картины радовали моряков хорошим чувством природы, талантливым исполнением.

А в день прихода в Ригу в столовой команды была открыта выставка акварелей.

Побывав на борту корабля, мы решили, что в рейсе были художники-профессионалы, которые к концу плавания выступили перед экипажем с творческими отчетами.

Но оказалось, что участники выставок — профессиональные моряки. Второй помощник капитана Леонид Карлович Салминьш вот уже тридцать лет, как связал свою судьбу с морем. Все свое свободное время он посвящает любимому делу — акварельной живописи.

Автор полотен — рыбный мастер Иван Васильевич Дмитриев. Два года он ходил в Атлантику на тральщике. Бывало, в штормовую погоду, когда промысел прекращался и суденышко боролось с огромными океанскими волнами, Иван Васильевич, по-штормовому закрепив мольберт и палитру, брался за кисть.

А на «Риге» И. В. Дмитриев начал плавать инспектором. Здесь свободного времени у него стало больше, и под мастерскую капитан судна выделил ему специальную каюту.

Обе выставки, открытые в море на борту корабля, по решению базового комитета профсоюза перенесены в Дом культуры рыбаков.

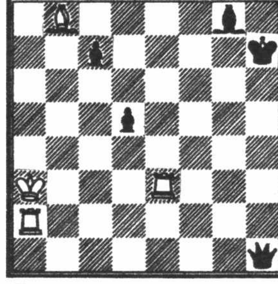
С. БАНК

МАСТЕР ФОТОРЕПОРТАЖА

Тридцать пять лет назад в «Огонек» принес первые свои фотографии Семен Фридлянд. И с тех пор, в течение трех с половиной десятилетий, читатели нашего журнала встречаются с именем этого выдающегося мастера, одного из зачинателей советской фотографии. Если собрать воедино все кадры, запечатленные фотоаппаратом Семена Осиповича, перед нами предстала бы, по существу, «биография» нашей страны в иллюстрациях. Созданные Фридляндом фотопроизведения, отличающиеся большим художественным вкусом, вошли в основной фонд советского фоторепортажа. Многие мастера фотографии получили путевку в журналистику благодаря помощи Семена Фридлянда.

На днях журналистская общественность Москвы отметила 35-летие творческой деятельности С. О. Фридлянда. Товарищи горячо поздравили его с этой датой и пожелали новых успехов на славном поприще фотожурналистики.

Посвящается М. Ботвиннику и М. Талю



Белые делают ничью.

А. С. ГУРВИЧ

Этюд получил второй приз на конкурсе Шахматной секции Чехословакии 1959 года. Вот решение с примечаниями автора:

1. Ле3 — с3! ...

Нельзя сразу 1. С : с7 из-за 1... Фс1 +. Не годится и 1. Ле7+ Kpg6 2. Л : с7 d4.

1... d5—d4!

Сильнейший ход. Что делать белым? Вроде надо сдаваться. Но следует эффектная комбинация:

2. Ла2 — h2 +!! Фh1 + h2
3. Лс3 : с7 + Kph7 — h8
4. Лс7 — h7 +! ...

Втягивая ферзя в злополучный угол.

4... Фh2 : h7
5. Cb8 — e5 + Фh7 — g7
6. Ce5 : d4!! ...

«Соль» всей комбинации.

6... Фg7 : d4

Пожертвовав все свои фигуры, белые спаслись патом!

РАЗРЫВ УВЕЛИЧИЛСЯ

Сало ФЛОР

Наконец в пятой партии у секундантов появилась «ночная работа»: анализировать отложенную позицию. На следующий день задолго до возобновления игры около Центрального шахматного клуба собралась толпа болельщиков. Их волновал вопрос: нашел ли М. Ботвинник со своим секундантом Г. Гольдбергом выигрыш или М. Таль с А. Кобленцом нашли ничью?

Но когда Г. Штальберг вскрыл конверт, выяснилось, что Ботвиннику искать нечего было: чемпион мира записал плохой ход, после которого вскоре была зафиксирована ничья.

Ботвинник всегда отличался тем, что при откладывании партии записывал самый сильный, самый неприятный для партнера ход. Но в данном случае этого не произошло.

Таль сказал, что в домашнем анализе он «при всем желании» не нашел прямого проигрыша, но помучиться пришлось основательно, чтобы найти пути к ничьей. Однако не думали ни Таль, ни Кобленц, что уже через два хода Ботвинник их «отпустит» на прогулку по московским бульварам в веселом настроении.

Четыре ничьи подряд! Не много ли? Почему Ботвинник не доводит до логического конца свои стратегические зажимы? А где же жертвы Таля? Разве «ракета», «вихрь» играет на ничью? Болельщики начали слегка ворчать.

Чем больше ничьих, тем больше вероятности, что вот-вот что-то случится.

Талю было как-то «неудобно», что он до сих пор ничего не жертвовал. В шестой партии Ботвинник на один момент проявил недостаточную бдительность (до этого он все время следил за тем, чтобы рижанин «не выкинул номер!»), и Таль не замедлил воспользоваться этим случаем: «на ровном месте» пожертвовал коня. «Типичный Таль!», «Гениально!», «Разыгрался!», «Теперь закрутит!» — примерно в таком духе комментировался неожиданный для всех эффектный ход Таля. Анализ показал, что комбинация Таля должна была привести к ничьей, но так или иначе это был моральный успех для Таля. Он блеснул, удивил чемпиона мира, удивил всех. Не так уж просто, играя черными, уже на 21-м ходу создать такие тактические угрозы. С нетерпением все ожидали 25-го хода Ботвинника. У него на выбор было два варианта: один вел к ничьей, а другой — к проигрышу. Чемпион мира избрал второй!

В. Смыслов «в знак протеста» покинул Театр имени Пушкина. «Все ясно, позиция белых безнадежна»,— сказал он.

После окончания партии Ботвинник объяснил, что он видел ничейный исход, но решил играть на выигрыш, причем «зевнул» очень сильный 26-й ход Таля. Уж слишком велико было желание чемпиона мира уравнять счет, к тому же хотелось «наказать» Таля за его агрессию и отучить от жертв.

Страсти в зале разгорелись до того, что Г. Штальберг решил перевести игру в отдельное помещение. Это никого не смутило и имело даже «преимущества»: темпераментные зрители могли громко делиться своими впечатлениями.

Ботвинник решил отложить безнадежную позицию. На следующее утро его секунданту предстояла «неприятная беседа» по телефону: Ботвинник сдался без игры.

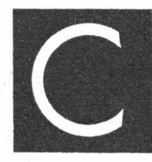
В шестой партии чемпион мира «забил гол в собственные ворота». Счет стал 4 : 2 в пользу Таля. В седьмой партии, снова «не по вине Таля» (неужели эту партию играл Ботвинник!), чемпион мира потерпел третье поражение! Таль ведет 5 : 2.

— Это уже ничего! — говорят в Риге.

У ЭРНЕСТА

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.



С злобным упрямством океан бил в гранит гаванской набережной, будто хотел отодвинуть камни дальше, в глубь острова. Но волны запутывались в причудливой цепи кораллов, и до берега долетала лишь пена, шумная и легкая.

Океан угомонился только через неделю. До отъезда из Гаваны оставалось всего дня три, и я, откровенно говоря, не надеялся, что Хемингуэй вспомнит о своем обещании насчет рыбалки.

Но вот портье отеля сказал мне, что Хемингуэй будет звонить завтра, в 12.30 дня.

Ровно в половине первого на другой день я услышал в трубке знакомый голос.

— Я уж думал, не удастся нам порыбачить, — говорил Хемингуэй. — Такой неожиданный шторм. Но теперь, кажется, все в порядке. Я жду вас в два тридцать. Хорошо? Мой бот стоит в клубе Тарара. Миль двадцать пять от Гаваны... У вас есть на чем добраться?

...Он вылез из автомобиля, в коротких, выше колен штанах, в сером шерстяном свитере на голом теле, в полотняной жокейской кепочке с длинным козырьком. Вместе с ним жена и ее секретарь — молодая девушка.

— Мэри и ее подруга едут сейчас в Гавану, на советскую выставку, — объяснил Хемингуэй, — наверное, они пробудут там часа два. Потом заедут за мной.

— Я могу вас довезти до дома, это по пути, — предлагаю я.

— Тогда совсем хорошо. Мы не будем связаны временем.

Он уже сбрасывает с себя шерстяной свитер и надевает кожаный пояс с кожаной, обитой войлоком «тарелкой» с круглым гнездом посередине. «Тарелка» похожа на резиновый пузырь для льда. Такой же пояс он протягивает мне. Я надеваю его, не очень хорошо представляя себе назначение этой штуковины.

Хемингуэй не хочет терять ни минуты. Видимо, он соскучился по рыбалке: шторм длился много дней.

Бот писателя небольшой, моторный, метров пять — семь длиной, выкрашенный в зеленую и коричневую краски. Наверху мостик со штурвалом. На корме — большое деревянное крутящееся кресло, привинченное к палубе, с упором для ног — это чтобы тащить большую рыбу. С палубы, где хозяйничает механик Хемингуэя, Грегори, — пожилой, сухопарый кубинец,— несколько ступенек ведут в каюту с четырьмя койками. Этому боту почти тридцать лет, но Грегори, который рыбачит с Хемингуэем уже второй десяток, содержит его в образцовом порядке.

С палубы на мостик никакой лестницы нет, и я с удивлением вижу, как шестидесятилетний седоволосый рыбак легко забирается на мостик двухметровой высоты, подтягиваясь на руках. Он становится к штурвалу. Грегори запускает мотор. Бот медленно движется по сонной, неподвижной воде бухты к узкому горлышку — выходу. За ним виден океан, темный и полосатый.

— Вон видите, светлая полоса, а потом сразу темная, почти фиолетовая. Это Гольфстрим, — объясняет Хемингуэй. — Он здесь совсем рядом. И очень силен. Как река.

Он стоит, широко расставив босые ноги. Старые, потрепанные сандалии лежат внизу на палубе вместе со свитером и охапкой курток, которые он привез с собой в машине.

— Вот, Генри.— Он передает мне флакон с коричневой жидкостью. — Натрите лицо, скулы и лоб особенно, плечи и руки. А то сгорите на солнце.

Потом натирается сам.

Грегори тем временем наживил и забросил несколько лесок. По одной с каждого из двух шестов, что поднимаются от обоих бортов, и две со спиннингов, укрепленных на корме.

Хемингуэй отводит бот подальше от берега и начинает описывать круги, двигаясь вдоль побережья к востоку от Тарара. Вдруг снизу раздается спокойный голос Грегори:

— Папа, рыба...

— Рыба! — воскликнул Хемингуэй таким тоном, будто подал команду «Все наверх».

Он бросил штурвал, будто по баранке прошел электрический разряд, и ринулся к корме. Быстро схватил переданный Грегори спиннинг и вставил рукоятку в гнездо на кожаной «тарелке». В глазах его зажегся веселый огонек азарта, но лицо серьезно и сосредоточенно.

Бот останавливается. Хемингуэй принимается осторожно вытягивать добычу. Рыба, видимо, далеко от бота, и Хемингуэй тянет лесу очень осторожно, чтобы добыча не ушла. Два подтягивания всем удилищем, потом несколько неторопливых оборотов катушки, снова два плавных подтягивания всем корпусом, и снова катушка.

— Очень крепкая леска... — говорит Хемингуэй, не спуская глаз с того места за кормой, где по его расчетам должна находиться рыба. — Может выдержать до полутонны... Нейлон гораздо хуже... Не такой прочный, и неодинаковый диаметр. А это очень хорошая леска, крепкая.

Он делает последнее усилие, и над водой появляется большая, фунтов на десять рыба. Она извивается, пытаясь освободиться от крючка, но ее моментально ловит Грегори и бросает в ящик на корме.

Лицо Хемингуэя меняется и теперь светится детским восторгом. Он нагибается ниже, чтобы рассмотреть рыбу, смеется, забыв обо всем, что-то восклицает по-испански и, наконец, посылает рыбе звонкий, вкусный воздушный поцелуй...

— Генри! — возбужденно говорит он. — Это — начало! Вторая рыба будет ваша. Вы теперь поняли, для чего этот пояс и как тянуть? Приготовьтесь, вторая ваша!

— Тогда второй не будет, — говорю я. — В жизни своей не поймал ни единой рыбешки. Нет мне рыбацкого счастья.

— Ничего! — смеется Хемингуэй. — Ведь вы никогда не ловили в Гольфстриме.

Снова урчит мотор, неразговорчивый Грегори наживляет крючок. Ему рыба тоже нравится, он тоже увлечен ловлей, но только механик гораздо сдержаннее.

Рыбалка продолжается.

— Вы здесь знаете, наверное, каждую рыбу по имени? — спрашиваю я.

— Да, я рыбачу в этих местах с тысяча девятьсот двадцать четвертого года. А поселился здесь в тридцать девятом. Купил дом после того, как вернулся из Испании.

ХЕМИНГУЭЯ

Мэри Хемингуэй рассказывает, как она убила этого льва.

— Я слышал, вы собираетесь писать сценарий фильма о кубинской революции. И Гарри Купер должен играть главную роль?

— Я об этом не слышал,— смеется Хемингуэй.— Это неправда. Никогда не верьте ничему, что пишут обо мне в газетах, пока я сам вам не скажу об этом.

— Не так часто у меня есть возможность разговаривать с вами, к сожалению.

— Вот хотя бы тот случай с приглашением в Москву,— продолжает Хемингуэй,— помните? Я был в Испании. Однажды во время боя быков, когда я был увлечен зрелищем, ко мне подошел какой-то корреспондент. Он спросил: «Вы поедете в Москву, мистер Хемингуэй?» Я думал, это просто шутка. Я ничего не слышал о разговорах насчет моего приглашения и в шутку же ответил: «Поеду, если там устроят корриду». И тут же забыл о разговоре. Вовсе не думал, что этот ответ будет опубликован. А через несколько дней разворачиваю газеты. Нá тебе, корреспондент изложил мою шутку всерьез! Я решил, что надо написать письмо в вашу «Литературную газету» и объяснить этот эпизод.

— Но вы все-таки собираетесь приехать в Союз?

— Я всегда собирался. Только как-то не получалось. Работа не пускала. Я приеду при первой же возможности.

— В этом году?

— Нет, в этом году вряд ли. Знаете, когда человеку за шестьдесят, а планов невыполненных еще много, он должен считать каждый день. Этот год у меня уже весь распланирован. Вот, может быть, в будущем году.

— Какие у вас сейчас планы?

— Я работаю над романом об испанских корридах. Так... мысли, связанные с ними. Помоему, получается неплохая книга. К концу марта должен ее кончить. И, кроме того, у меня лежит роман о Париже двадцатых годов. Я там жил тогда. О молодом писателе, который только-только начинает жизнь и творчество. Мне еще нужно «пройтись» по нему. Возможно, осенью будет напечатан.

— Роман о корридах — это результат поездки в Испанию прошлым летом?

— Да. Я описываю там событие, которое произошло с одним тореро — моим большим другом Антонио.

— Я читал в американских газетах, что о случае, который вы описываете в «Старике и море», вы узнали из газет. И там был даже портрет старика, который служил вам прототипом.

Хемингуэй энергично замотал головой.

— Никогда ни в одной из своих работ я не шел от газетного сообщения. Случай тот произошел очень давно. Совсем недалеко отсюда, вон в той рыбачьей деревушке Кохимар. Там сейчас находится дом Фиделя Кастро.

Писатель показал на запад, в сторону Гаваны.

— Эта книжка писалась легко и быстро. Я не помню, сколько дней, но что-то очень быстро. Утром я становился к своей конторке и с интересом ждал, как же дальше будет поступать мой Старик. О чем он будет думать? Это единственная моя книга, которая писалась легко.

Хемингуэй помолчал. Из-под носа бота выскочила стайка летучих рыб, пролетела несколько метров и снова ушла под воду. Писатель проводил крылатых рыбок взглядом.

— Но обдумывал я ее тринадцать лет...— продолжал он.— Сразу, как произошел тот случай в Кохимаре, я решил написать рассказ. Потом понял, что не в силах сделать этого. Не из-за того, что я не знаю тонкостей рыбной ловли — рыбак я уже и тогда был опытный. Требовались другие знания. Я принялся изучать деревню... Когда через тринадцать лет я сел писать книгу, то знал об этих людях все: чем они живут, что любят, что ненавидят, к чему относятся равнодушно. Я знал каждую семью там и биографию каждого члена семьи. Я мог бы писать книгу на тысячу страниц об этих людях. Но я взял только кусочек из их жизни. Кусочек, в который вложена вся их душа. Потому что и в малом можно показать значительное и важное...

— А кто служил прототипом?

— Вовсе не тот человек, чей портрет печатали в газетах. Его я тоже знаю. Он и рыбак-то никудышный. Как я мог писать о нем, если он не умеет ловить рыбу! Просто чтобы получить свои пять долларов от репортера, он сказал, что это он Старик... Действительным прототипом был мой механик, который служил у меня до Грегори и с которым я рыбачил почти двадцать лет. Он уже умер... А сама история случилась с другим рыбаком из Кохимара.

И снова помолчав, писатель сказал:

— Правда художественного произведения должна быть сильнее правды жизни. Потому что художник соединяет все «правды», которые он встречает в жизни, свои знания и наблюдения и создает свою правду. И она обязательно должна быть правдивее, истиннее, чем правда жизни. Только тогда писатель может воздействовать на людей. Вот почему мне нужно было изучить все вокруг моих старика и мальчика.

Это как у вашего Станиславского: актер, который произносит на сцене всего два слова, должен знать о своем герое все. Такая работа, как айсберг. На видимую часть его — семь частей скрыты под водой. Это его основание, и оно придает силу и мощь той верхушке, что видят люди. Чем больше вы знаете, чем больше — «под водой», тем мощнее ваш айсберг...

...Второй рыбы все не было. Грегори сидел внизу и скучающе смотрел на воду.

«Папа» водил бот кругами, и мы равномерно поджаривали под солнцем то наши спины, то животы, то бока.

Океан был пустынен. Лишь один раз повстречался небольшой моторный ботик. Тоже рыбачий. Оттуда что-то крикнули по-испански. Хемингуэй грустно покачал головой и поднял вверх указательный палец. Потом показал ребром ладони чуть выше локтя. Продолжая разговаривать на рыбачьей азбуке, он выдвинул ладонь перед собой, делая одновременно движение, будто ударял об пол резиновым мячиком. Затем обвел рукой вокруг себя и в заключение с тем же грустным видом развел обеими руками.

В переводе с языка рыбаков Карибского моря это означало приблизительно следующее: «Дела идут еле-еле. Поймали всего одну рыбину, тунца, да и то величиной чуть больше локтя. Видели летающих рыб в этом районе. Это, конечно, хорошо, но все равно не клюет. Ума не приложу, в чем дело».

С бота ответили приблизительно теми же грустными жестами. Но там было поднято вверх два пальца.

Это несколько обеспокоило Хемингуэя, и он начал внимательно всматриваться в полосатую воду океана.

— Птиц мало...— огорченно сказал он.

Несколько минут мы молчали, потом Хемингуэй увидел птицу.

— Работает, смотрите, работает! — многозначительно сказал он и сразу же повернул нос бота в сторону, где охотилась птица. Она низко неслась над волнами, потом беспорядочно захлопала крыльями и наполовину ушла под воду. Хемингуэй вытянул шею, с любопытством следя за морским хищником.

— Сорвалось у бедняги,— произнес он, когда птица поднялась над волной без добычи в клюве.

Мы подошли к месту, над которым кружила птица, и снова бот пошел по спирали.

Порывом ветра из моего блокнота вырвало закладку и унесло за борт. Хемингуэй немедленно остановил мотор.

— Что-нибудь важное? — обеспокоенно спросил он.

— Да нет, просто закладка.

— Может быть, попытаемся достать?

— Нет, нет, не беспокойтесь, честное слово, это не нужно!

— Ну, смотрите.— Он снова включил мотор.

— Вы не пользуетесь записной книжкой, когда собираете материал? — спросил я.

— Нет, очень мало. Вообще что значит «собирать материал»? Его «собираешь» каждый день, каждый час, каждую минуту. Если это не так, то писатель не писатель. Конечно, бывает необходимо специально интересоваться чем-нибудь, чего не хватает для книги. Но для этого надо погрузиться в жизнь, о которой хочешь знать что-то большее, чем знаешь. Писателю нельзя быть туристом в жизни, которую он описывает. Он должен участвовать в ней, он должен выстрадать и прочувствовать то, о чем пишет.

Меня часто спрашивают, в чем секрет творчества. В творчестве нет секретов. Разве есть секреты в византийской каменной кладке? Разве в те времена был какой-нибудь секретный состав, скрепляющий камни? Нет. Секрета нет. Был нечеловеческий труд. Люди пригоняли каждый камень к другому камню, чтобы выпуклость одного вошла во впадину другого. Или шлифовали поверхности так, что они сцеплялись намертво. Секрет творчества тот же: нечеловеческий труд, чтобы слово стало к слову навечно, как камни китайской стены. Люди не видят этого труда. Они видят только результат: хорошая книга, успех, слава, наверное, куча денег. И не знают, сколько мучений, сколько сил за строчками, которые они читают. Ведь описать что-нибудь чаще труднее, чем совершить это «что-нибудь».

Поднялся ветер. Хемингуэй подошел к корме и сказал что-то Грегори. Тот подал две тонких замшевых куртки.

— Наденьте,— сказал Хемингуэй.— Может продуть.

Он тоже натянул на себя куртку и продолжал прерванный разговор:

— Хорошо быть начальником штаба и приказывать подчиненным. Писатель сам себе начальник штаба и сам подчиненный. Вернее, начальник — это работа. Грубый, требовательный и жестокий начальник. Чтобы исполнять его приказания, писателю приходится отрешиться от всего, что мешает работе, иногда даже от семьи.

И для работы существует жесткое расписание. Я, например, начинаю писать сразу, как рассветает, до полудня, до часу. Я не могу писать больше шести-семи часов в день: бесполезно, пишется хуже. Делаю перерыв, только чтобы позавтракать. Если в газетах должно быть то, что меня волнует, я читаю за завтра-

ком эти сообщения, если нет, то оставляю газеты на вечер. Я пишу непрерывно, не отдыхая даже пяти минут. Писать очень трудно. Мучительно трудно. Но, может быть, еще труднее дождаться следующего утра, чтобы снова стать к моей конторке.

Днем, после обеда, я читаю. Читаю одновременно несколько книг моих любимых авторов; я перечитываю их из года в год. Шекспира прежде всего. Или еду на рыбалку, вот как сегодня.

Я стараюсь днем и вечером не думать о работе. Лучше всего для этого рыбная ловля. Но, конечно, все равно, когда вы работаете над книгой, ничего не существует в мире, кроме нее, ничего нет на свете важнее ее. Поэтому, чтобы не думать о ней, требуется дисциплина мозга, требуется усилие над самим собой, которое в конце концов входит в привычку...

Работа — это главное в жизни. От всех неприятностей, от всех забот можно найти только одно избавление — в работе. Настоящий писатель работает не ради денег. Ведь вы знаете: «Если можешь не писать, не пиши». Я не могу не писать. Если не пишу, то обязательно что-то делаю для будущей книги. Писать для меня — больше, чем есть, пить...

Молчание воцарилось на боте. Только добродушно ворчит мотор и свистит ветер в снастях. На волнах появились хрупкие белые гребешки. Хемингуэй вдруг говорит:

— Ну, мы с вами совсем заболтались и не работаем. Давайте-ка будем внимательнее, ведь не может быть, чтобы разбежалась вся рыба.

Он приставил ладонь к козырьку кепки и, как морской волк со старинной картины, изображающей пиратов в Карибском море, оглядел горизонт.

— Ага, вон там что-то происходит.

Он дал полный ход. Это «что-то» оказалось простой, двухвесельной лодкой, на которой стояли двое мальчишек лет по четырнадцати. Один из них изо всех сил тянул туго натянутую леску, другой, неловко обхватив приятеля за живот, помогал.

Хемингуэй немедленно превратился сам в мальчишку:

— Послушайте, она же фунтов на семьдесят, не меньше!

Он кружил вокруг лодочки, давая ребятишкам советы. Чувствовалось, что ему нестерпимо хочется быть на их месте и тащить вот такую вот, на семьдесят фунтов, рыбину. Шестидесятилетний рыбак, добывший на своем веку не одну громадину из пучин океана, бивавший носорогов, львов, диких быков, чьи шкуры, головы и черепа украшают стены его дома, откровенно завидовал счастливчикам на двухвесельной лодке. Наконец он не выдержал.

— Мальчишки! — воскликнул он раздраженно.— Они же не имеют понятия, как обращаться с такой рыбой. Я бы вытянул ее за четыре минуты... Она сорвется у них, вот увидите.

Он еще раз взглянул на пыхтящих ребят и, видимо, чтобы не расстраиваться, резко повернул бот кормой к ним и стал смотреть в противоположную сторону. Через минуту сердце рыбака все-таки не выдержало. Он обернулся. Мальчишки все тянули леску.

— Хм, она еще не сорвалась у них!

Больше он уже не оглядывался.

Солнце садилось, вокруг быстро темнело. Небо стало глубоко синим, а вода океана будто покрылась маслянистой пленкой. Бот осторожно подходил к причалу клуба Тарара. Два американских мальчика в синих, простроченных белыми нитками брючках,— видимо, сыновья какого-то члена клуба — закричали поанглийски отцу:

— Смотри, супермэн здесь!

Родитель справился у нас об улове. «Супермэн» показал на единственного тунца, которого невозмутимый Грегори вынул из ящика и перекладывал в баул, чтобы Хемингуэй взял его с собой.

Отец двух мальчиков вежливо покачал головой и высказал предположение, что последний шторм все-таки разогнал всю рыбу.

— Да, может быть, все-таки разогнал,— согласился писатель, натягивая на себя шерстяной свитер.— Наверное, разогнал.

— Ну, мне-то известна действительная причина,— заметил я.

Хемингуэй рассмеялся.

— Откровенно говоря, после той, первой, я решил, что мы привезем не меньше тридцати штук,— сказал он.— Ведь она так быстро клюнула, не успели мы выйти в океан. Но вы не горюйте, Генри. Я отрежу вам половину тунца — это наша общая добыча,— и вы сможете сварить рыбу в отеле.

Видимо, Хемингуэй действительно думал, что я огорчен «неудачной рыбалкой». Он поступал, как настоящий рыбак.

Если быть честным, я очень боялся, как бы обильный улов не помешал нашему разговору. Слава богу, этого не случилось.

Я сказал ему об этом.

Хемингуэй снова засмеялся. Его лицо стало совсем круглым, большие глаза сузились, борода распушилась. Совсем седая, она выглядела, как прилепленная, потому что лицо было молодым, чистым и озорным.

— Послушайте, Генри! — сказал Хемингуэй. — Что вы делаете вечером?

— Ничего. Буду сидеть в отеле и записывать наш разговор.

— Тогда пообедайте у нас.

По широкому черному шоссе я веду машину очень осторожно. Справа от меня человек, которого знают и любят миллионы; человек, вот уже три с лишним десятилетия поражающий мир своим талантом, искренним и честным, своей человечностью в искусстве. Он сидит тут, рядом, в полотняной кепочке, сером свитере, застиранных коротких штанах и потрепанных сандалиях на босу ногу. На полу машины баул с драгоценным тунцом.

Сзади расположился молчаливый Грегори. Он живет на полпути между клубом Тарара и деревушкой Сан-Франциско, где находится дом писателя. Я подвожу Грегори к его дому. Он благодарит меня, потом обращается к Хемингуэю:

— До свидания, папа.

«Папа» — это уважительное. Видимо, многие здесь зовут его так.

Мы снова едем по широкому шоссе. Хемингуэй сидит прямо, и фары встречных машин очень рельефно высвечивают его профиль — прямой нос, прямые, сильные надбровья, длинный разрез глаз с чуть нависшим верхним веком.

Не так давно Хемингуэй болел и похудел на несколько килограммов. Он стройнее, чем на фотографиях, которые я видел года четыре назад. И моложе, безусловно моложе.

Мелькают черные деревья, несколько строений. Мы проезжаем деревушку Кохимар, откуда берет свое начало «Старик». Она остается в стороне от дороги, но дом Фиделя Кастро выходит сюда фасадом. Два дня назад неизвестный самолет сбросил здесь четыре бомбы, пытаясь попасть в дом главы революционного кубинского правительства.

Я спрашиваю Хемингуэя, будет ли он писать о кубинской революции.

— Обязательно буду, обязательно! — отвечает писатель.

Он всем сердцем на стороне революции. Он следит за ее развитием, в курсе всех событий. Он не любит говорить о политике. Но свою позицию в отношении событий на Кубе он очень четко и определенно высказал в беседе с Анастасом Ивановичем Микояном. Об этом уже писалось в «Огоньке».

— Я не люблю говорить о политике для печати,— как бы угадывая мои мысли, замечает Хемингуэй. — Из этого никогда не получается ничего хорошего. При самой добросовестной передаче моих слов журналист может даже ненамеренно изменить интонацию, и смысл будет другой. Помните, насчет боя быков? Это было, с одной стороны, правдой, но с другой стороны — полной ложью. Потому что корреспондент не передал шутливой интонации, не передал ситуации, в которой произошел разговор. Газеты могут выхватить фразу из контекста, и это сразу исказит смысл сказанного.

Он помолчал и дотронулся рукой до баула с тунцом, как бы проверяя, здесь ли рыба.

— Мне все равно приходится говорить о политике, и много говорить — в своих произведениях. Но там я выносил каждое слово и за каждое отвечаю сам...

Мы подъезжаем к дому Хемингуэя. Он вылезает из машины, открывает ворота.

В центре большого парка на холме стоит скромный, одноэтажный дом, выкрашенный в белый цвет. К нему ведут широкие каменные ступени. Если я не ошибаюсь, в доме всего четыре комнаты «полезной площади»: большой зал, гостиная, кабинет писателя, спальня. Рядом с домом высится башня, побеленная известкой. Наверх ведет крутая винтовая лесенка.

Башню построила для Хемингуэя его жена, Мэри, чтобы писатель работал здесь. Но Хемингуэй пишет не здесь. В доме у него есть просторный кабинет, посреди которого стоит большой, овальной формы, красивый, очень удобный полированный письменный стол. Слева, чуть сзади, падает дневной свет. Книги, удобное кресло. Тишина. Но и здесь писатель не работает. Он предпочитает писать свои книги в спальне, на маленькой деревянной конторке, прикрепленной к стене, на которой хватает места только для пачки бумаги и нескольких карандашей. После полудня и вечером конторка и лежащие с двух сторон вдоль стены книги прикрыты куском белой материи.

Он пишет стоя. Не из-за того, что у него поврежден позвоночник при авиационной катастрофе, а по привычке, приобретенной в самом начале творчества.

Он стоит по утрам, прямой, высокий, в огромных старых шлепанцах, над стопкой тонкой, почти папиросной бумаги для пишущей машинки, скрепленной старым, потемневшим от времени металлическим зажимом. Написав страницу, он вынимает ее из зажима и кладет справа от себя — исписанной стороной вниз. Машинкой, которая стоит тут рядом, он пользуется только тогда, когда пишется легко. Но это, по свидетельству Хемингуэя, бывает чрезвычайно редко.

Вся спальня, как и остальные комнаты, опоясана низкими, в три-четыре полки, начинающимися от пола стеллажами с книгами. Стеллажи совсем простые — из обыкновенных досок, выкрашенных масляной краской. Только в кабинете писателя стеллажи высокие — в его рост.

На стенах, кроме охотничьих трофеев, несколько картин, белая тарелка Пикассо. Много старинных и древних вещиц: маленькая металлическая ваза, произведения ацтеков, керамика, куски кораллов, безделушки. Хемингуэй не меняет обстановки и убранства своего дома даже в мелочах. Давным-давно знакомые вещи, лежащие на своих местах, доставляют ему удовольствие, помогают сосредоточиться, когда рано на рассвете он становится к своей конторке, чтобы выполнить «дневную норму».

Вечером, после обеда, Хемингуэй отвел меня к себе в кабинет и показал листок папиросной бумаги, на котором я увидел аккуратные колонки цифр, написанных без наклона.

— Что это? — спросил я.

— Мой учет,— без улыбки, совершенно серьезно ответил писатель.— В конце каждого рабочего дня я подсчитываю, сколько слов написано...

Слова были подсчитаны для каждой странички отдельно. В конце колонки — черта и сумма слов, написанных за день: 823, 904, 711, 517, 1 426, 403, 700, 1 536 (!), 370, 208 и так далее.

Беспощадный и очень педантичный хозяин ведет строгий учет работы своего подчиненного.

В среднем, как я мог понять из этого листка, Хемингуэй пишет по 700—800 слов в день. Бывает и до полутора тысяч, но на следующий день почти обязательно падение. После особенно маленького числа — «208» — начертано: "Писал срочные деловые письма". Эрнест Хемингуэй оправдывается перед самим собой!

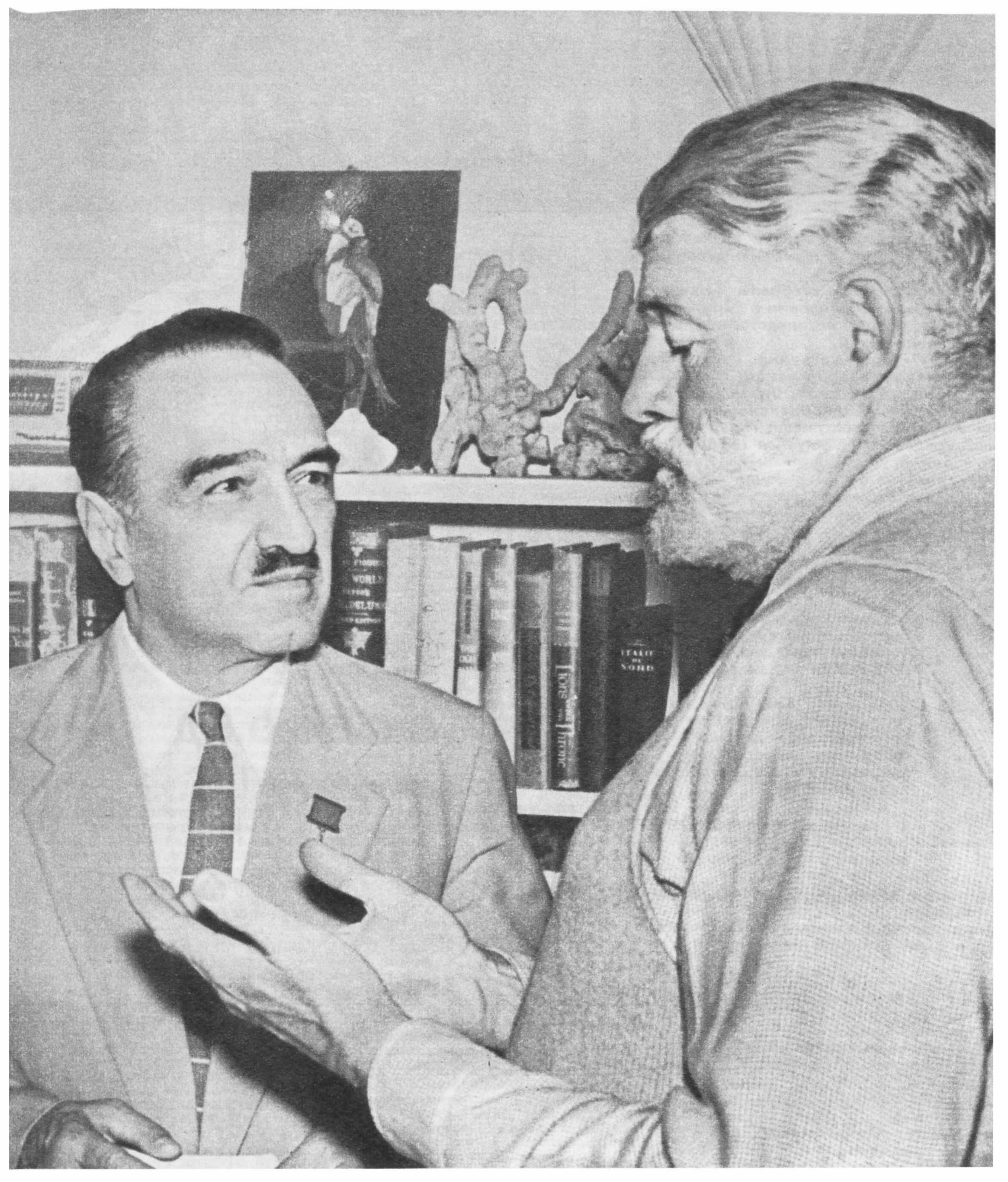
— Когда вы ввели такую жесткую дисциплину для себя?

— Этому пришлось учиться. Довольно долго. Но уже в начале тридцатых годов я продал самого себя в рабство самодисциплине.

— Я читал у Кольцова, что вы не изменяли ей даже во время войны в Испании. Вы сидели в Мадриде один в пустом отеле, под бомбами и писали «Пятую колонну».

— Да,— Хемингуэй улыбается,— это было так. Я сидел и писал. Было трудное время и трудная борьба. Я никогда не читал «Испанского дневника» Кольцова, но обязательно сделаю это, если вы пришлете мне экземпляр.

Нам пришлось в те времена здорово



А. И. Микоян в гостях у Э. Хемингуэя.

попотеть. У всех у нас был тогда один стиль разговора — шутка. Чем серьезнее и труднее было положение, тем больше мы старались шутить. Счастлив тот, кто может шутить в трудную минуту. Это признак силы духа и храбрости. Кольцов был среди нас непревзойденным шутником. Он был храбрым солдатом. И умным...

Хемингуэй очень тепло вспоминает своих друзей, с которыми впервые познакомился в Испании: Эренбурга, Романа Кармена. Расспрашивает о Симонове. Он читал «Дни и ночи» в английском переводе. Повесть ему понравилась. Ему хочется прочесть и его стихи.

...Когда мы вошли в дом, Мэри Хемингуэй уже приехала из Гаваны. Тоненькая, очень живая, динамичная, она полна впечатлений от советской выставки.

— Там так много всего, так много! Ее нужно изучать, а не просматривать. Надо ходить несколько дней подряд. Я, конечно, половины не поняла, но то, что поняла, великолепно. И там есть такие чудесные вещицы, сделанные кустарями! Прелесть!

— Ну что, за массаж? — спрашивает Хемингуэй.

Он садится на стул против Мэри, наливает на свою ладонь специального масла и начинает медленными, осторожными, сильными и одновременно мягкими движениями массировать ей локоть. У миссис Хемингуэй во время несчастного случая был раздроблен локоть, и каждый вечер ее муж делает ей пятнадцатиминутный мышечный массаж.

— Мы не хотим приглашать врача,— объясняет мне хозяин дома, не отрывая серьезных, внимательных глаз от руки жены.— Врачи «слишком много знают» и слишком грубы для этой тонкой работы.

Лицо его принимает характерное для Хемингуэя выражение сосредоточенного внимания к собеседнику. Брови чуть сошлись и приподнялись у переносицы, глаза серьезны и, кажется, ловят каждое ваше слово, каждое движение, хотят помочь, поддержать, понять.

У него прекрасная улыбка. Чуть-чуть застенчивая. Он как бы спрашивает, разделяете ли вы улыбку, не обижает ли она вас, приятно ли вам.

Мэри больно. Но она пробует улыбаться и старается разговаривать. Хемингуэй молчит. Сильные пальцы властно мнут мышцы.

— Мы смотрели вчера «Броненосец «Потемкин», — говорит Мэри. — Специально ездили в Гавану... Это замечательно! Правда, папа?

Хемингуэй поворачивает ко мне голову и кивает. Этот кивок выразительнее всяких слов.

— Сцена на лестнице!.. Там, может быть, есть длинноты, которые теперь кажутся странными. Но для своего времени!..— продолжает Мэри.

— Не только для своего, но и для нашего,— поправляет Хемингуэй.

Неделю тому назад я смотрел картину «По ком звонит колокол». Роберто играет Гарри Купер, Марию — Ингрид Бергман. Я спрашиваю мнение Хемингуэя о картине.

— Плохой фильм... Там хорошие актеры. Гарри — мой большой друг. Ингрид тоже прелестная женщина, и я ее очень люблю, но это...— Он помотал головой.— Я вообще не видел ни одного фильма по моим произведениям, который бы меня порадовал. Большинство из них — дерьмо. Кроме «Старика и моря».

...Эрнест Хемингуэй сидит в своем кабинете. Он только что показал мне тот самый листок с подсчетом написанных слов.

— Вы должны меня извинить,— вдруг говорит он.— Я говорил сегодня слишком серьезно. Это не в моих привычках. Обычно я больше шучу. Но уж так получилось.

Хемингуэй немножко недоволен.

— Нельзя много говорить о своем творчестве. Работа — как любовь, ее надо прятать от посторонних глаз. Я стараюсь избегать разговоров о своих произведениях. Если много говорить, можно «выговорить» книгу в воздух. Ничего не останется за душой. Книга распадается.

Ну, ничего, это случается, в общем, довольно редко.

Хемингуэй берет в руки белый череп какой-то убитой им зверюги, нежно поглаживает рукой.

— Обо мне много писали и пишут. О моих произведениях, я имею в виду. Боже, сколько глупостей!.. Я всегда очень расстраивался, когда читал глупые рецензии на свои книги. Теперь стараюсь не обращать на них внимания... Есть несколько друзей, которым веришь и к оценке которых относишься с уважением. К сожалению, с каждым годом таких друзей становится все меньше и меньше... Они умирают...

Хемингуэй поставил череп на место.

— Главный хозяин труда, главный оценщик — это вот... — Писатель дотронулся рукой до лба, потом до груди. — Ум и совесть, голова и сердце. Даже больше сердце, чем голова. Потому что голова может иногда пойти на компромисс. А сердце, совесть — никогда...

Брови чуть сдвинуты к переносице. Глаза смотрят внимательно. Прямо, открыто. Уголки рта чуть опущены. Хемингуэй говорит не гладко. С паузами. Иногда смотрит на собеседника вопросительным внимательным взглядом. Вдруг он улыбнулся.

— Вы знаете, почему я никогда не пишу вечерами и ночью? Вечером у человека больше страха, больше иллюзий. А утром это проходит. Страх пропадает. И никаких иллюзий — ни плохих, ни хороших. Верно? Вот тут и нужно писать. Правду. Только правду...

К концу ужина снова разговор заходит о тунце. Миссис Хемингуэй, знающая рыбацкие обычаи, беспокоится:

— Почему вы не хотите взять половину рыбы? Ведь в отеле ее могут прекрасным образом приготовить!..

Хемингуэй роется в семейных фотографиях. Он достает одну, где изображен сам писатель рядом с огромной рыбиной, выловленной им четыре года назад в Перу. В утешение мне он надписывает: «Большая рыба, которую мы не поймали».

Потом из фотографий, которые я делал во время его встречи с Анастасом Ивановичем Микояном, Хемингуэй выбирает одну и надписывает: «Анастасу Микояну в память об очень приятной встрече. Эрнест Хемингуэй».

Об Анастасе Ивановиче Хемингуэй говорил с большим уважением и в то же время очень сердечно и тепло. Чувствуется, что встреча и разговор с ним пришлись Хемингуэю по душе.

— Если сможете, передайте от меня большой и искренний привет господину Микояну. Это была действительно приятная встреча. Я очень рад, что имел возможность познакомиться с ним.

Уже поздно. Скоро полночь. Мы прощаемся...

Пройдет несколько часов, и на рассвете снова, высокий, седой, он встанет к своей простой конторке, и карандаш медленно и трудно начнет двигаться по бумаге, выписывая без наклона слова, рожденные сердцем и умом этого замечательного человека.

Этот снимок напечатан в № 51 «Огонька» за 1951 год. В американской зоне оккупации Германии советские дети в зале суда. В центре — Аня Бобрович.

Недавно редакция получила письмо читателя М. А. Груня. К письму был приложен очерк «Их дом в Советской стране», напечатанный в № 51 «Огонька» за 1951 год.

«Как сложилась судьба детей, о которых рассказывается в очерке?» — спрашивал читатель.

Отвечая на этот вопрос, публикуем корреспонденцию из Львова.

Вся школа поздравляет Аню

В 1951 году газеты сообщили, что трое ребят — две девочки и мальчик — по решению суда в американской зоне оккупации Германии не подлежат возвращению в СССР.

Матери девочек обратились к содействию нашей печати. После нескольких лет упорной борьбы удалось вернуть на родину только одну Аню Бобрович. Двух других: Тамару Шаркову и Макса Хальнера — увезли за океан.

Вот как сложилась судьба Ани. Отец ее, партизан, погиб. Фашисты насильно повезли его беременную жену в Германию. По дороге, в Кракове, она родила дочку, и вскоре у матери началась послеродовая горячка. Женщину спас от смерти военнопленный советский врач, а новорожденную взяла на попечение семья польского актера Эдуарда Баженского. Рука младенца была повязана лентой из холста, на которой мать успела вышить имя и фамилию девочки, дату ее рождения.

Несколько месяцев спустя гитлеровцы отобрали у Баженского русского ребенка и увезли Аню Бобрович в Германию.

Шли годы. Отгремела война. Советские представители за рубежом энергично разыскивали детей.

И вот однажды, еще в 1947 году, мать Ани, работница Львовского почтамта, услышала по радио имена и фамилии советских детей, обнаруженных за рубежом. Оказалось, что ее дочка живет в детском лагере, в американской оккупационной зоне Германии. Ане тогда шел пятый год...

Только спустя пять лет удалось ей вернуться на родину. Мне запомнились первые дни пребывания Ани во Львове.

Хрупкая, словно вылепленная из воска, девочка, с нездоровой синевой под глазами, рассказывала о жизни в приюте в одной из баварских деревень. Аня вспоминала сырой подвал, где находились прачечная и кухня. Там вместе с другими детьми Аня мыла посуду, скребла кастрюли. Из окон подвала по утрам она видела детей с книгами и тетрадями. Они торопились в деревенскую школу. А ребят в приюте грамоте не обучали. На десятом году жизни Аня не знала ни одной буквы.

Во Львов Аню привезли в разгар лета. Вскоре близкие заметили, что девочка любит сидеть на солнышке, — там, на чужбине, ее не баловали теплом.

Когда Ане сказали, что 1 сентября надо идти в школу, она обрадованно воскликнула по-немецки:

— Значит, я тоже стану школьным ребенком!

В ее обиходе не было слова «ученик». По-русски и по-украински она еще не говорила.

Трудно начинать учение, не зная языка. На помощь девочке пришли комсомолки и учительница немецкого языка из старшего класса.

Первый раз день рождения девочки — ее десятилетие — отпраздновали в семье. К Новому году Львовский горсовет прислал Ане елку. Об этой ее первой елке тоже сообщалось в «Огоньке» в № 1 за 1954 год.

Прошло еще шесть лет, и мы снова встретились во Львове. Передо мной высокая, коротко остриженная девушка: смуглое лицо, тонкий профиль. Теперь мы свободно беседуем по-русски. Аня учится в седьмом классе школы-интерната имени Ярослава Галана.

Она рассказала о поездках по родной стране: Аня повидала Москву, жила в Артеке, недавно с группой учащихся была приглашена в Армению...

Девушке исполнилось шестнадцать лет. Возникли заботы, мечты, желания. Встал неизбежный вопрос: кем быть?

— Очень люблю музыку, играю на пианино. Хочу быть доктором. На днях мне выдадут паспорт... Готовлюсь вступить в ряды комсомола...

Недавно учащиеся старших классов пришли на торжественное собрание. Директор А. С. Осипенко рассказал об установившейся в интернате традиции — торжественно вручать паспорта учащимся, которым исполняется 16 лет.

— Сегодня получит советский паспорт наша общая любимица Аня Бобрович, — сказал А. С. Осипенко.

И ребята ответили ему дружными аплодисментами.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Аня Бобрович показывает свой паспорт школьным подругам.

Фото А. Дербасова.

Трехтысячный, юбилейный...

К этому прыжку Иван Иванович Савкин, мастер спорта СССР, житель города Воронежа, готовился взволнованно и тщательно. Ведь предстоял не обычный прыжок — юбилейный, трехтысячный.

Транспортный самолет «ЛИ-2», управляемый летчиками И. Выстробским, М. Федоренко и штурманом Н. Ереминым, набрал нужную высоту, вышел по горизонтали в определенную точку маршрута.

Савкин покинул борт самолета. Вместе с юбиляром совершили прыжки его воспитанники — мастера спорта И. И. Кашкин, И. Г. Шелестов, К. А. Бадов, перворазрядники Ф. Х. Роянов, Ф. Т. Коротченков.

Итак, трехтысячный прыжок совершен. Это своеобразный рекорд, которым до сего времени обладал лишь один человек в нашей стране и во всем мире — испытатель парашютов Герой Советского Союза заслуженный мастер спорта В. Г. Романюк. Ныне вторым обладателем рекорда стал мастер спорта воронежец Иван Иванович Савкин.

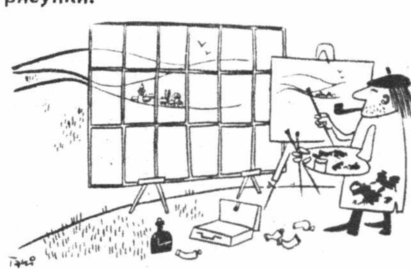
На счету Савкина есть рекорды в прыжках с большой высоты и на точность приземления.

В. ОЖЕРЕЛЬЕВ

На снимке: мастер спорта И. И. Савкин после завершения трехтысячного прыжка.

Фото В. Шумилова.

Таки — псевдоним двадцатилетнего венгерского художника З. Токача. Мы публикуем его юмористические рисунки.



Он привык рисовать по клеточкам.

Лечение лунатика.

— Не стыдно вам мусорить?

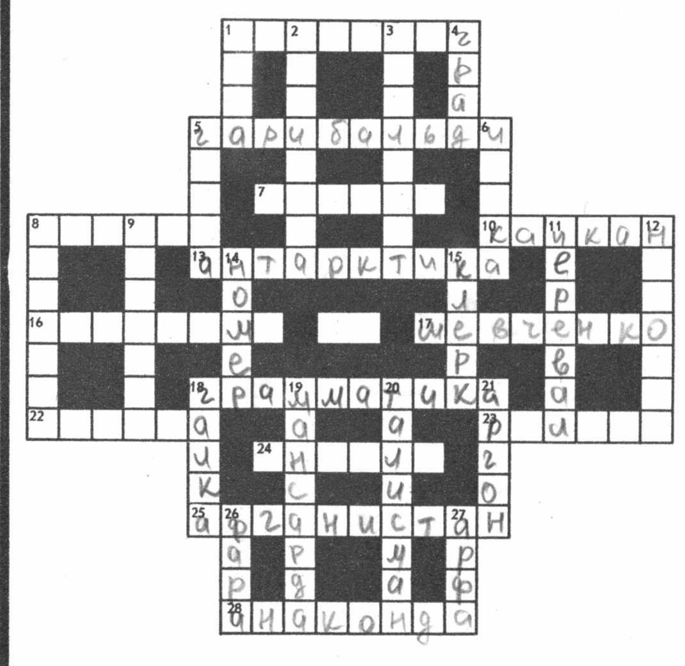
КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Город в Индонезии. 5. Народный герой Италии. 7. Древнейшее земледельческое орудие. 8. Русский врач-терапевт. 10. Ловушка. 13. Полярная область земного шара. 16. Крупная рыба бассейна Амазонки. 17. Украинский народный поэт. 18. Раздел языкознания. 22. Штат в США. 23. Быстрый пассаж в пении. 24. Летопись. 25. Государство в Азии. 28. Самый крупный удав.

По вертикали:

1. Новая марка часов. 2. Озеро в Канаде. 3. Ярый защитник какой-либо идеи. 4. Атмосферные осадки. 5. Осадочная горная порода. 6. Родина и царство Одиссея. 8. Первый журнал пионеров. 9. Белорусский писатель. 11. Дорога через горный хребет. 12. Порт на Японском море. 14. Книжка журнала. 15. Конторский служащий. 18. Птица семейства вороновых. 19. Получердачное помещение. 20. Стихотворение А. С. Пушкина. 21. Газ, применяемый в лампах. 26. Электрический фонарь. 27. Музыкальный инструмент.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

4. Лермонтов. 7. Ателье. 8. Иванов. 9. Солонец. 12. Поплавок. 14. Репортер. 16. Паритет. 17. Белобочка. 18. Репетилов. 19. Мечта. 20. Дидактика. 22. Категория. 24. Мамедов. 26. Котлован. 27. Ракитина. 28. Клинкер. 29. Шельда. 30. Арнозо. 31. Санитарка.

По вертикали:

1. Телескоп. 2. Достопримечательность. 3. Горицвет. 5. Стропило. 6. «Богатыри». 10. Палеонтолог. 11. «Современник». 12. Панегирик. 13. Катамаран. 14. Рефрактор. 15. Рисовидка. 21. Ацетилен. 23. Оптимизм. 24. Маскарад. 25. Вагранка.

ПО СЛЕДАМ ДИНОЗАВРОВ

ЗАПИСКИ КИНООПЕРАТОРА

Н. ПРОЗОРОВСКИЙ

Монголия. Гоби. Центр Азиатского материка. Сердца путешественников начинают биться сильнее, когда произносятся эти слова, и особенно сердца палеонтологов, разведчиков далекого прошлого. Ведь высокогорное плато Монголии — это сокровищница, хранящая в своих недрах бесценные памятники развития жизни на Земле. На территории сегодняшней Монгольской Народной Республики и Внутренней Монголии, автономной области Китая, обитало когда-то неисчислимое количество животных.

Динозавры, гигантские ящеры, были хозяевами земли более ста миллионов лет назад. Растениеядные и хищные, они достигали 8—10 метров высоты и 40 метров в длину. Их сменили теплокровные млекопитающие, более приспособленные к изменяющимся условиям, с более развитым мозгом, но еще огромные и неуклюжие, представляющие собою как бы грубые заготовки современных видов. Они постепенно изменялись, и около миллиона лет назад появились животные, немногим отличающиеся от современных. Найти свидетельства истории жизни должна была Советско-китайская палеонтологическая экспедиция (СКПЭ), которая приступила к работе весною 1959 года.

Разведки экспедиции начались на восточном плато Гоби — в районе станции Эрлянь — пограничного пункта Китая и Монголии. Первый лагерь мы расположили в живописной долине с высокой, густой травой. Правда, на закате из травы поднялись несметные полчища комаров и мелкого гнуса, жгущих, как огонь. Но мы мужественно переносили нападение, прощая красоте ее часто скверный характер. Только старый гобиец Ян Мартынович Эглон ворчал, что лагерь нужно было разбивать на возвышенности: там бы продувало. Но с ним не соглашались. Уж очень было вокруг хорошо! Строгие ряды новеньких палаток образовали длинные улицы. В стороне дымилась кухня. Гордо возвышались две столовые. С наступлением темноты на высоком столбе в центре лагеря засияла большая лампа, видная в пустыне за много километров.

Погода изменилась внезапно. В обеденный перерыв мы изнывали от жары, а вечером похолодало и пошел дождь. Через сутки красивая долина превратилась в болото. Вот когда стали очевидны преимущества лагеря на возвышенности!

Ночью буря кажется раз в десять сильнее. Как револьверные выстрелы, хлопают плохо натянутые полотнища, флаг на мачте захлебывается пулеметными очередями, кажется, что палатку обязательно сорвет если не этот порыв ветра, то следующий. Дождь не перестает ни на минуту. И это наводнение — в Гоби!

Я вспоминаю, как десять лет назад, когда я путешествовал по Гоби с профессором Иваном Антоновичем Ефремовым, жара и безводье преследовали нашу экспедицию. Обидно было то, что колодец находился совсем рядом, а где — никто не мог сказать. Обычно в пустыне тропинки тянутся к колодцу лучами гигантской звезды. Наши тропинки-ориентиры были старые, и мы часто их теряли. Кончалась вода для машин, а нам надо было проехать еще 300 километров. Слили всю воду в радиатор «Козла» и стали выбираться на нем; за грузовой машиной решили приехать потом.

— Иван Антонович! А зачем здесь мог понадобиться кол?

— Какой кол, где! Что же вы раньше не сказали?!

Развернули машину и по следам вернулись к колу, вбитому около большого саксаулового дерева. Здесь останавливались пастухи и привязывали верблюжат. Значит, колодец должен быть рядом. Но сколько мы ни ходили по раскаленному песку, все напрасно. Наконец Ефремов подошел к куче сухого саксаула.

— Разбирайте эти дрова! — рычит он презрительно.

Ну, конечно, мы жалкие новички в пустыне. Как же мы сразу не догадались, что именно сухим саксаулом закрыт колодец от песка и ветра. Раскиданы ветки, раскопан песок. Вот появилась шкура, вот деревянная решетка, а вот и кристально чистая, холодная вода. Как мы были ей рады!..

А сейчас вода вызывает у нас раздражение. Она просачивается сквозь полотно палаток и пропитывает одежду, вещи, рюкзаки. Не во что переодеться, негде просушиться. Спальный мешок, последнее сухое убежище, становится влажным и холодным.

На третий день Ян Эглон, несмотря на дождь, решительно перетаскивает свою палатку на песчаную возвышенность и кое-как ее там укрепляет. Примеру следуют многие, кто жил в самых низких местах. А долина уже превратилась в озеро, по которому бегают волны с белыми гребешками. Чернеют лишь островки оставшихся палаток. Самое удивительное при этом то, что китайские повара каждый день кормили весь коллектив горячей пищей. Как это они делали в сплошной воде — неразгаданный китайский фокус.

Буря кончалась на четвертые сутки. Газеты писали потом, что такой бури в Гоби не было более сорока лет.

Главный наш труженик — бульдозер «ДТ-54». Когда разведка и ручная раскопка дают обнадеживающие результаты, бульдозер осторожно снимает пласт почвы глубиной в 10—15 сантиметров. Люди идут за ним, внимательно просматривают каждый сантиметр. Достаточно появиться хотя бы намеку на кость, как начинается проверка вручную. Если ничего не обнаружено, машина снимает еще один слой. И так с утра до вечера.

Иногда прогулки за бульдозером длятся целыми днями. Ребята чернеют на солнце, и чернеет их настроение. Главное — выдержка. Копнуть сразу глубоко нельзя. А вдруг разрушишь что-нибудь очень ценное? Можно сколько угодно сердиться на бульдозер, и все-таки время от времени думаешь: а сколько людей понадобилось бы, чтобы раскопать эту толщу?

Но вот появились кости. Особое волнение вызывают находки большого размера — гигантское бедро и целый череп платибелодона длиной в полтора метра. И еще более удивительным кажется скопление сотен и тысяч костей. Совершенно невозможно определить, кому они принадлежат, — это сплошной массив останков.

Тут и начинается трагедия кинооператора. Ты остаешься один на один с «палеонтологическим материалом». Это тебе не цветы и не закаты, это даже не техника, часто трудная для съемки. Как бы ни были интересны кости, снимать их в песке разрозненными или перемешанными, снимать доски ящиков, грязь гипса и цемента — очень невеселое занятие. Я, пожалуй, не встречал более сложных съемок за все тридцать с лишним лет своей работы.

Необыкновенную, таинственную картину представляют места раскопок — бэдленды. Название выбрано очень удачно: плохие, дурные земли. Действительно, вряд ли найдешь более трудный рельеф в пустыне. Тысячи оврагов с красными, желтыми и серыми обрывистыми стенами изрезали края огромного котлована. Когда-то такие котлованы были водоемами. Их можно назвать морями, если бы они не были пресноводными. На берегах кипела жизнь...

Я стараюсь представить, как выглядела бы моя прогулка 100 миллионов лет тому назад. В будущем фильме должны быть кадры древней жизни в районе бэдлендов.

...Вот я вылез из палатки, в которой мне удалось переночевать. Именно удалось, так как просто чудом ее не раздавило чудовище, следы которого видны в нескольких метрах. Ружье можно спокойно повесить на первое же дерево. В случае опасности мне бы могла помочь разве что небольшая пушка. Поэтому стараюсь двигаться незамеченным, прячусь за стволами пятидесятиметровых деревьев. Большие сочные листья растений в воде и на берегу тоже могут служить хорошим укрытием. Лист, лежащий на воде, легко выдерживает мой вес. Но надо внимательно следить за тем, чтобы не попасть в зубы мелких хищников размером с крокодила.

Из оптики я держу наготове два объектива: 18-миллиметровый и 35-сантиметровый. Остальные вряд ли понадобятся: если я наткнусь на одно из чудовищ, то только самый короткофокусный объектив сможет охватить эту махину. А для того, чтобы снять пасущегося в прибрежных волнах утконосого динозавра, мне понадобится телеоптика. Иначе пришлось бы добираться вплавь до этого динозавра. Он спокойно пасется на шести — восьмиметровой глубине, стоя на массивных ногах и опираясь на могучий хвост. Голова на длинной шее временами уходит под воду, рот — исполинский утиный клюв, снабженный тысячью сменяющихся зубов, — как терка, перетирает сотни килограммов корма.

Еще бо́льшие гиганты, достигающие сорока метров в длину, медленно ворочаются в воде. Это зауроподы. Маленькая голова на змеиной шее почти не имеет мозга, рот не перестает жевать ни на минуту, чтобы насытить всю эту гору мяса на коротких лапах. Встреча с зауроподами опасна лишь в том случае, если они случайно придавят своей многотонной тушей.

Гораздо страшнее живущие на суше хищные динозавры — тиранозавры с полутораметровыми пастями, усаженными острыми, как кинжалы, клыками. Эти быстрые и неутомимые убийцы рыщут всюду в погоне за добычей, с необыкновенной быстротой нападают на более мелких, растениеядных, не брезгают и своими родственниками послабее. Страшные бои разыгрываются в воде и на суше. Часто труп погибшего чудовища опускается на дно, где его закроют прибрежный ил и другие осадки, которые со временем затвердеют и сохранят кости для любопытных потомков.

Уникальная находка: древнейшее жвачно-копытное — археомерикс.

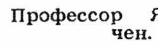
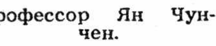
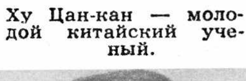
Если бы я вышел на съемку на 50 миллионов лет позже, в эпоху кайнозоя, мне, вероятно, уже не удалось бы снять живых динозавров. Зато на пленке были бы зафиксированы новые гиганты, похожие на современных слонов, тапиров или носорогов, но значительно превосходящие их размерами: титанотерии, платибелодоны, мастодонты (останки этих ископаемых найдены нашей экспедицией).

Вот, например, зверь, напоминающий тапира, но в несколько раз превосходящий его размерами. Нижняя его челюсть-лопата длиной больше метра. Ею он, словно плугом, вспахивает болотистую почву, добывая сочные коренья. Неподалеку — похожий на носорога бронтотерий. Рог у него плоский и большой, и ноздри расположены на самом конце. Животное может пастись под водой, высунув для дыхания только кончик рога — «носа». Вот уж поистине: «Один в рогах с собачьей мордой, другой с петушьей головой...»

И все-таки ни гигантские кости, ни фантастические формы ископаемых чудовищ не производят такого удивительного впечатления, как сохранившиеся через десятки миллионов лет следы волн. Смотря на них, слышишь гул этих волн. Следы сохранил от разрушения песок. Если песок размыт дождями и сметен ветром, отпечатки исчезают через год-два. Мы стараемся собрать необыкновенные образцы и сберечь их для музеев...

Несколько раз мы встречали лагеря с такими же бродягами пустыни, как и мы. Китайские геологи всегда охотно делились своими наблюдениями, но часто даже со своими земляками они разговаривали «на разных языках». То, что для них было «много костей», на месте оказывалось десятком обломков, из-за которых мы совершали далекие поездки.

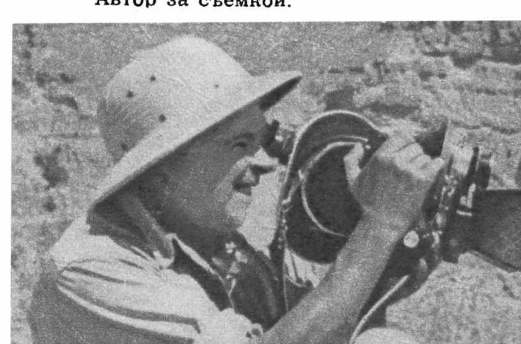
Особенно сложно было объясняться с местным населением. Сперва надо было поговорить с китайским переводчиком. Он по-китайски обращался ко второму переводчику, знавшему монгольский язык, но не знавшему русского. Последний говорил с монгольскими товарищами. Ответ проделывал тот же путь. Можно представить, какие неожиданные результаты получались, если вы позволяли себе сказать что-нибудь не буквально, а образно. А когда кинооператору приходила в голову мысль заставить «играть» каких-нибудь животных, например, верблюдов, работа становилась уже «испытанием характера».

Начальник экспедиции А. К. Рождественский.

Профессор Ян Чунь-чен.

Ху Цан-кан — молодой китайский ученый.



Автор за съемкой.

Мне очень хотелось заснять сценку «Гадкий верблюжонок». Весной верблюды не отличаются красотой, они бесстыдно голые. На них клоками висит шерсть, худые горбы поникают. Но представить себе уродство верблюжонка просто невозможно. Очевидно, все малыши обаятельны, кроме верблюжонка.

«До чего он страшен», — говорят друг другу верблюды. Это видит даже мать. И она не хочет кормить такого урода. Хозяин беспокоится за жизнь несчастного. Он садится перед верблюдицей и поет ей песню, полную упреков.

«Ты скверная мать, — поет хозяин, — если можешь отвернуться от сына. Вспомни, что и ты была такой же маленькой и беспомощной. И потом, он все-таки похож на тебя. А когда он вырастет, он станет красавцем!» Сердце матери не может выдержать. Она плачет, сознавая собственную черствость, и допускает уродца к вымени. И скоро он кажется ей уже самым красивым на свете, как и всем матерям.

...Разведки привели нас к Хуанхэ, к Желтой реке, которая несет в каждом кубометре 34 килограмма ила. Беря свое начало в Тибете, Хуанхэ от города Ланьчжоу поднимается на север почти к самой границе Монголии, потом поворачивает на восток и на широте Пекина устремляется почти строго на юг, образуя гигантскую петлю. Внутри этой петли расположен песчано-каменистый Ордос. Это горная страна наоборот. Ее тысячи оврагов и ущелий — великолепная «форма», в которой можно было бы отлить настоящую горную страну.

Каково же ездить по Ордосу на машине! Если бы не дороги, построенные после освобождения, пробраться сюда было бы совершенно невозможно. Даже ишаки и лошади не могут преодолеть здешних тропинок. Грузы доставлялись раньше в Ордос на человеческих плечах: в корзинах, подвешенных к коромыслам. Сейчас тысячи людей заняты постройкой, а главное, ремонтом дорог, потому что после сильного ливня лессовые дороги раскисают и сползают в пропасти. И надо строить их заново, что и делают китайские товарищи с присущим им упорством и трудолюбием.

Мы едем на двух машинах по великолепным дорогам. Правда, довольно часто колеса проходят подозрительно близко от обрыва. Машины здесь гости, а обычный вид транспорта — телега на резиновых шинах, запряженная четырьмя, а иногда и шестью лошадьми или мулами.

Но вот дорога кончилась. Она словно срезана ножом. Впереди стометровый обрыв, внизу ревет поток. А нам надо пробраться к оврагам около Хуанхэ, где можно найти новые ископаемые. Мы сидим в машинах и думаем: что же делать?

На наше счастье по тропинке спускается старик китаец. Его темная, темнее воды Хуанхэ, кожа изрезана глубокими морщинами. На голове повязано мохнатое полотенце. Сухощавая, так и не согнутая годами фигура. Старая, аккуратно заплатанная куртка, матерчатые туфли. Старик объясняет, что до Хуанхэ еще порядочно и надо идти по тропинкам через перевал. Узнав, что мы из Советского Союза, он представляется: «Ли» — и предлагает проводить нас.

Старик идет не спеша, слегка опираясь на палку. Тропинка круто задирается к небу. Через несколько минут я весь мокрый и задыхаюсь. А старый Ли в танцующем ритме перепрыгивает со ступеньки на ступеньку, молниеносно решая, куда выгоднее поставить ногу. Надо научиться быстро выбирать нужную для опоры точку, иначе каждое решение берет много сил и времени, сразу же отстаешь и все время приходится догонять.

Через два часа проходим перевал и спускаемся к реке. На том берегу стоит одинокая башня. Проводник утверждает, что ей больше тысячи лет. Обрыв под башней изрыт и напоминает поселение стрижей. Это пещерная деревня, спрятанная в лессе. Позже мне удалось побывать в домепещере. Вход — коридор, налево кладовая (в глубине видны огромные глиняные кувшины-бочки с водой и зерном), направо жилая комната. Большое окно с бамбуковой разрисованной рамой заклеено бумагой. Перед окном глиняные каны, которые топятся зимой. В комнате прохладно и удивительно чисто. Полукруглый потолок выбелен, стены покрашены, каны блестят. Не верится, что находишься в пещере.

У реки нас приветствовали взрослые и дети. Их любопытство, улыбки и аплодисменты понятны: эти люди впервые видят русских. Они точно указали места раскопок: ведь местные жители давно уже искали кости с «медицинской целью», продавая их в аптеки. Из костей там изготовлялись порошки. Недавно выяснилось, что многие кости радиоактивны. Может быть, на этом и была основана лечебная сила порошков? Сейчас индивидуальная добыча ископаемых костей запрещена, так как она похитила у науки множество ценного материала: наиболее целебными сборщики считали зубы, черепа и челюсти они выбрасывали.

На обратной дороге нас накрыл дождь. Сначала он обрушился на соседний склон. Шофер старался использовать оставшиеся минуты и жал так, что дух захватывало. Дождь догнал. На дорогу хлынули бурные потоки и водопады. На минуту из лохматых туч вынырнуло багровое солнце, заставив засверкать струи дождя, потом наступила ночь. Все чаще приходилось тормозить, но и на тормозах машина продолжала скользить до самого обрыва, где почему-то останавливалась. Наконец мелькнули огоньки поселка. Остался последний крутой и опасный спуск. И в этот момент наша машина тихонько легла на бок на самом краю пропасти. Мотор сразу заглох, слышно только журчание потоков. Осторожно выбрались из кабины.

Из-за поворота появились фары второй машины. Не успели мы кинуться навстречу, как она легла рядом. Общими усилиями мы поставили «на ноги» свой транспорт, но спустились с горы пешком. А перед самым поселком, вымокшие до нитки, торжественно уселись в машины и переехали через последнее препятствие — небольшой приток Хуанхэ.

Нет, не забыть нам дорог Ордоса, страны, хранящей ценные сокровища в оврагах, добраться до которых не так-то легко!

И вот в ящиках экспедиции скелет длинноногого носорога, черепа мастодонтов, бронтотериев, платибелодонов, остатки ископаемых бобров, оленей, жирафов, виверровых и других животных. Уникальна находка большого скопления скелетов археомериксов, древнейших жвачно-копытных. Трудно представить, что эти маленькие, с кролика величиной и похожие на крысу существа были родоначальниками наших коров, баранов, коз. Но для эволюции потребовалось 40 миллионов лет.

До сих пор миру был известен только один неполный скелет этого маленького животного. Наша экспедиция нашла более тридцати полных скелетов. И вот какими они открылись глазам ученых: маленькие оскаленные черепа, тысячи хрупких, тоненьких костей, некоторые из них оканчиваются миниатюрными копытцами, переплелись точно в каком-то необыкновенном танце. И среди них лежала огромная челюсть носорого-

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный—Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы—Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото—Д 3-35-48; Оформления—Д 3-38-44; Писем—Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00874. Подписано к печати 30/III 1960 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 436. Заказ № 770.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

образного гиганта, по размерам превосходящая целого археомерикса. Почему они погибли? Почему их так много? Как попала эта челюсть в самую середину археомериксов? Много вопросов встает перед учеными, которые изучают материалы экспедиции.

Некоторые находки уже видели посетители выставки в Пекине. Побывавший на ней президент Академии наук КНР товарищ Го Мо-жо высоко оценил первые результаты работы экспедиции, которая вскоре опять отправится в путь и, завершив раскопки в Китае, перекочует на территорию Советского Союза, чтобы дать исчерпывающую картину развития жизни в Центральной Азии.

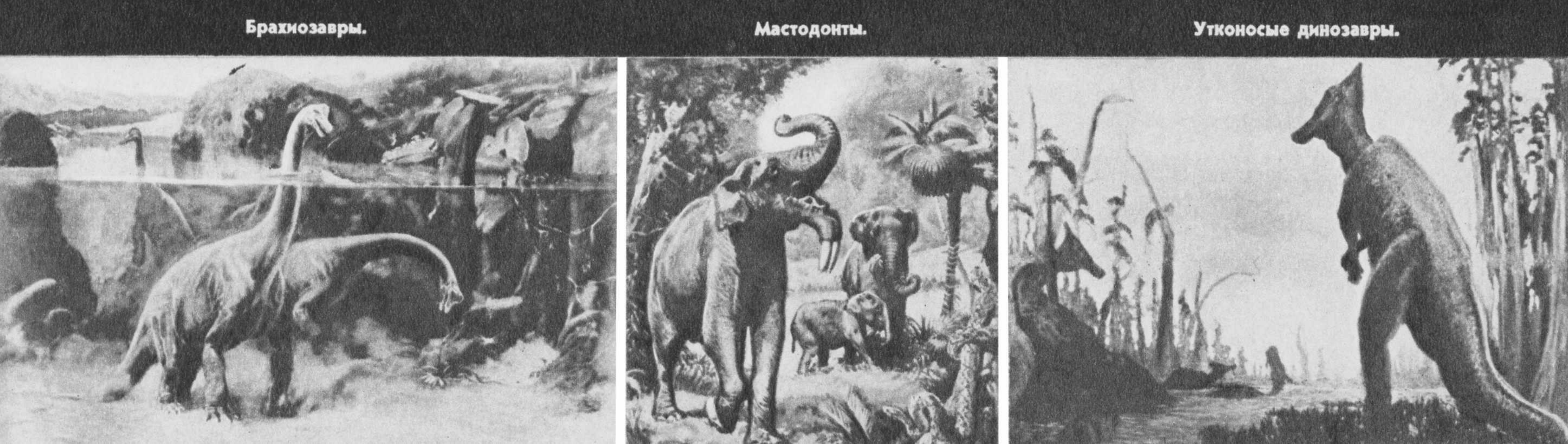
А что же кинооператор экспедиции? Кинооператор вспоминает такой неприятный для него случай.

Однажды, когда немилосердно жгло солнце и мы все размякли от жары и толчков машины, на краю серой и унылой пустыни появилось озеро. Мираж, первый увиденный мираж! Его не отличишь от действительности. «Может быть, попробовать снять его? Что получится? Нет, не буду тратить пленку. Ничего не получится. Не может получиться. Ведь это мираж!»

Позже я вспомнил этот день и жестоко ругал себя. Получилось! Получилось у оператора Разумова. Превосходно снял мираж в картине «Под небом древних пустынь». Маленькие машины с красными флажками деловито въезжают в синие волны и продолжают по ним свой путь. Удивительно, но факт! Не надо колебаться и беречь пленку, когда есть возможность снять необыкновенное, неповторимое. Надо снимать!

Запасаясь аппаратурой и пленкой для новой поездки, я руководствуюсь правилом: снимать, снимать без устали все удивительное. А удивительное, как вы видели, в пустыне — на каждом шагу.

Тиранозавр.



Брахиозавры. Мастодонты. Утконосые динозавры.

На заводе железобетонных изделий № 2 в Новокуйбышевске, Куйбышевской области. Фото И. Петкова.

Цена номера 3 руб.